

Переписка Фета

ПИСЬМА ФЕТА к М. П. БОТКИНОЙ

(май — август 1857 года)

*Публикация Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой
Вступительная статья И. А. Кузьминой*

Светлой памяти Г. Д. Аслановой

Во второй половине марта 1857 года, вскоре после возвращения из длительного заграничного путешествия, тридцатилетний Фет прибыл в Москву. Поездка была вызвана печальными обстоятельствами: сестра Надежда, самый близкий ему человек, внезапно сошла с ума, и орловский врач посоветовал везти ее в Москву на лечение. После консультации у знаменитого психиатра Саблера Надежда Шеншина была помещена в частную клинику Красовского в Денисовском переулке, сам же Фет поселился поблизости, сняв «довольно удобную квартиру» на Немецкой улице, в доме графа Шувалова.¹

Обосновавшись в Москве, поэт решил навеститься к давнему, со студенческих лет, приятелю, Василию Петровичу Боткину, чья статья о последней книге его стихотворений совсем недавно вышла из печати.² Боткин проживал по тому же адресу, что и прежде, в доме, купленном

---

¹ *МВ*. Ч. 1. С. 187. См. также примеч. 6 к письму 1, уточняющее адрес Фета.

² *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // *Совр.* 1857. № 1. За эту статью Боткин взялся по просьбе самого поэта. Так, 29 июня 1856 г. он писал А. А. Краевскому: «Давно уже, более двух месяцев тому, как Фет просил меня написать об его книжке для „Современника“, и я, не спросясь броду, сунулся в воду <...>» (Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому / Публ. И. А. Бычкова // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 108).

Фет и Н. А. Шеншина.
Фотография. Париж, осень 1856 г.

его отцом. Обширная усадьба Боткиных с флигелями, хозяйственными службами и примыкавшим с юга садом находилась вблизи Маросейки, с востока она была ограничена Петроверигским переулком, на который смотрел парадным фасадом двухэтажный, с антресолями, «большой» дом. В. П. Боткин еще при жизни отца поселился в одном

из флигелей, там он встречался со своими друзьями, не тревожа семейство, поэтому в свою студенческую пору Фет не имел случая познакомиться с его родными.

Но на этот раз Боткин пригласил поэта на семейный обед в «большом» доме. К столу вышли: брат Василия Петровича Петр Петрович с женой Надеждой Кондратьевной, незамужняя сестра Мария Петровна и еще одна родственница, двоюродная сестра Боткиных Елизавета Васильевна Чичерина.³ Тогда Фет впервые увидел свою будущую жену. Датировать это событие, ввиду крайней ограниченности известных источников, можно только приблизительно, по письму В. П. Боткина к А. В. Дружинину. «Забыл было Вам сказать, — писал Боткин 2 апреля, — Фет здесь уже дней 6, он постоянно обедает у нас — и услаждает собой мою душу. Италию ругает он до омерзения и тем приводит Григоровича⁴ (он еще витает здесь — но едет сегодня в деревню) в негодование ужасное. Бедный Фет в горе: сестра его помешалась, и он привез ее сюда лечить. Я вспоминаю Ваши слова о нем: он действительно услаждает душу: удивительная смесь самых глубоких и верных поэтических инстинктов и тупости.⁵ Но это такое милое сердце, что вид его один веселит меня».⁶

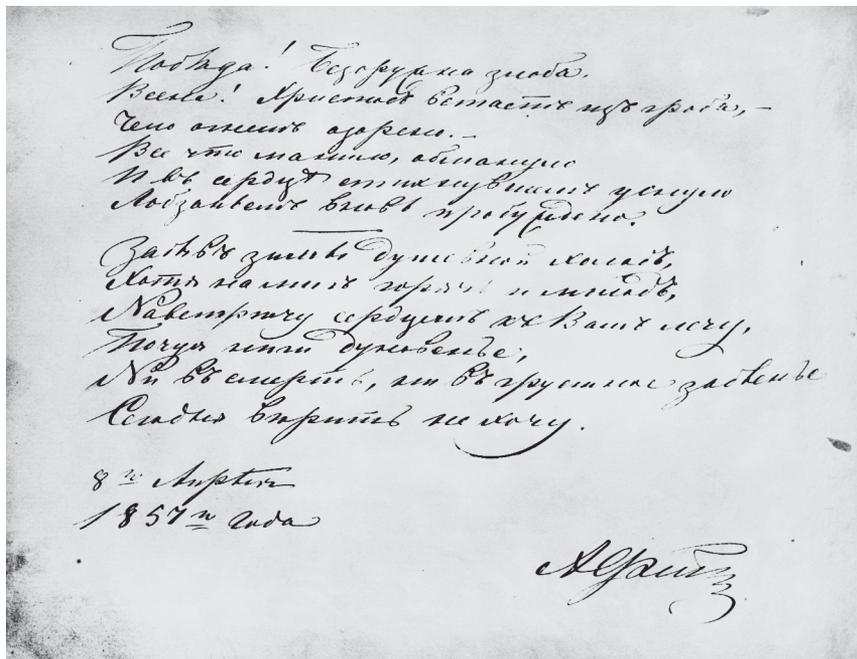
³ МВ. Ч. 1. С. 188.

⁴ Речь идет о писателе Д. В. Григоровиче.

⁵ Ср. с тем, что писал Тургенев Боткину 18 (30) сентября 1856 г.: «Фет в Париже — я его видел. Скучает до иступления — ничего не понимает изо всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох — и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 126—127).

Фет только в январе 1857 г. вернулся из заграничного путешествия, побывав в Карлсбаде, где прошел курс лечения, в Берлине, Париже, Риме и Неаполе. В Италии он был неприятно поражен контрастом между памятниками великого прошлого и жалким настоящим страны (ср. стихотворения, написанные под впечатлением этого путешествия: «Италия» («Италия, ты сердцу солгала...») и «На развалинах цезарских палат» («Над грудой мусора, где плещ тоскливо вьется...»). В последнем, обращаясь к Риму, поэт восклицал: «Законность измерял ты силою великой. / Что ж сиротливо так безмолствуешь теперь? / Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой, / Как устаревший хищный зверь» (*Фет. ССул*. Т. 1. С. 245)). Негативному восприятию Италии способствовали и бытовые неудобства: при отсутствии печного отопления в Риме и Неаполе Фет страшно мерз в условиях итальянской зимы. У его приятелей-западников, к которым относился не только Боткин, но и Тургенев, Дружинин, Григорович, критика европейских порядков не вызывала понимания, тем более что Фет любил эпатировать слушателей, порой высказывая свои мнения в парадоксальной форме. Так, в письме Дружинина к Толстому от 10 февраля 1859 г. упоминается некий проект Фета «о выколонии глаз всем итальянцам» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 278).

⁶ В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 303.

Стихотворение Фета «Победа! Безоружна злоба...». 8 апреля 1857 г.
Альбом М. П. Боткиной

«Наступила Страстная неделя, — вспоминал Фет, — и Боткины пригласили меня к Пасхальной заутрене и к разгавливанию. Вследствие такого приглашения, я отправился с вечера отдохнуть во флигель Василия Петровича, приказав слуге принести мне полную форму и три заказанных букета цветов. Василий Петрович, невзирая на свой скептицизм, с восторгом выстаивал торжественную службу Светлого Воскресения. Действительно, при ярком внутреннем и наружном освещении богатой московской церкви и дорогим хоре певчих, служба отличалась полной торжественностью. Затем все отправились к пасхальному столу, на котором стояли перед дамами поднесенные мною букеты».⁷

На следующий день, в понедельник 8 апреля, Фет пришел на Маросейку с новым стихотворением и записал его в альбом Марии Боткиной.

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба, —
Чело огнем озарено. —

⁷ МВ. Ч. 1. С. 189.

Все, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к Вам лечу,
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.⁸

В одном из писем Фета к Боткиной есть примечательная фраза: «Как я радовался, когда сердце мое трепетало в ту минуту, когда в твоей угольной комнатке писал тебе в альбом и ты шумела около меня платьем».⁹ Можно усомниться, что речь здесь идет именно о пасхальном стихотворении, ведь альбом содержит несколько автографов Фета.¹⁰ Однако в письмах его находим еще одно, драгоценное для биографов поэта свидетельство: «Ты пишешь, что тебе хочется жить. Этого и мне с нынешней Святой хочется».¹¹

Поэт приехал в Москву в тяжелом, подавленном состоянии духа. И вот, спустя каких-то полторы недели после первого посещения Маросейки, его настроение разительно изменилось. Да и сам факт написания лирически окрашенного стихотворения наводит на мысль, что девушка по меньшей мере привлекла к себе внимание Фета.

Дочь основателя крупной чаеоторговой фирмы Петра Кононовича Боткина (1781—1853) от его второго брака с Анной Ивановной Посниковой (1806—1841), Мария Петровна родилась 18 июля 1828 года, при знакомстве с Фетом ей было без малого 29 лет. Как и ее сестры, она воспитывалась дома. П. К. Боткин приглашал к своим детям учителей, начиная с какого-то времени образованием братьев и сестер озаботился и В. П. Боткин. Кстати сказать, Фет познакомился с В. П. Боткиным через Н. А. Ратынского, дававшего в студенческие годы уроки младшим сестрам Василия Петровича Марии и Анне.¹² Биограф С. П. Боткина утверждает, что будущий знаменитый терапевт приобщился к музыке в детстве благодаря жене Т. Н. Грановского Елизавете

⁸ Цит. по: *ИРЛИ*. № 24535 (Альбом М. П. Боткиной). Л. 64 об.

⁹ Письмо от 17—18 июля 1857 г. (№ 24).

¹⁰ В альбом М. П. Боткиной Фет вписал, кроме названного выше, следующие стихотворения: «У камина» («Тускнеют угли. В полумраке...»), без даты (Л. 68), «Только станет смеркаться немножко...», с датой: 1857, 8 мая (Л. 85); «Сестра» («Милой меня называл он вчера...»), без даты (Л. 122). См.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // *ФетСб(1)*. С. 496.

¹¹ Письмо от 8 июля 1857 г. (№ 17).

¹² *РГ*. С. 205.

Семья Боткиных. Фотография К. Бергнера.
Москва, конец 1850-х гг.

В первом ряду (*сидят слева направо*): Петр, Н. К. Боткина, Сергей, Анна, Михаил. Во втором ряду (*слева направо*): Владимир, Павел, Дмитрий, С. П. Постников

Богдановне, урожденной Мюльгаузен, талантливой пианистке (чета Грановских снимала квартиру в доме на Маросейке).¹³ Возможно, влияние Грановской коснулось и Марии, она была музыкальна, серьезно обучалась игре на фортепьяно, одно время брала уроки у известного

¹³ *Нилов Е.* Боткин. М., 1966. С. 11 (сер. «Жизнь замечательных людей». Вып. 2 (419)).

пианиста Мортье-де-Фонтена.¹⁴ Особой склонности к поэзии она не проявляла, однако имя поэта ей было известно до личного с ним знакомства. По крайней мере, В. П. Боткин в одном из писем к сестре упомянул Фета, не поясняя, кто это такой.¹⁵

Фет вспоминает, что Боткин отбыл за границу, «не дожидаясь конца Святой недели».¹⁶ Если мемуарист здесь и ошибся, то ненамного. Судя по письмам и дневнику Дружинина, который составил Боткину компанию в путешествии, приятели выехали из Москвы 14 или 15 апреля 1857 года.¹⁷ При отъезде Боткин еще раз поручил поэта вниманию своего семейства: «Чем в одиночестве-то скучать, <...> отчего вам не приходиться в дом, где вам все рады».¹⁸

М. П. Боткина занимала комнаты на антресолях, там стоял ее рояль. У нее по определенным дням собирался кружок молодежи, который стал посещать и Фет. Впоследствии он писал Боткину: «Мне понравилась девушка — я старался с ней сблизиться, полюбил ее <...>».¹⁹ «Познакомься короче с сестрой Вашей, я более и более убеждался в ее добром сердце и мягком характере, первых залогах всякой возможности домашнего счастья».²⁰

Возможно, ухаживанья Фета длились бы еще долго — в его годы ему было нелегко решиться на женитьбу, — но вдруг он узнал, что Мария на днях уезжает за границу и вернется через несколько месяцев. «По всем обстоятельствам дальнейшее колебание становилось невозможным. И однажды, когда мы, ходя по маросейской зале, ввиду ощу-

¹⁴ В. П. Боткин писал сестре 22 января 1857 г.: «А что твои музыкальные уроки у Мортье де Фонтон? Ты о них ничего не пишешь — разве ты уже охладела к ним? Пожалуйста, разучи хорошенько какую-нибудь из сонат Бетховена — право, этот человек незаменим никем» (*Мендельсон Н. М.* Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету // Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1929. Сб. 2. С. 68). Далее сокращенно: *Мендельсон*, с указанием страницы.

¹⁵ Боткин писал в цитированном выше письме от 22 января 1857 г.: «...не думай, чтоб я все время проводил в праздности — я здесь написал статью о Фете, которая, кажется, вышла недурна — она напечатана в 1 № „Современника“» (Там же).

¹⁶ *МВ.* Ч. 1. С. 190.

¹⁷ 5 апреля 1857 г. Дружинин писал Боткину: «В среду или четверг на Святой рассчитываю выехать, а так как все мои дела в Москве <...> требуют одного дня, а много двух, то делайте все приготовления для выезда к 15 или, пожалуй, к 14» (Письма А. В. Дружинина к В. П. Боткину / Вступит. статья, публ. и коммент. О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой // Октябрь. 2000. № 9. С. 163). А в дневнике Дружинина есть следующая запись от 9 апреля: «Послезавтра еду за границу, чрез Москву и Варшаву» (*Дружинин. Дневник.* С. 403).

¹⁸ *МВ.* Ч. 1. С. 190.

¹⁹ Письмо от 14 июня 1857 г.: *Фет/Боткин.* С. 195.

²⁰ Письмо от 16 мая 1857 г.: Там же. С. 188.

щаемой возможности избавиться от нравственной бесприютности и одиночества, невольно стали на них жаловаться, — я решился спросить, нельзя ли нам помочь друг другу, вступая в союз, способный вполне вознаградить человека за всестороннее безучастие. Хотя такой прямой вопрос и ставил Марью Петровну, за отсутствием Василия Петровича, в очевидное затруднение, тем не менее она безотлагательно приняла мое предложение, чистосердечно объявив, что у нее ничего нет, за исключением небольшого капитала. Хотя у меня приблизительно было столько же, но так как все это было разбросано по разным рукам и, что еще хуже, — по родственным, то я, во избежание могущих встретиться разочарований, объяснил наотрез, что у меня ничего нет. Таким образом, не объявляя никому ничего в доме, мы дали друг другу слово и порешили отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращения невесты из-за границы».²¹

Судя по этому отрывку, где нет ни слова о любви, можно подумать, что брак Фета и Боткиной был не более чем союзом одиноких людей. Но, как справедливо заметила Г. Д. Асланова, «мемуары Фета не исповедальны — душа их автора спрятана за внешним течением событий».²² Сыграл свою роль и фактор времени: Фет диктовал свои воспоминания в конце жизни, с высоты прожитых лет бесстрастно взирая на далекое прошлое. Совсем иначе он описал свое объяснение с Боткиной в одном из июньских писем к ней, когда впечатления от столь важного для него события были еще свежи: «Я сделал предложение девушке, которую полюбил, за два дни до ее отъезда за границу и получил ее полное согласие и *честное слово*. „*Будьте совершенно покойны*“, — сказала мне моя невеста. Точно ли могу я быть покойным на этот счет? — спросил я. „*Да, да*“, — отвечала она у рояля: „*вот вам моя рука*“. Все это случилось так быстро, что я не успел ничего ей сказать и объяснить, исключая одного. Вы, говорю я ей, жили в богатом доме, а теперь связываете свою судьбу *навек* с человеком, который Вас искренно и преданно любит, но которого состояние как раз равно Вашему и вместе с Вашим не составит большого. Я Вам даю, любимой мною женщине и самому себе, слово неусыпно работать, насколько сил моих хватит, для того чтобы не заставить Вас нуждаться. Вы к этому не привыкли, да и у меня бы нужда и Ваши лишения отняли всякую иллюзию в жизни, *я был бы глубоко несчастлив*. <...> Вот та важная мысль, которую я, делая предложение, передал моей невесте».²³

---

²¹ МВ. Ч. 1. С. 192–193.

²² «От тебя одной зависит мое полное счастье...»: Письма А. А. Фета к невесте / Публ. и примеч. Г. Д. Аслановой // Наше наследие. 1999. № 49. С. 54. Далее сокращенно: *Наше наследие*, с указанием страницы.

²³ См. письмо 10 (между 13 и 18 июня 1857 г.).

Среди биографов поэта вплоть до 90-х годов прошлого века господствовало представление о том, что Фет женился на Боткиной ради ее приданого, не испытывая к ней любовных чувств. Сохранившиеся письма Фета к невесте, впервые частично опубликованные Г. Д. Аслановой²⁴ (в настоящем сборнике они представлены в полном объеме), а также письма Фета к В. П. Боткину, подготовленные к печати Ю. П. Благоволиной,²⁵ говорят сами за себя, избавляя нас от необходимости особо распространяться об ошибочности такого взгляда на брак поэта. Но остается вопрос о материальной обеспеченности как невесты, так и жениха, который представляется существенным и требует пояснения.

Мнение о значительном состоянии Боткиной (настоящего размера которого никто не указывал) основывалось на том обстоятельстве, что она была дочерью богатого купца. При этом не принималось во внимание, что у Петра Кононовича, оставившего, по словам Фета, «далеко не огромный капитал»,²⁶ было четырнадцать детей. Как установила Г. Д. Асланова, обнаружившая в Отделе письменных источников Государственного исторического музея завещание П. К. Боткина, приданое Марии составляло 35 тысяч рублей серебром.²⁷ Чтобы представить себе, насколько велика была эта сумма, приведем для сравнения факт из биографии С. П. Боткина, получившего в наследство 20 тысяч рублей серебром. «...Их ему хватило, — пишет Б. Ф. Егоров, — *при его скромных потребностях*, на четыре с половиной года упорного труда в европейских университетах и клиниках да еще и на женитьбу, и на семейную жизнь в конце того четырехлетия».²⁸ Заметим, что молодой врач мог себе позволить растратить за немногие годы все свое наследство, в итоге он приобрел профессию, которая кормила его и его семью до конца жизни. Фет же должен был планировать свой бюджет, рассчитывая только на банковские проценты. «У меня 35 т<ысяч> сер<ебром> капиталу, у Вашей сестры, по ее словам, столько же — следовательно, мы ни в коем случае не можем получать менее 4500 р. в год — а этим можно жить сносно», — писал он Боткину 16 мая 1857 года.²⁹ В другом письме к тому же адресату он оценивает свои перспективы более сдержанно: «У нас у двух будет 70 т<ысяч> сер<ебром>, т. е.

²⁴ Асланова Г. Д. 1) «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 197–210 (Далее сокращенно: *Новый мир*, с указанием страницы); 2) *Наше наследие*. С. 39–54.

²⁵ *Фет/Боткин*. С. 156–542.

²⁶ *МВ*. Ч. 1. С. 188.

²⁷ *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 1. См.: *Новый мир*. С. 198.

²⁸ *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 150–151. Курсив наш. — *И. К.*

²⁹ *Фет/Боткин*. С. 188.

столько, что, живя прилично, только-только можно сводить концы с концами <...>». ³⁰

В действительности же цифра в 70 тысяч была скорее умозрительной. Личное состояние Фета, по его собственному признанию, было «разбросано по разным рукам и, что еще хуже, — по родственным», т. е. заключалось в заемных письмах. Достоверно известно о существовании одного такого письма на 30 тысяч рублей серебром, выданного Фету в 1854 году его братом Петром Шеншиным. ³¹ Вексель этот был безденежным, настаивать на выплате не то что всего капитала, но и процентов с него Фет не мог. В «Моих воспоминаниях» приводятся слова П. А. Шеншина, сказанные им, когда Феты жили уже в Степановке: «Я давно мучаюсь своею неаккуратностью и очень хорошо знаю, что несвоевременная высылка мною процентов была одною из причин, заставивших тебя бежать из Москвы». ³² Как показывает цитированное выше письмо к невесте, Фет вполне осознавал недостаточность их общих средств для «приличной», по меркам Боткиных, жизни. Дав невесте слово «неусыпно работать», чтобы не заставить ее нуждаться, поэт имел в виду свои литературные гонорары, которыми он надеялся пополнить семейный бюджет.

В объяснении молодых людей была затронута еще одна тема, которая по понятным причинам не получила отражения в «Моих воспоминаниях». «Бедняжка, смущенная и трепетная, в отрывочных словах передала мне свое *прошлое*, и я сказал ей то же, что и Вам повторяю, — писал Фет Боткину 16 мая 1857 года. — Я не китаец по понятиям. Мое спокойствие и счастье зависит от ее будущего, а не от прошедшего. <...> До сих пор я умел, несмотря ни на какие обстоятельства, сохранить, мало того создать свою полную независимость, и я надеюсь сохранить ее навсегда — тем более оградить любимую женщину от всех возможных посягательств на ее спокойствие извне. Доживать век одиноко — грустно, женщина любит меня, а я не совью и ей и себе уютного гнездышка, только потому что соседи могут смотреть на это неприязненно. Но ведь выбор соседей будет тоже зависеть от нас». ³³

О каком «прошлом» шла речь? Из переписки Боткиных, говоривших о случившемся в общих выражениях, поскольку подробности были всем известны, можно понять, что в 1854 году девушка пережила несчастный роман, который получил огласку. ³⁴ После этого Мария в со-

³⁰ Письмо от 14 июня 1857 г.: Там же. С. 194.

³¹ См. об этом подробнее примеч. 3 к письму 2.

³² *МВ*. Ч. 1. С. 419.

³³ *Фет/Боткин*. С. 188.

³⁴ См. об этом подробнее: Там же. С. 161, 190, примеч. 3.

провожении брата Дмитрия уехала за границу, где провела больше года. Родные ее не осуждали, напротив, сочувствовали и старались поддержать, но общество смотрело на ее проступок иначе. Женившись на ней, Фет мог стать мишенью для пересудов.

Сразу после объяснения Фет написал Марии письмо, в котором раз и навсегда подвел черту под прошедшим: «Повторяю все, что отрывочно успел сказать Вам в смутную минуту нашего последнего разговора. Я желаю быть Вашим ближайшим и преданнейшим другом, а не помехой в жизни, я хочу отогреть Вас ото всего, что могло сжать холодом Ваше сердце, а не стоять перед Вами нелепой укоризной. Ваше прошлое может меня только интересовать как человека, принимающего живейшее участие в душевной Вашей жизни, но для личного моего счастья мне нужно Ваше будущее».³⁵

16 мая Мария и ее старшая сестра Е. П. Щукина поездом выехали в Петербург, чтобы оттуда пароходом отправиться в Германию. Сестры предполагали в течение трех месяцев побывать на немецких, швейцарских и французских курортах. Фет провожал невесту на вокзале. О помолвке официально объявлено не было: молодые люди считали необходимым получить согласие на брак старшего из Боткиных, Василия Петровича. Письмо, написанное Фетом в тот же день, сохранило некоторые подробности прощания: «Когда Вы садились в вагон, я увидел своего сослуживца. Он подошел ко мне, расцеловался и объявил, что он женится и что его провожает невеста. Я до того был взволнован собственным положением, что забыл его даже поздравить. Я видел, как он впился губами в кисть ее руки, повыше перчатки. Она ужасно дурна собой, но он видимо счастлив. Что ж я-то? Я никому не смею сказать, что провожаю невесту! — Добрая, милая Марья Петровна, я не верю своему счастью».³⁶

Впереди была длительная разлука. Сначала, как сказано в «Моих воспоминаниях», было решено «отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращения невесты из-за границы». Однако за оставшиеся дни Фет успел передумать: в письме от 16—18 мая 1857 года читаем о его планах выехать из Москвы в первых числах августа и венчаться в Париже.³⁷

Из московских писем Фета к В. П. Боткину сохранилось три. В первом из них, от 16 мая 1857 года (которое уже цитировалось выше), поэт сообщил, что сделал формальное предложение Марии Петровне и объяснил, какими средствами он располагает. Через два дня последовало

³⁵ См. письмо от 14 мая 1857 г. (№ 2).

³⁶ Письмо от 16—18 мая 1857 г. (№ 4).

³⁷ См. письмо 4. О том же Фет писал В. П. Боткину в письме от 16 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 189).

М. П. Боткина.

Портрет работы неизвестного художника (карандаш, акварель). 1848 г.
Альбом М. П. Боткиной

второе, ярко иллюстрирующее его душевное состояние: «Я бывал не раз в жизни влюблен, но быть влюбленным в кого бы то ни было и быть влюбленну в невесту — адская разница. Я так счастлив, что готов дома ломать, в груди 16 лет и каждый день стихотворение. Если б жизнь могла длиться при таких условиях, я молил бы у неба бессмертия». И добавлял: «Вместо объяснений выписываю Вам два стихотворения,

одно написано третьего дня, а другое вчера. Сегодня тоже написал, но оно велико, и я оставляю его до следующего письма».³⁸

Стихи, о которых идет речь, это «Еще майская ночь» и «Цветы». Судя по письму, их можно датировать 16 и 17 мая 1857 года. По поводу третьего, написанного «сегодня» и отложенного до следующего раза из-за его величины, Ю. П. Благоволина высказала весьма правдоподобное предположение, что Фет имел в виду стихотворение «Был чудный майский день в Москве...», состоящее из девяти строф.³⁹ А если принять во внимание, что 15 мая датировано стихотворное послание «Другу», сохранившееся среди писем к невесте, то становится понятным, что Фет ничуть не преувеличивал, утверждая, что каждый день пишет по стихотворению. Эйфория, охватившая влюбленного поэта, вызвала мощный поток вдохновения, и сам он ясно понимал, в чем его источник: «Написал еще хорошее стихотворение. Люди хвалят, а и не подозревают, отчего оно хорошо. В Диепп привезу Вам все стихотворения, написанные под Вашим влиянием».⁴⁰

Ю. П. Благоволина, процитировав известнейшие строки из стихотворения «Еще майская ночь», задается риторическим вопросом: «Мог ли этот высокий взлет поэтического вдохновения явиться в условиях обыденно-прозаических обстоятельств женитьбы по расчету?».⁴¹ Действительно, текст, который по праву можно отнести к шедеврам русской лирики, был написан на третий день после обручения поэта. Даже если бы письма к невесте не сохранились, одного этого факта было бы достаточно, чтобы похоронить домыслы о расчетливом Фете, продавшем себя за «сундук с червонцами».⁴²

В письмах Фета к М. П. Боткиной содержится несколько упоминаний о «вдохновленных» ею стихах, которых было, видимо, не менее полутора десятка. Именно такую цифру называет сам поэт в письме к Боткину от 14 июня: «...написал стихотворений 15, и это одна из самых ярких эпох моей пиитической деятельности, по словам Григорьева».⁴³

К сожалению, большинство предсвадебных писем со стихотворными текстами пропало. В настоящее время можно с уверенностью говорить только о семи стихотворениях, написанных весной и летом 1857 года. Попытка выявить другие стихи, связанные с личностью Марии Ботки-

³⁸ Фет/Боткин. С. 192.

³⁹ Там же. С. 193, примеч. 7.

⁴⁰ Письмо от 16–18 мая 1857 г. (№ 4).

⁴¹ Фет/Боткин. С. 159.

⁴² См. статью Д. Д. Благого «Мир как красота»: Фет А. А. Вечерние огни. 2-е изд. М., 1981. С. 513–514 (Лит. памятники).

⁴³ Фет/Боткин. С. 194.

ной, предпринята нами в отдельной статье,⁴⁴ а пока вернемся к истории женитьбы Фета.

После отъезда невесты Фет много времени проводит в кругу ее родных, часто бывает в доме на Маросейке и в Кунцево, где Боткины снимали дачи. Тайна его сватовства продержалась недолго. Перед отъездом Мария рассказала кому-то из братьев о своем предстоящем замужестве,⁴⁵ а затем объявила о том же своей невестке Н. К. Боткиной в одном из первых писем домой. «Знаете, милая Надечка, что сон, который Вы видели в день моего отъезда, кажется, сбудется <...>, — писала она из Берлина 8 июня (27 мая ст. ст.) 1857 года. — Не знаю, <...> похвалите ли Вы меня за мое решение, но меня Фет последнее время заинтересовал и казался мне добрым и благородным человеком <...> Передайте, пожалуйста, это Петеньке, вероятно, он будет этим доволен, только одним разве будет недоволен, что он поэт, но ведь он тоже и полковник. <...> Но только, пожалуйста, чтоб это осталось между нами, потому что я и сама ничего не знаю наверно. Я это только сказала братьям, которые были ужасно этим обрадованы».⁴⁶

Замечание о сбывшемся сне любопытно: очевидно, Боткины видели, что происходит между Марией и Фетом, и ожидали их помолвки. Это и не удивительно, после отъезда В. П. Боткина Фет, по его собственным словам, обедал на Маросейке ежедневно, и даже прислуга понимала, ради кого он приезжает: «...люди при входе моем уже говорили (когда Мари не было дома): Марьи Петровны дома нет».⁴⁷

Все Боткины были рады известию о сватовстве Фета. Особенно это заметно по реакции старшего из них, который по обстоятельствам долгое время был оторван от домашних новостей и узнал о случившемся последним. 28 июня (10 июля) 1857 года, получив, наконец, из Рима майские письма Фета, он в тот же день написал обоим, и жениху, и невесте. Письмо к Фету не сохранилось, но отношение В. П. Боткина

⁴⁴ См. нашу статью «О „боткинском“ периоде в творчестве Фета (весна — лето 1857 года)» в наст. томе.

⁴⁵ В мае 1857 г., когда М. П. Боткина и Е. П. Щукина отправились за границу, в Москве, кроме Петра, было только двое из братьев Боткиных: Иван и Дмитрий. Михаил и Павел проживали в Петербурге (первый был студентом Академии художеств, второй — служил в Министерстве внутренних дел), а остальные братья находились за пределами России: Николай был в Париже, Владимир, подобно Василию, в то время путешествовал по Западной Европе, Сергей продолжал свое образование в Берлине. Мария могла рассказать о брачном предложении Фета как «московским», так и «петербургским» братьям, поскольку путь ее за границу пролегал через Петербург.

⁴⁶ *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 27 об.—28 об. См. также: *Фет/Боткин*. С. 190, примеч. 1, 2.

⁴⁷ Письмо к В. П. Боткину от 27 декабря 1857 г.: *Фет/Боткин*. С. 243—244.

В. П. Боткин.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1848 г.
Альбом М. П. Боткиной

к предстоящему событию со всей определенностью высказано в письме к сестре: «Спешу тебе сказать, что я с удивлением и радостью услышал о намерении Фета. Впервые я узнал об этом из письма Миши к Володе, назад тому недели две.⁴⁸ <...> Скажу откровенно: я считаю Фета очень добрым, прямодушным и во всех отношениях хорошим челове-

---

⁴⁸ См. примеч. 4 к письму от 30 июня 1857 г. (№ 14).

Д. П. Боткин.

Портрет работы И. Петровского (карандаш). Москва, 29 ноября 1852 г.
Альбом М. П. Боткиной

ком; а вдобавок к этому он еще человек очень благоразумный — чего, например, решительно недостает Пикулину. На вид он неуклюж несколько, — но в сущности он человек с очень тонким чувством и с верным умом. При всем этом Фет истинно благороден. Узнавши его, — трудно его не полюбить: это испытали все друзья его по литературе, которые все искренно любят его. Но ведь женщины смотрят на вещи иначе, а иногда даже (и большею частию) вверх ногами. Если тебе Фет

сколько-нибудь нравится, — я бы, положила руку на сердце, счел бы ваше соединение самым счастливейшим днем в моей жизни. Правда, что Фет — человек не блестящий, но, всмотревшись в душу этого человека, увидишь там драгоценные свойства. Он умен, но по-своему, оригинально, можно сказать, самобытно умен, без фраз и без прикрас, без малейшей натяну<то>сти и лживости. Он прямодушен, деликатен и честен — и на дне души его чисто и светло. Вот каким я знаю Фета, таким знают его и все литературные друзья его. После всего этого ты поймешь, как радостно подействовало на меня известие о его предложении. Если ты могла в это время сколько-нибудь узнать его, то предложение его не могло быть тебе неприятным. Одно только меня заботит, как чувство его примирится с *роковым событием*? Увы! редкий человек может примириться с этим. Нужно иметь много сердца и высокое благородство души, чтоб простить и стать выше этого. Если же он способен на это и если ты могла оценить его внутренние качества, — то да благословит вас Бог. Поверь, день вашей свадьбы будет для меня самым радостным днем моей жизни. Фет может быть самым примерным мужем. При всей своей угловатости внешней, — это человек с самым деликатным и тонким чувством. Но я боюсь доверяться моей радости. Фету я писал сегодня же, потому что только сегодня же получил его письмо, которое тоже дошло ко мне сюда из Рима. Буду ждать теперь с сердечным трепетом дальнейших известий о его предположениях. О, если б совершилось это, как я желаю!». ⁴⁹

Особо теплые отношения сложились у Фета с Д. П. Боткиным, с которым Мария была дружна, видимо, с детства. Вот что Дмитрий писал сестре в письме от 4 июня: «Наконец я получил твою весточку из Берлина с приятным известием о благополучном проплывтии моря. Письмо твое, милая моя Машенька, меня очень порадовало, — из него я заметил, что ты весела и спокойна душой, да оно тебе так и подобает. Перед тобой открывается новая жизнь, и ты должна сбросить с себя все твои тревоги, которые так часто посещали тебя. Ты перестрадала много, и Бог пошлет тебе за то счастья и душевного спокойствия. С Фетом я последнее время сблизился и скажу тебе, что он вполне достоин любви и уважения, поэтому и составит твоё счастье. Он бывает у меня на даче, ходит влюбленным и то и дело что говорит о тебе да строит планы на будущую вашу жизнь. Несколько дней тому назад я у него обедал, и мы распили за твоё здоровье бутылочку». ⁵⁰

⁴⁹ РГБ. Ф. 315. К. 6. № 25. Л. 6—7. См. также: *Новый мир*. С. 203. Боткин лечился тогда на французском термальном курорте Экс-ле-Бен (в 70 км от Женевы). Упомянутый Пикулин — Павел Лукич *Пикулин*, муж сестры Боткиных Анны. См. о нем примеч. 4 к письму от 15 июля 1857 г. (№ 22).

⁵⁰ РГБ. Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 3—3 об.

Между тем настроение поэта стало меняться, восторженная эйфория первых недель сменилась тоской и нетерпением, которые усугублялись из-за отсутствия писем от невесты и от В. П. Боткина. Сам он писал почти каждый день, а иногда и дважды в день, испытывая острую потребность в общении с любимой, в одном из писем Фет очень точно и образно сказал об этом: «Я дышу тобой, как воздухом, я пишу к тебе, как пьяницы пьют, запоем».⁵¹ Не зная точного адреса, он отправлял письма до востребования в города, которые Мария собиралась посетить, но это был монолог, ответные письма не приходили. «А если бы Вы влезли теперь в мою шкуру — то посмотрели бы, что у меня под черепом за ералаш. Пишу к Вам — нет ответа. Пишу к ней по всей Европе — нет ответа», — жаловался поэт В. П. Боткину в письме от 14 июня 1857 года.⁵² Первое из его писем, отправленных за границу, попало в руки Боткиной лишь 6 июня ст. ст. К середине июня он получил от невесты только два письма, которые не были ответом на его письма. Много лет спустя после описываемых событий, обсуждая с управляющим затруднения, которые могли возникнуть при продаже Степановки, Фет сделал интересное признание: «Я так напуган жизнью, в которой всюду натыкался на беду, где ее и не ожидал, что мнительность вошла в мою плоть и кровь».⁵³ Эти слова позволяют лучше понять переживания поэта. Мнительность, наложенная на реальные проблемы с перепиской, диктовала такие, например, строки: «Просто места не нахожу и не знаю, куда деться. <...> в день по сту раз мне приходит в голову: а ну как она вдруг мне откажет?».⁵⁴ Отвлечься от тягостных мыслей помогали житейские хлопоты: Фет снимает квартиру в Замоскворечье и погружается в заботы о ее отделке, заказывает мебель и домашнюю утварь, обзаводится каретой и парой лошадей. С четырнадцати лет, начиная с пансиона Крюммера и заканчивая казенными квартирами военных поселений, он скитался по чужим углам. И вот впервые у него появляется собственный дом, который он обустроивает с тем увлечением, которое всегда было свойственно Фету, за что бы он ни брался. Обо всем, что с ним происходило, о своих мечтах, надеждах и опасениях, он подробно писал невесте, изливая в письмах душу: «Мне сейчас пришло в голову, что если бы мои письма к тебе попались в руки какому-нибудь досужему будущему биографу, если такой найдется. Уже наверное он узнал бы из них меня лучше, чем из какого дру-

---

⁵¹ Письмо от 20—21 июня 1857 г. (№ 12).

⁵² *Фет/Боткин*. С. 195.

⁵³ Письмо А. И. Иосту от 17 декабря 1877 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 15. Л. 29.

⁵⁴ Письмо от 13 или 14 июня 1857 г. (№ 9).

гого источника. Тут я не притворяюсь, а пишу, что на ум взбредет и чем сердце полно».⁵⁵

К июлю переписка наладилась, но писем Фету было уже недостаточно. «Я смотрю на настоящее состояние души моей, — писал он невесте, — как на болезнь, от которой меня излечит твое присутствие, как берег излечивает от морской болезни».⁵⁶ В Москве его удерживало лишь одно обстоятельство — дело об увольнении его в заграничный отпуск продвигалось туго. В последнем из московских писем, от 24—25 июля 1857 года, читаем: «Неужели я до субботы, т. е. до 27-го, не получу паспорта? Чемоданы будут готовы — только паспорт в руки и пошел в Питер, а там на пароход и далее».⁵⁷

Много говоря о чувствах Фета, мы едва ли не полностью обходим молчанием чувства его невесты. Беда в том, что из писем Марии Петровны к жениху до наших дней не дошло ни одного. Тем большую ценность представляют некоторые строки из ее писем к Н. К. Боткиной. 25 июля (6 августа) 1857 года, когда до свадьбы оставалось недели три, Мария писала домой из Дьеппа: «Я ужасно рада, что Фет Вам нравится. Если бы Вы знали, милая Надечка, как я теперь счастлива, что не знаю, как благодарить за свою судьбу, даже боюсь и думать о своей будущей жизни. В продолжение моего путешествия я постоянно получала письма от Фета, и они были самые нежные и поэтичные, так что чем более его узнаю, тем искреннее к нему привязываюсь».⁵⁸

Дата отъезда поэта из России устанавливается благодаря стихотворению, сочиненному им во время морского путешествия в Любек для памятной книги капитана Крюгера:

Весь переезд забавою
Казался; третьим днем
И морем мы, и Травою
До Любека дойдем.
И как бы ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.⁵⁹

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в рубрике «Судоходство и торговля» регулярно печатались сведения о прибывающих к кронштадтскому порту и отбывающих кораблях. Среди кораблей, прибыв-

⁵⁵ Письмо от 15 июля 1857 г. (№ 22).

⁵⁶ Письмо от 30 июня 1857 г. (№ 14).

⁵⁷ Письмо от 24—25 июля 1857 г. (№ 27).

⁵⁸ *ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 372. Л. 24 об.

⁵⁹ Цит. по: *МВ*. Ч. 1. С. 197.

ших 26 июля, назван пароход «Нева», принадлежавший Любекскому пароходному обществу⁶⁰ («из Любека в 72 часа, шк<ипер>⁶¹ Крюгер, с разн<ыми> тов<арами> и 45 пассажирами»).⁶² Есть сообщение и о том, когда пароход «Нева» отбыл из Кронштадта: 31 июля.⁶³ На борту было 25 пассажиров и среди них, очевидно, Фет. Как видно из его последних писем и других источников, 3 августа он был в Любеке, 5-го — в Висбадене, 6-го вечером — в Париже и уже 7 августа — в Дьеппе, где его ждала невеста.

Мария Боткина и Екатерина Щукина проживали в Дьеппе, старинном французском курорте на побережье Ла-Манша, с первой половины июля.⁶⁴ 16 (28) июля туда же приехал страдавший от ревматизма В. П. Боткин — врачи прописали ему морские купания. Боткин не подозревал, что сестры уже в Дьеппе, пока случайно не встретил их на прогулке.⁶⁵ Родственники расстались около трех месяцев назад, можно предположить, что предстоящее замужество младшей сестры стало главным предметом разговоров между ними. «Вообразите, Надечка, мне Basil какой делает подарок для свадьбы, — писала Мария Н. К. Боткиной 25 июля (6 августа), — делает мне весь мой туалет и дает на это мне 3000 франков, для того чтоб я своих денег много не тратила, и так рад моей свадьбе, потому что Фета уже знает несколько лет за отличного человека. Все это меня ужасно радует и успокаивает».⁶⁶

⁶⁰ «Общество акционеров для заведения между Петербургом и Любеком пароходов» (или «Общество С.-Петербургско-Любекских пароходов») было создано в 1830 г. Для Общества были заказаны пароходы «Николай I» и «Александра», которые начали совершать регулярные рейсы в Любек. В 1835 г. был построен третий пароход, «Наследник», а в 1853 г. флот Общества пополнился двумя железными пароходами в 200 сил «Нева» и «Траве» (Залесский И. А. «Одесса» выходит в море: Возникновение парового мореплавания на Черном море. 1827—1855 гг. Л., 1987. С. 14—15).

⁶¹ Шкипером до 1902 г. официально именовался капитан торгового корабля.

⁶² *СПбВед.* 1857. 30 июля. № 163. С. 846.

⁶³ Там же. 2 августа. № 166. С. 864.

⁶⁴ 24 июля, т. е. 12 июля ст. ст., в Дьепп пришло письмо Фета, которое, видимо, в тот же день попало в руки М. П. Боткиной; ее помета о получении письма 23 июля, очевидно, ошибочна (см. конверт к письму 16).

⁶⁵ 17 (29) июля 1857 г., на другой день по прибытии в Дьепп, Боткин писал сестре: «Совершенно наудачу пишу к тебе это письмо, потому что совершенно не знаю, где вы находитесь и есть ли какая возможность поймать вас. <...> Бедный Фет, кажется, в ужасном беспокойстве. Я уже писал к тебе <...> что я со своей стороны нахожу Фета во всех отношениях прекраснейшим и рассудительным человеком, и смею надеяться, что ты несчастлива с ним не будешь» (*Мендельсон.* С. 69—70). См. также примеч. 15 к письму от 24—25 июля 1857 г. (№ 27).

⁶⁶ *ОПИ ГИМ.* Ф. 122. № 372. Л. 25. См. также: *Фет/Боткин.* С. 161.

О реакции Боткиной на известие о приезде жениха дает представление длинное письмо Василия Петровича от 19, 20 и 22 августа н. ст. 1857 года, которое к тому же является ценным источником для хронологии описываемых событий. «С сестрами выдаюсь по нескольку раз в день и вечера обыкновенно проводим вместе, — писал Боткин брату Дмитрию 7 (19) августа. — Кстати: сегодня получила Маша от Фета телеграфическую депешу из Парижа, которой он уведомляет, что сегодня в 5 часов вечера он будет в Диепп. Право, все это сделалось так неожиданно, что я до сих пор боюсь верить. <...> На Машу письма Фета производили действие электричества, а сегодня от депешки она едва могла расписаться в получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова».⁶⁷

10 (22) августа 1857 года Фет увез обеих сестер в Париж.⁶⁸ Отбыл из Дьеппа и В. П. Боткин, прервав на короткий срок свое лечение: во французской столице его ждал специально приехавший ради свидания с ним Тургенев.⁶⁹ Таким образом, Боткин, Фет и Тургенев встретились в Париже и провели в тесном общении день. Последний дал поэту согласие быть шафером на его свадьбе, а по прибытии в Куртавнель так описал свои впечатления от встречи с приятелем в письме к Л. Н. Толстому: «Фет сияет счастьем — дай бог ему продолжать так, как начал — и мне кажется, что у него есть *шансы* — его невеста, кажется, добра и, по крайней мере, не будет его мучить».⁷⁰

С месяц тому назад, в одном из писем к невесте, Фет предложил венчаться 16 августа ст. ст., что не вызвало возражений с ее стороны. Однако в Дьеппе выяснилось, что курс лечения В. П. Боткина продлится до 19 августа (1 сентября), и жениху пришлось согласиться на более позднюю дату, 20 августа. Согласиться-то он согласился, но сразу после отъезда Боткина и Тургенева из Парижа не выдержал и отправил им вслед письма, в которых под надуманным предлогом просил приехать на свадьбу не к 20-му, а к 16-му числу.⁷¹

Много лет спустя Фет вспоминал: «16 августа в четыре часа карета, запряженная парой прекрасных серых лошадей, с лакеем и кучером

⁶⁷ ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 107. Л. 9–10. Машинописная копия.

⁶⁸ Там же. Л. 11.

⁶⁹ «Мы проведем сутки вместе, наговоримся, и ты уедешь обратно, а я поеду в Куртавнель», — писал Тургенев Боткину из Булони 6 (18) августа 1857 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 250).

⁷⁰ Там же. С. 252–253. О том же Тургенев писал 12 (24) августа Н. А. Некрасову: «Он (Фет. — И. К.) ужасно весел, болтлив и счастлив. Дай бог ему счастья!» (Там же. С. 251).

⁷¹ См. об этом примеч. 6 к письму от 10 июля 1857 г. (№ 20).

в одинаковых ливреях, явилась к нашему подъезду. А я, не желая тратить денег на ненужный мне фрак, оделся в полную уланскую форму и отправился в церковь с Тургеневым».⁷² В 1857 году в Париже еще не было настоящего православного храма, посольская Петропавловская церковь размещалась в съемном особняке. По условиям договора о найме 1830 года, для устройства церкви посольство арендовало целый дом с двором, двумя садами и прилегающими к нему службами, расположенный в Париже, «rue neuve de Berry № 4, между фобуром Сент-Оноре и Елисейскими полями».⁷³ Тогда это была самая окраина города, пустынная (Елисейские поля только начинали застраиваться) и небезопасная. Но, вероятно, через четверть века район стал более благополучным, протоиерей Васильев, перечисляя в одном из своих писем 1856 года «неудобства» парижского храма, на его местоположение не жалуется.⁷⁴

В архиве Г. Д. Аслановой сохранилась ксерокопия страниц из метрической книги посольской церкви. Согласно парижской метрике, 16 августа ст. ст. в храме состоялось венчание поручика уланского полка Афанасия Афанасьевича Фета и дочери почетного гражданина Петра Кононова Марии.⁷⁵ Таинство совершили священник Михаил Орлов⁷⁶

⁷² *МВ*. Ч. 1. С. 202.

⁷³ Современный адрес — улица de Berry, № 12, особняк не сохранился (*Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены: От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 70. Далее сокращенно: *Росс*, с указанием страницы). Посольская церковь просуществовала на этом месте до сентября 1861 г., вплоть до освящения храма св. Александра Невского. На улице du Faubourg Saint-Honoré в 1849—1864 гг. находилось русское посольство (*Росс*. С. 64).

⁷⁴ Письмо от 6 (18) сентября 1856 г. к посланнику в Париже барону Ф. И. Брунову: Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л. К. Бродским. Пг., 1915. С. 172—176. Далее сокращенно: *Васильев, прот. Парижские письма*, с указанием страницы.

⁷⁵ Фамилия отца невесты по недосмотру поручителей была пропущена и вписана только в 1881 г., см.: *МВ*. Ч. 1. С. 202—203.

⁷⁶ *Орлов* Михаил Никифорович (1831—1878), из Тверской епархии, рукоположен в 1856 г., в январе следующего года прибыл в Париж, получив место второго священника при русской посольской церкви. В 1859 г. был переведен в Неаполь, в 1866 г. — во Флоренцию, где в качестве настоятеля посольской церкви окормлял небольшую, но элитарную русскую колонию. Достаточно сказать, что с 1863 г. он был духовником дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны (1819—1876), жившей под Флоренцией на вилле Кварто. Погребен на флорентийском кладбище Аллори (*Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 62—63; *Васильев, прот. Парижские письма*. С. 179, 190—191).

<p>Свидетельство срок.</p>	<p>Место и день.</p>	<p>Звание, имя, отчество, во Франции и Венгрии вступил в брак и указал брачные.</p>	<p>Звание, имя, отчество и во Франции и в Венгрии вступил в брак и указал брачные.</p>
<p>1.</p>	<p>Фефраль Третья</p>	<p>Действительный Статский Советник Александр Дмитриевич Кривошеин. Указал место вступления, мр- ские брачные.</p>	<p>Дочь Коллежского Советника Клема Александровича Питропольского и в Венгрии вступил в брак и указал брачные. 44. <i>Владимир Меньков</i> дети, по имени Франки <i>Франко-ерен</i> и по имени <i>Дробин Вей</i> <i>Дробин</i></p>
<p>2.</p>	<p>Март Шестнадцатая</p>	<p>Полковник уланского полка. Александр Иванович. Указал место вступления, первые брачные.</p>	<p>Первая Миссия Темновского и в Венгрии вступил в брак и указал брачные. 45. <i>Владимир</i> <i>Меньков</i></p>
<p>3.</p>	<p>Сентябрь Шестнадцатая</p>	<p>Секретарь Министерства Внутренних Дел. Указал место вступления, первые брачные.</p>	<p>Дочь Секретаря Министерства Внутренних Дел. Указал место вступления, первые брачные. 45. <i>Владимир</i> <i>Меньков</i></p>

Въ самомъ подлѣ
въ дѣлѣ, въ имени, въ вѣдѣннѣ
таблицѣ, Французскій, Боткина и
отвѣсти прилагательнаго при ономъ
указѣ (С. Петербургскій) въ 1844 году, въ № 3400.
Поэтому въ 1844 году, въ № 3400.
Протоколъ Валентинъ Пришеинъ.
Протоколъ Дмитрий Давидовъ
Давидовъ и сынъ
Владимиръ Васильевичъ
Полковникъ Лихачевъ
и Савва Васильевичъ Савва

Запись о бракосочетании А. А. Фета и М. П. Боткиной
Первая

<p>Что совершилось таковы емво.</p>	<p>Что были пору чеными</p>	<p>Кому свидете льство и посе наше.</p>
<p>Противной Юсифъ Васи льевъ съ товарищи Иоханъ Коларскій, Владимиръ Зворева и Василий Черныш евскій.</p> <p>Все отъ Васильева Александръ Чернышевскій, и другъ Зворева</p>	<p>Васильевъ, Виктору Васильевъ, Викторъ Мейеръ Павловичъ Мясной, Васильевъ Кошачникъ Ровинская Сиринъ Ва лентинъ Фроловичъ Собо льскихъ Паскевича.</p>	
<p>Славенскихъ, Николая Ор лова съ товарищи Владимиръ Коларъ Зворевскій и Василий Чернышевскій.</p>	<p>Васильевъ Илья Наско вскій, Николай Смирновъ Николай Николаевичъ Мухом оровъ и Василий Смирновъ.</p>	<p>25. 6610. 1898 года Листъ 11. 90.</p>
<p>Второй списокъ.</p> <p>Удольский Александръ Ивановичъ и Николая Ор лова съ товарищи Влади миръ Зворевскій и Васи ль Чернышевскій.</p>	<p>Васильевъ Профессоръ Николай, Ежубовичъ Поручикъ Колосманъ Михайловичъ, Николай Павловичъ Мейеръ Ва лентинъ Фроловичъ</p>	
<p>Второй списокъ.</p> <p>Иванъ Александръ Ивановичъ Фроловъ</p>		

в метрической книге посольской церкви в Париже.
и вторая страницы

с певчими Владимиром Зверевым⁷⁷ и Василием Устюжским. Поручителями по женихе были Юлий Масс⁷⁸ и Николай Боткин,⁷⁹ по невесте — Иван Тургенев и Василий Боткин.

Один из певчих, Василий Кузьмич Устюжский (около 1806—1878) представляет некоторый интерес для литературоведов. Он был, как писали тогда в документах, «дьяческий сын»; из нижнего отделения Устюжского уездного училища поступил пономарем в Бельский погост Новгородской епархии Устюжского уезда, с 1829 года пел в Новгородском архиерейском хоре, в 1834 году получил место при парижском храме. Скончался в возрасте 72 лет, похоронен на кладбище Пер-Лашез. В 1836 году Устюжский женился на 20-летней француженке Анриете Мулонге. От брака с ней родилось множество детей, в том числе дочь Елена, которая в 1858 году вышла замуж за приятеля Фета поэта Я. П. Полонского.⁸⁰

Выше мы не раз цитировали письма Боткиной к невестке, обнаруженные и введенные в научный оборот Ю. П. Благоволиной. Настал черед еще одного письма к жене П. П. Боткина, но уже совместного, написанного новобрачными в ближайшие после венчания дни. «Как мне ни трудно на сегодняшний день сдержать слово, но уловив минуту, исполняю его с наслаждением, — писал Фет 17 (29) августа 1857 года. — Вчера была наша свадьба, и на ней были Василий, Николай и Иван Петрович, Катерина и Александра Петровна с дочерью. Все, слава Богу, здоровы и мы с женой тоже».⁸¹

Мария Петровна добавила после строк мужа свои приветствия, впервые подписавшись «Ваша М. Фет» и заметив по этому поводу: «Как странно писать чужую фамилию». А на следующий день продолжила: «Вчера, т. е. на другой день свадьбы, я получила прекрасные два подарка. Брат Nicolas подарил мне хорошенькую золотую брошку, а брат Фета, который теперь в Париже, подарил мне отличный рабочий ящик.

⁷⁷ Зверев Владимир Кузьмич, «диако́нский сын», закончил Санкт-Петербургскую семинарию, утвержден певчим при парижской посольской церкви в 1852 г. Умер в Париже в 1867 г. в возрасте 42 лет (Росс. С. 87, 239).

⁷⁸ Масс Юлий, сын Е. Масс, парижской знакомой Боткиных (см.: Фет/Боткин. С. 236, примеч. 36).

⁷⁹ Боткин Николай Петрович (1813—1869), брат М. П. Боткиной. С молодых лет много путешествовал по миру. Имел в Париже постоянную квартиру и, будучи коротко знаком с условиями парижской жизни, помог Фету в устройстве всего необходимого для свадьбы (МВ. Ч. 1. С. 202).

⁸⁰ Росс. С. 86, 238.

⁸¹ Фет перечисляет здесь только родственников невесты. Всего на свадьбе было 12 человек, включая самих новобрачных, Тургенева, брата Фета Василия Шеншина и Юлия Массы с матерью.

Цветы свадебного букета М. П. Боткиной.
Альбом М. П. Боткиной

В день свадьбы, говорят, я была очень авантюжна (не знаю, правда ли только), одета я была следующим образом: белое муар-антик платье со шлейфом с короткими рукавами и открытый лиф, и надета была Мария-Антуанетта из кружев, вуаль была самая длинная, цветы, букет был такой отличный, весь белый и такой большой, что чудо. Фет мне подарил в этот день чудный веер и заплатил так дорого, что я его даже побранила. Шафер у меня был Тургенев. Одним словом, свадьба была наша довольно веселая, Basile был так весел, что даже выпил, и довольно: венчали нас в 5 часов, и после все поехали обедать».⁸²

⁸² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 372. Л. 19—20 об. См. также: *Фет/Боткин*. С. 161. Упомянутая Александра Петровна — А. П. Визгина (1818—1892), сестра М. П. Боткиной, постоянно проживавшая в Петербурге, у нее была единственная дочь Алек-

«Прямо из церкви, — вспоминал Фет, — мы со всеми приглашенными отправились к Филиппу, где в двух комнатах, роскошно уставленных цветами, нас ожидал свадебный обед на двенадцать человек. Тонкий и великолепно поданный обед прошел оживленно и весело. Прекрасного вина, в том числе и шампанского, было много, и под конец обеда Тургенев громко воскликнул: „Я так пьян, что сейчас сяду на пол и буду плакать!“».⁸³

Через полторы недели после свадьбы, когда молодые уже готовились к возвращению в Россию, В. П. Боткин писал родным из Парижа: «Чем более думаю я об этом, тем более радуюсь за Машу. Иметь мужем такого добрейшего и хорошего человека, который взял ее не из денег, а по свободному влечению своего сердца — счастье редкое».⁸⁴

Последующие 35 лет совместной жизни Фета и Марии Петровны доказали справедливость слов Боткина, их брак оказался на редкость удачным.

Письма Фета к М. П. Боткиной воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки: Ф. 315. К. 2. № 21—22, согласно нормам современного русского языка, с сохранением некоторых особенностей авторского стиля. Многие из них полностью или частично напечатаны Г. Д. Аслановой, что оговаривается в примечаниях к каждому письму.

1

2 мая 1857 г. Москва

Добрейшая Марья Петровна!

На свете все делается <мне на>^а зло. Вчера, воротясь довольно поздно от Каткова,¹ я застал у себя на столе бумаги, требующие меня к 3 мая в 10 часов утра в Петербург по делам службы.² Вследствие чего я буду катиться по железной дороге, когда Вы получите эту записку. В воскресенье утром я буду назад,³ а в понедельник встречу Ваш приезд из Троицы.⁴ Надеюсь, что это моя последняя служебная передряга.

сандра. *Муар-антик* — вид плотной шелковой ткани с волнообразными переливами, *Марией-Антуанеттой* в XIX в. называлась деталь гардероба молодых женщин. Имела вид косынки большого размера с длинными концами, как правило, завязанными сзади. Изготавливалась из легкой ткани светлых оттенков или кружев, служила накидкой, закрывающей шею и декольте дамы.

⁸³ МВ. Ч. 1. С. 203.

⁸⁴ Письмо к Д. П. Боткину от 25 августа (6 сентября) 1857 г.: ИРЛИ. № 9029. Л. 96 об.

^а В этом месте письмо размыто.

Кучеру, подателю этой записки, приказано дожидать Вашего приказания насчет кареты, которая даже подмазана и готова в путь.⁵ Лошадей за нею посылайте в Немецкую слободу, в дом Шувалова.⁶ Итак, до свидания и будьте здоровы.

Преданный Вам

А. Фет.

2-го мая.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 1.

Публикуется впервые.

¹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, редактор-издатель наиболее влиятельных изданий второй половины XIX в. — журнала «Русский вестник» (1856—1887) и газеты «Московские ведомости» (1863—1887). В 1857 г. во второй книге июньского номера «Русского вестника» было напечатано стихотворение Фета «Смерти» («Когда, измучен жаждой счастья...»), что положило начало многолетнему сотрудничеству поэта с Катковым. Всего в 1857 г. Фет опубликовал в «Русском вестнике» девять стихотворений, включая такие шедевры, как «Angrif an die Geliebte Бетховена» (июль), «Был чудный майский день в Москве...» (август), «Певнице» (октябрь), «Еще майская ночь», «На стоге сена ночью южной...» (ноябрь), «Бал» (декабрь).

² О том же Фет писал 2 мая 1857 г. М. Н. Лонгинову: «...вчера вечером получил казенный конверт, требующий моего явления в Петербург 3-го мая в 10 часов утра» (ИРЛИ. № 23300. Л. 1; см. также: Фет/Лонгинов. С. 225). В конце мая истек срок отпуска, в котором Фет, будучи офицером лейб-гвардии Уланского его величества полка, находился с 23 июня 1856 г. Однако поэт, не собиравшийся возвращаться на службу, заблаговременно подал прошение о бессрочном отпуске, в связи с чем, вероятно, и был вызван в Петербург. 3 июня 1857 г. император подписал приказ об увольнении поручика Фета в бессрочный отпуск в Орловскую губернию.

³ Фет, как и предполагал, вернулся в Москву в воскресенье, см. его письмо от 5 мая 1857 г. к М. Н. Лонгинову: ИРЛИ. № 23300. Л. 5; Фет/Лонгинов. С. 226.

⁴ Троице-Сергиева лавра (в церковной литературе Свято-Троицкая Сергиева Лавра) — крупнейший мужской ставропигиальный монастырь России, ныне расположен в центре города Сергиев Посад Московской области на реке Кончуре, основан в XIV в. преподобным Сергием Радонежским. В Троицком соборе монастыря находится рака с нетленными мощами преподобного Сергия Радонежского. Троице-Сергиева лавра особо почиталась москвичами, куда многие совершали паломничество каждый год.

⁵ У Фета было два экипажа, вывезенных из Новоселок: четырехместная карета и пролетка (МВ. Ч. 1. С. 186, 190). Первая, видимо, была обещана Марии Петровне для поездки в Троицу.

⁶ Немецкая слобода, дом графа Шувалова — таков был московский адрес Фета с марта по июнь 1857 г. Немецкая слобода располагалась на правом берегу Яузы, близ ручья Кукуй. Центральная улица Немецкой слободы именовалась также Немецкой (ныне — Бауманская). В XVI—XVIII вв. это было место поселения иностранцев, которым запрещалось жить среди православных. С начала XVIII в. территория Немецкой слободы стала застраиваться особняками русской аристократии.

и фамилии людей, имея в виду возможные неловкости, которые могли возникнуть в отношении этих людей или их здравствовавших родственников.) Зато известен Федор Иванович *Красовский* (1811—1872), доктор медицины, служивший в московской психиатрической Преображенской больнице в 1848—1871 гг. в должности ординатора, а затем, после отставки Саблера, сменивший его на посту главного врача больницы (*Баженов Н. Н.* История московского доллгуаза ныне московской городской Преображенской больницы для умалишенных. М., 1909. С. 159, 161). По данным «Книги адресов жителей Москвы» 1857 г., составленной К. Нистремом, Красовский проживал на Немецкой улице в доме Цургозена. Напомним, что это соседний дом по отношению к дому Шувалова. В издании Нистрема на 1858 г. адрес Красовского другой: Немецкая улица, дом Орловых. В адрес-календарях на 1859 и 1860 гг. Красовский фигурирует уже дважды: как ординатор Преображенской больницы, проживающий в доме Орловых на Немецкой улице, и как врач Смирительного и рабочего дома, проживающий в доме Орловых в Денисовском переулке. Последний адрес, начиная с 1861 г., печатается в качестве единственного адреса Красовского. Риснем предположить, что дом Орловых на Немецкой улице появился на страницах указанных изданий по недоразумению и в действительности врач жил в Денисовском переулке. А так как сведения адрес-календарей к моменту выхода их в свет обычно несколько устаревали, то представляется весьма вероятным, что к марту 1857 г., когда Фет привез сестру в Москву, Красовский уже успел переехать из дома Цургозена на Немецкой улице в дом Орловых в Денисовском переулке. Крепостной номер дома Орловых — 246. Денисовский переулок относился к Басманной части и являлся продолжением Гороховского, вытекавшего из Старой Басманной улицы. Около 1867 г. Красовский, очевидно, купил дом Орловых: № 246 значится в дальнейшем как дом Красовского (см., например: Табель домов города Москвы. СПб., 1868. С. 39).

В адрес-календаре 1873 г., в перечне частных лечебных заведений Москвы, в первый и последний раз названа лечебница для умалишенных Ф. И. Красовского, расположенная в Денисовском переулке, в собственном его доме (Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1873 г. в пользу детских приютов <...> / Под ред. А. В. Крестовоздвиженского. М., 1873. Разд. 2. С. 62). Итак, клиника Красовского существовала и размещалась по месту жительства доктора. На плане Хотеева № 246 обозначен на пересечении переулков Денисовского и Демидова. Далее по Денисовскому переулку, в направлении Немецкой улицы, шли № 244 и угловой № 245. План показывает, что Денисовский переулок вливался в Немецкую улицу прямо напротив № 884. Таким образом, лечебница Красовского находилась за два дома от усадьбы Шуваловых. Именно так описывается ее местоположение Фет.

2

14 мая 1857 г. Москва

Добрая Марья Петровна!

Пишу эти строки с пламенным желанием успокоить Вас, а следовательно и себя. Повторяю все, что отрывочно успел сказать Вам в смутную минуту нашего последнего разговора.¹ Я желаю быть Вашим бли-

жайшим и преданнейшим другом, а не помехой жизни, я хочу отогреть Вас ото всего, что могло сжать холодом Ваше сердце, а не стоять перед Вами нелепой укоризной. Ваше прошлое² может меня только интересоваться как человека, принимающего живейшее участие в душевной Вашей жизни, но для личного моего счастья мне нужно Ваше будущее. Вот об нем-то *необходимо* говорить. Посмотрите попристальней в Ваше сердце и спросите его, может ли оно навсегда и во всем безотчетно довериться человеку, который идет к Вам навстречу с полной верой и любовью? Можете ли Вы в его интересах видеть Ваши собственные? Станет ли у Вас настолько силы и веры, чтобы сказать себе: этот человек хочет сделать меня настолько счастливой, насколько я могу только быть? Можете ли Вы ни в каком случае не выдернуть Вашей руки из руки человека, который Вам сказал: отныне пойдете вместе?

Если на все эти вопросы сердце Ваше не дает утвердительного ответа, тогда не делайте того шага, который Вы сами справедливо называете трудным и важным. Теперь все легко еще исправимо. Я говорю это против себя, но считаю святым долгом это сказать. Целою жизнью легкомысленно шутят только безумцы да дети. Но если сердце Ваше доверчиво отдается будущему, если это будущее Вам кажется успокоением — то не мешайте мне предаваться мечтам о том теплом, милом, уютном гнездышке, которое я хочу свить для нас обоих. В семейном быту — обстановка почти половина дела. По крайней мере это мое убеждение. Нужда плохой опекун душевной тишины. А я ищу полной, светлой тишины и при Вашем добром сердце и доброй воле найду ее у себя, т. е. у Вас. Что касается до людей и их мнения, то я уже говорил Вам и быть может Вы со временем убедитесь, что я хлопочу о том, чтобы идти прямо к своему идеалу, а не к людскому. Добрых симпатичных людей встречаю на пороге, а для прочих свет и без нас просторен.

Средства наши, судя по словам Вашим, совершенно одинаковы и в сложности могут доставить, если не богатое (Бог с ним), по крайней мере безбедное и приличное существование.³ Я скорее готов отказать себе в чем угодно на время, нежели хотя на грош уменьшить общий капитал. Кто может знать, где его ждет *черный день*. А человек, который не берет этого в соображение, не должен жениться. Поэтому прошу Вас не увлекаться общей страстью закупать вздоры, именуемые громким именем приданого. Были бы Вы покойны духом, а в платьях у Вас недостатка не будет. Напротив — я даже *желаю* видеть Вас всю жизнь прелестно одетой. Это будет моей радостью и даже капризом. За цветами Вашего кабинета я буду смотреть сам. Ни одна безобразная вещь не должна окружать Вас. Вот какой я представляю себе нашу жизнь. На все это нужна добрая воля и чувство довольства семейным тесным кругом. Без этого нет домашнего счастья.

Мечтая, я незаметно добрался до последней страницы, а между тем не знаю, оправдываете ли Вы все, высказанное мной. Если оправдываете, скажите да, если не оправдываете чего-либо, скажите, в чем Вы со мною не согласны. Во всяком случае не заставьте ждать ответа. Адрес мой Вы знаете:

В Немецкой слободе, в доме гр. Шувалова. Афанасью Афанасьевичу Фету. Когда запишу себе пункты Ваших местопребываний за границей, буду писать сколько возможно чаще. Целую Вашу прекрасную руку и прошу не забывать искренно любящего

Вас
А. Фет<а>.

14 мая.

С трепетом смотрю вперед на эти три месяца. Я готов уже пенять Вам. Вам это время кажется непродолжительным, а я хожу как в чистилище. С настоящей минуты и на всю мою жизнь — женщины, кроме Вас, для меня не существуют. Я не умею своей привязанности разрывать по кускам. Если Вы действительно меня не любите и любить не можете — скажите прямо — не губите меня.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 5—6 об.

Впервые опубликовано: *Новый мир*. С. 199—200.

¹ 14 мая 1857 г. Фет предложил М. П. Боткиной статью его женой и получил ее согласие.

² В 1854—1855 гг. М. П. Боткина пережила трагический роман, после чего вместе с братом Дмитрием уехала за границу и провела там больше года.

³ «У меня 35 тысяч серебром» капитала, у Вашей сестры, по ее словам, столько же — следовательно, мы ни в коем случае не можем получать менее 4500 р. в год — а этим можно жить сносно», — писал Фет В. П. Боткину 16 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 188). Согласно завещанию П. К. Боткина, приданое его дочери Марии действительно составляло 35 тысяч рублей серебром (см. вступит. статью). Вопрос о средствах Фета более сложен. Сам он вспоминал, что перед женитьбой его состояние «было разбросано по разным рукам, и, что еще хуже, — по родственникам» (*МВ*. Ч. 1. С. 193), возможно имея в виду следующее. После смерти Аф. Н. Шеншина братья и сестры Фета решили поделить с ним отцовским наследством, что отразилось в их письмах к поэту той поры. Так, брат Василий писал Фету 13 июня 1854 г.: «...еще двух недель нет, что отправил к тебе письмо и очень интересное с уведомлением, что наши уверения в дружбе не были пuffedом» (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 55. Л. 1). Муж Л. А. Шеншиной, Александр Никитич, высказался более определенно: «Любезный друг Афоня, у нас идут счета, потому что братья выделяют сестре Наденьке ее часть, первым долгом счел хлопотать об тебе и, кажется, все, что можно сделать, я сделал. Петруша (П. Аф. Шеншин. — *И. К.*) тебе даст вексель в 100 000 ассигнациями, который на днях будет при мне написан и тебе отослан, и будут тебе проценты платить, а по уплате через три года денег се-

А. А. Фет.

Фототипия с утраченной фотографии. 1857 г.

стры, тогда твои будут уплачиваться, а как Петруша говорит, то вот его слова <...>: „Ежели трудно будет мне уплатить, то я готов буду уступить Тим Афоне“ <...>» (письмо от 17 июня 1854 г.: *РГБ. Ф. 315. К. 12. № 64. Л. 1—1 об.* Письмо А. Н. Шеншина без даты, но сохранилось письмо его жены от 17 июня с фразой: «Александра дома нет, он поехал в Мценск и, верно, возвратившись, сам хотя немного напишет <...>» (Там же. № 70. Л. 3)). По существовавшему тогда курсу, рубль серебром стоил 3,5 рубля ассигнациями, т. е. П. А. Шеншин выдал брату вексель примерно на 30 тысяч рублей серебром. Упомянутый в письме Тим — это небольшое имение П. А. Шеншина в Ливенском уезде Орловской губернии, главную ценность которого составляла водяная крупчатая мельница. Впоследствии, в 1863 г., брат Петр передал это имение Фету под видом его продажи за 30 тысяч рублей (*МВ. Ч. 1. С. 419—422; Орл губ вед. 1866. 17 сентября. № 38. С. 386*).

Кроме того, еще в 1845 г. Аф. Н. Шеншин прислал пасынку, служившему тогда в Херсонской губернии, билет Киевского банка на пять тысяч рублей, ежегодные проценты с которого составляли 300 рублей серебром (РГ. С. 325, 342). «Прошу тебя уведомить меня, когда срок батюшкиному векселю, — писал Василий Шеншин в цитированном выше письме от 13 июня 1854 г. — Надеюсь хоть половинку уплатить его в нынешнем году». Выполнил ли он свое обещание — неизвестно. В любом случае, в 1857 г. у Фета был вексель брата Петра на 30 тысяч и, вероятно, вексель или капитал в 5 тысяч, что в общей сложности составляло 35 тысяч рублей серебром.

3

15 мая 1857 г. Москва

Другу

Когда в груди твоей страданье
Проснувшись к сердцу подойдет
И жадный червь воспомяненья
Его невидимо грызет.

Борьбой с наитием недуга
Души напрасно не томи,
Без слез, без ропота, на друга
С надеждой очи подыми

Пусть свет клянет и негодует
Он на слова прощенья нем
Пойми, что сердце только чувствует
Невыразимое ничем.

То, что в явленьи незаметном
Дрожит, гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа.

Одним лучом из ока в око,
Одной улыбкой уст немых
Со всем что мучило жестоко
Единый примиряет миг.

1857-го года

15-го мая.

Москва.

А. Фет.

Другу.

Когда в груди твоей страданье
Крошущимся в сердце падает
И научил горько востолкомья,
Его невидимо пробуждает.

Торжественный и величавый
Думит красноречиво не молчи,
Безъ смѣхъ, безъ сожалѣнья, безъ слезъ
Съ надеждой, аки надъ нами

Ищешь святыхъ клятвенныхъ и клядущихъ
Въ словахъ и фразахъ и словъ
Понимай, что сердце твое коучитъ
И въ раздумьи клянется.

Торжественно и величаво
Сражаешь, гармонично двема,
И въ тайнѣ клятвенно и востолкомья
Сражаешь безсмертныя душа.

Однимъ и другимъ и другимъ
Однимъ и другимъ и другимъ
Съ востолкомья и клядущихъ
Единимъ и другимъ и другимъ.

1857^м года
15го Мар.
Москва

А. К. М.

Стихотворение Фета «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»), посвященное М. П. Боткиной

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 7.

Стихотворение написано на первой странице двойного листа почтовой бумаги. Возможно, было отправлено вместе с письмом 2. При жизни Фета не печаталось, впервые опубликовано в *ПССм1901* (Т. 1. С. 301).

4

16—18 мая 1857 г. Москва

16-го мая.

Бесценная моя Марья Петровна.

Вы будете смеяться надо мною. Смейтесь сколько угодно, хохочите. Сегодня я проводил Вас¹ и сегодня же пишу к Вам. Но, добрый, бесценный друг, если бы Вы знали, каким чувством переполнилось мое сердце. Я мучаюсь, томлюсь и рад этому томлению. Когда Вы сядились в вагон, я увидел своего сослуживца.² Он подошел ко мне, расцеловался и объявил, что он женится и что его провожает невеста. Я до того был взволнован собственным положением, что забыл его даже поздравить. Я видел, как он впился губами в кисть ее руки, повыше перчатки. Она ужасно дурна собой, но он видимо счастлив. Что ж я-то? Я никому не смею сказать, что провожаю невесту! — Добрая, милая Марья Петровна, я не верю своему счастью. — О, да какая же Вы плутовочка, я видел и понял Ваш взгляд, когда Вы целовались с Елизаветой Васильевной³ — и благословлял Вас в глубине души. Если помните, у меня на дрожках был плед, в котором ехала Ида⁴ — я отдал его Дмитрию Петровичу⁵ и при прощании так расцеловал Вашего брата, что он должен был счесть меня за сумасшедшего.

Сегодня у нас⁶ целый день были гости и я истомился, но теперь ночь и я наслаждаюсь, пища эти строки. Может быть, это детство, но какое высокое наслаждение быть влюбленным в свою невесту!!! К Василью Петровичу⁷ я уже отправил письмо в Рим,⁸ но, кажется, я не выдержу и завтра отправлю другое.⁹ Ах, Мари! Магу! (позвольте, моя голубка, называть Вас этим сладким именем!) Что Вы со мной сделали? Я так счастлив, и между тем мысль, что я не раньше 3 м<еся>цев Вас увижу, меня терзает. — Помните каждую минуту за границей, что Вы мне дали слово. Как мне и чем благодарить Вас за то, что я Вас люблю всеми силами моей души. Ведь это жизнь и жизнь такая полная, что за нее надо Бога благодарить. Голубушка! не забудьте меня. Поверьте, что никто Вас не может так искренно любить, как я. Я сам знаю, что пишу то, что Вы сами знаете, но иногда отрадно писать Вам тысячу раз слово: люблю. Бога ради! не останавливайтесь в Вашей решимости ни на

Е. В. Чичерина.
Портрет работы неизвестного художника (карандаш).
Начало 1850-х гг. (?).
Альбом М. П. Боткиной

чем. Напишите мне, сжальтесь надо мною, что *Вы моя*. Долго, долго придется мне дожидаться Вашего ответа, когда-то Вы еще получите это письмо. А Вы, если и напишете мне из Дрездена, то я знаю, что письмо Ваше будет холодно. Настолько я Вас знаю, что могу думать, что Вы действительно ко мне были расположены в Москве, но теперь Бог Вас знает, что происходит в Вашем сердечке? При мысли, что Вы действительно меня любите, я впадаю в недоверие. Мне кажется это таким счастьем, которого я не дождусь.

17-го мая.

Опять ночь и все улеглось, а я сажусь говорить с Вами. Хочу говорить и не знаю, с чего начать. Хотелось бы всю душу разом высказать. Сейчас был у нас Григорьев с гитарой и пел русские и цыганские песни.¹⁰ Он всю душу мою истомил. Когда он пел, мне вдруг пришло в голову, отчего я сегодня утром не поехал в Петербург, ведь утром завтра в 8 часов, когда поезд приедет, Вы будете еще в Петербурге. Если бы я знал Ваш адрес в Дрездене, то послал бы по телеграфу сказать Вам, что я Вас люблю и чтобы Вы этого не забывали. *Ради Христа*, не оставляйтесь ни на каких соображениях и сбивающих мыслях, если Бог приведет Вас ко мне или меня к Вам, — то я постараюсь доказать на деле, что умею верить тому, кто мне верит. Завтра утром еду к доктору осведомиться, нужно ли сестру везти за границу?¹¹ Поедет ли сестра или нет, я во всяком случае еду к Вам в первых числах августа, и с Вашего, мой Ангел, позволения все кончим в Парижской церкви. Голубчик! не сердитесь на меня. Я знаю, что Вы не откажетесь от Ваших слов и если мы оба переживем эти три месяца, то Вы будете моей, но успокойте меня на этот счет хотя словечком. Право, мне тяжело. Да еще напишите, можно ли мне с Вашими говорить об этом деле? Мне страшно, Вы не прочтете моей руки. Я так дурно пишу, да еще мелко, потому что хотелось бы говорить с Вами бесконечно. Написал еще хорошее стихотворение.¹² Люди хвалят, а и не подозревают, отчего оно хорошо. В Диепп привезу Вам все стихотворения, написанные под Вашим влиянием. Я уверен, что это будут моими лучшими стихотворениями.

Да вот еще моя просьба: Если что-либо в моих письмах, словах или поступках Вам не нравится, никогда не таите на душе, а говорите прямо. Вы не можете представить моей к Вам чистой и полной признательности, Mary! Как моя жизнь стала полна, несмотря на томление разлуки. Какая-то могучая сила подымает меня. Я постоянно был равнодушен к жизни, но теперь вдруг стал бояться смерти. Впрочем, теперь и умереть бы не худо! — Нет, не хочу умирать! К Вам и встретиться с Вами. Какая будет встреча! Как-то Вы меня примете? Неужели так же осторожно, как и в Москве. Не буду перечитывать письмо, желаю только, чтобы оно на Вас повеяло тем же чувством, каким было внушено. Христос над Вами! Целую Ваши ноги. — Ваш А. Фет.

Когда буду знать, куда писать, засыплю Вас письмами.^a

18-го мая. Всякий день новое стихотворение.¹³ Пишите, дружок, поскорее.^b

^a Вписано горизонтально на полях 2-й страницы письма.

^b Вписано горизонтально на полях 4-й страницы письма.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 9—10 об. Отправлено, по-видимому, вместе с письмом 5.

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 200, 201, 207; полностью — *Наше наследие*. С. 40—41.

¹ 16 мая 1857 г. М. П. Боткина, сопровождая больную сестру Екатерину Петровну Шукину (урожд. Боткина; 1824—1904), выехала поездом в Петербург, чтобы оттуда отправиться за границу. Сестры намеревались провести несколько месяцев на курортах Швейцарии, Германии и Франции.

² О ком из сослуживцев Фета идет речь — установить не удалось.

³ *Чичерина* Елизавета Васильевна (1830—1879), двоюродная сестра М. П. Боткиной. Ее мать Любовь Антоновна (урожд. Баранова), сестра первой жены П. К. Боткина Александры Антоновны (Указано М. Б. Шапошниковым). С Е. В. Чичериной Фет познакомился в марте 1857 г., когда его пригласили на обед в дом Боткиных на Маросейке: «...к столу явились: младшая сестра Боткиных Марья Петровна и двоюродная их сестра, весьма характерная и красивая брюнетка» (*МВ*. Ч. 1. С. 188).

⁴ *Шефер* Ида Александровна (в замуж. Савич <?>), дочь врача Шереметевской больницы (ныне Институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского), близкая знакомая М. П. Боткиной, которая сообщила брату В. П. Боткину 11 ноября 1857 г.: «Ида Шефер выходит замуж за какого-то доктора и будет жить с ним в Малороссии, после Нового года ее свадьба» (цит. по: *Фет/Боткин*. С. 236). В письме к Фетам от 26 ноября 1857 г. Боткин порадовался за И. Шефер: «Рад я, что Ида Шефер выходит замуж — глупенькое, но добрейшее существо» (Там же. С. 233). Фет вспоминал, что в комнатах на антресолях, занимаемых Марией Петровной, «собирались в известные дни знакомые ей девицы, большею частию миловидные, между которыми дочь доктора Шереметьевской больницы Ида Шлейхер, блондинка с голубыми глазами, отличалась чрезвычайно нежной красотой» (*МВ*. Ч. 1. С. 190. Фамилия И. А. Шефер изменена).

⁵ *Боткин* Дмитрий Петрович (1829—1889), любимый брат М. П. Боткиной, один из совладельцев фирмы «Петра Боткина сыновья», в которую было преобразовано после смерти П. К. Боткина в 1853 г. его единоличное предприятие, коллекционер произведений искусства (часть его коллекции ныне находится в Третьяковской галерее); в 1877—1888 гг. — председатель московского Общества любителей художеств. После женитьбы Фета Д. П. Боткин, а впоследствии и члены его семьи стали близкими друзьями поэта, который присутствовал на похоронах Боткина и был автором его некролога (*МВед*. 1889. 3 июня. № 151).

⁶ У Фета тогда гостил приехавший из Орловской губернии близкий друг И. П. Борисов, см. о нем письмо 5, примеч. 3.

⁷ *Боткин* Василий Петрович (1811—1869), старший из братьев М. П. Боткиной, один из совладельцев чаеоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», писатель, публицист, литературный критик. Фет познакомился с ним в 1842 г., будучи студентом Московского университета (см.: *РГ*. С. 205). Знакомство возобновилось зимой 1853/1854 г. в Петербурге. «Тут я, после долгих лет, встретил В. П. Боткина, по-прежнему обоюдоострого, т. е. одинаково умевшего быть нестерпимо резким и елейно сладким» (*МВ*. Ч. 1. С. 33). Боткин — автор критической статьи «Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856». Статья, написанная по просьбе самого поэта, была напечатана в «Современнике» (1857. № 1).

⁸ 16 мая 1857 г. Фет писал В. П. Боткину: «Я сделал формальное предложение Марье Петровне <...>. Марья Петровна скорее разделяет мое желание, но без Вашего окончательного приговора не решается на этот шаг. Я с своей стороны прошу Вашего согласия и совета». Далее поэт впервые признался в том, что ему особенно дорого в будущей жене: «Познакомься короче с сестрой Вашей, я более и более убеждался в ее добром сердце и мягком характере, первых залогов всякой возможности домашнего счастья. <...> Мне она кажется кроткой, преданной, деликатной в высшей степени». В том же письме он изложил свое представление о семейной жизни: «Я не рисую себе богатого быта, но устрою небольшое уютное, сердце радующее гнездышко. С нашими общими средствами и моим умением жить это вполне возможно. <...> Кроме тихой, домашней жизни <...> у меня нет ни планов, ни замыслов, ставить жену в какое бы то ни было фальшивое положение я не в состоянии». Подробнее см.: *Фет/Боткин*. С. 188–189.

⁹ Второе письмо Фета было написано 18 мая 1857 г. (см.: *Фет/Боткин*. С. 192–194).

¹⁰ *Григорьев* Аполлон Александрович (1822–1864), поэт, литературный и театральный критик, переводчик. Фет познакомился с ним после поступления в Московский университет и вскоре поселился в доме его родителей на Малой Полянке. Григорьев был ближайшим другом Фета студенческой поры, первым ценителем и редактором его стихов. Впоследствии он сыграл важную роль в составлении и подготовке к печати сборника стихотворений Фета 1850 г. Весной – летом 1857 г. Григорьев, вплоть до своего отъезда в Италию в начале июля, часто бывал у Фета. Он увлекался тогда народными песнями, которые не только слушал, но и охотно пел сам в дружеском кругу. Вот как описывает это Фет в автобиографическом рассказе «Кактус», где значительное место занимают воспоминания о Григорьеве: «Несмотря на палящий зной, он чуть не ежедневно являлся ко мне на Басманную из своего отцовского дома на Полянке. Это огромное расстояние он неизменно проходил пешком и вдобавок с гитарой в руках. Смолodu он учился музыке у Фильда и хорошо играл на фортепиано, но, став страстным цыганистом, променял рояль на гитару, под которую слабым и дрожащим голосом пел цыганские песни. К вечернему чаю ко мне нередко собирались два, три приятеля-энтузиаста, и у нас завязывалась оживленная беседа. Входил Аполлон с гитарой и садился за нескончаемый самовар. Несмотря на бедный голосок, он доставлял искренностью и мастерством своего пения действительное наслаждение» (*Фет. ССvII*. Т. 3. С. 130). См. также: *МВ*. Ч. 1. С. 193.

¹¹ Любимая сестра Фета Надежда Афанасьевна *Шеншина* (1832–1870) в феврале 1857 г. заболела тяжелым психическим расстройством. Болезнь спровоцировало любовное разочарование, пережитое Шеншиной во время путешествия по Западной Европе. В конце марта Фет, по совету орловского врача, привез сестру в Москву и поместил в клинику Красовского. Консультировал ее известный московский психиатр Василий Федорович *Саблер* (1797–1877), который, как вспоминал Фет, «оказался по отношению к бедной Наде не только искусным врачом, но и любящим отцом» (*МВ*. Ч. 1. С. 187). Первое время Саблер считал необходимым продолжить лечение Шеншиной за границей и лишь в середине июля изменил свое мнение.

¹² В письме к В. П. Боткину от 18 мая 1857 г. Фет приводит тексты двух своих новых стихотворений, сочиненных 16 и 17 мая («Еще майская ночь» и «Цветы»), заметив при этом, что оставляет до следующего письма еще одно, написанное «се-

годня», так как оно слишком велико. По предположению Ю. П. Благовоиной, имелось в виду стихотворение «Был чудный майский день в Москве...» (см.: Фет/Боткин. С. 192, 193, примеч. 7).

¹³ См. примеч. 12 к наст. письму.

5

20 мая 1857 г. Москва

20 мая.

Роскошна, светла и любовна
Душа веселится моя.
Да здравствует Марья Петровна
И ручка, и ножка ея. —

Эти стихи Языкова распевают у меня со вчерашнего дня в ушах.¹ Как я рад, что не отправил еще письма и имею возможность вложить этот листок.² Помните, Marie! Вы сами остановились на мысли называть меня не по фамилии. Не всем дано такое милое и поэтическое имя, как Вам. Афанасий имя весьма неблагозвучное на русском языке, а уменьшительные еще хуже. Но *le ton fait la musique*^a — покойная мать и сестры называли меня Афоня. Как бы то ни было, из Ваших уст каждое прозвание будет для меня иметь двойную цену. Называйте, как хотите, но не забывайте меня и пишите чаще. Хотя два слова. И пишите все, что думаете. Если Вы действительно намерены сдержать честное слово, в чем я не сомневаюсь, то через три месяца я назову Вас своей женой — и поэтому Вам стесняться нечего. Я с сегодняшнего дня остаюсь на квартире совершенно один, товарищ мой Борисов³ уезжает после обеда в деревню. Вчера я обедал у Каткова и передал ему 10 новых стихотворений,⁴ а вечером отправился в сад под названием Эрмитаж.⁵ Отыскалось много старых и новых знакомых, но вместе с тем на меня напала такая тоска, что я через час уехал, давши себе слово не ехать туда без Вас и то только в случае Вами объявленного желания. — Я никогда не был лично знаком с гр. Ростопчиной,⁶ но вчера она просила меня через знакомого — познакомиться с ней и, как водится, наговорила любезностей и просила быть сегодня.

Я вообще не люблю новых знакомств, как Вы, быть может, уже заметили, а в настоящее время это для меня пытка. — Я просил Вас заказать в Париже свой отличный большой грудной фотографический иллюминированный портрет.⁷ Вы отказались, ссылаясь на примету, по

---

^a тон делает музыку (*франц.*).

Н. А. Шеншина.
Фотография с портрета работы О. И. Тимашевского.
Рим, октябрь — декабрь 1856 г.

которой портреты *дарить* худой знак. Но я и не прошу подарка, я только прошу взять на себя труд исполнить мою просьбу, а деньги я возвращу при первом свидании с признательностию. У меня уже есть сестрин портрет,⁸ и рамку принесли вчера, неужели Вы хотите, чтобы на моем рабочем столике или на стене в кабинете не было Вашего портрета. Сделать надо рамку так, чтобы портрет мог и висеть и стоять. Завтра на ночь поеду в Кунцево к Дмитрию Петровичу⁹ и не знаю, удержусь ли, чтобы не говорить о Вас. Через неделю буду ждать Вашего пись-

ма. — Как мне грустно в настоящую минуту — не умею передать. Ради Бога, уверьтесь в том, что я хочу успокоить Вас во всех отношениях без исключения, не думайте ни о чем, как только о нашей встрече. Напишите мне, что Вы не будете скучать, живя со мной. Кланяйтесь Вашей сестре.¹⁰ Я так гадко пишу. Но Вы наконец привыкнете разбирать мою руку.

Целую Вашу прекрасную руку.

Всей душой преданный Вам Фет.

На конверте:

В Швейцарию. В г. Базель.

Ее высокоблагородию

Марье Петровне

Боткиной.

Mademoiselle Marie Botkine.

A Bâle⁶ en Suisse.

Post restante.^{6, в}

Почтовые штемпели: 1) Moscou, mai 21; 2) AUS RUSSLAND FRANCO; 3) Hamburg-Berlin, 7, 6; 4) E. B., 8 Jun.; 5) Basel, 9 Juni <18>57.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 11—11 об.; конверт — л. III. На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 18 июня». Возможно, отправлено вместе с письмом 4.

Публикуется впервые.

¹ Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт, знакомый В. А. Жуковско-го, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя. Фет перефразирует первую строфу стихотворения Языкова «Песня» (1829), посвященную невесте его университетского товарища: «Разгульна, светла и любовна / Душа веселится моя; / Да здравствует М<арья> П<етровна>, / И ножка, и ручка ея!» (Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 236 (Б-ка поэта. Бол. серия)).

² Видимо, данное письмо было отправлено в одном конверте с предыдущим. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при первоначальной архивной обработке письма 4 и 5 получили один и тот же шифр: Ф. 717. Тем же шифром помечен и публикуемый вместе с данным письмом конверт.

³ Борисов Иван Петрович (1824—1871), мценский помещик, сосед Аф. Н. Шеншина по Новоселкам; давний друг Фета, много лет безнадежно влюбленный в его сестру Надежду (женился на ней в январе 1858 г.). М. П. Боткина успела познакомиться с Борисовым до своего отъезда за границу, о чем свидетельствует ее приписка к письму Фета от 10 (22) сентября 1857 г. из Любека: «Сдержите Ваше обещание, милый Иван Петрович, и приезжайте к нам» (РГБ. Ф. 315. К. 2. № 30. Л. 2; см. также: Письма к Борисову. С. 113).

⁶ Подчеркнуто двумя чертами.

^в Мадемуазель Марии Боткиной. В Базеле, в Швейцарии. До востребования (франц.).

⁴ См. примеч. 1 к письму 1. Неизвестно, была ли это первая подборка стихов, переданная редактору «Русского вестника». «Катков мне платит по 25 р. за стихотворение <...>», — писал Фет В. П. Боткину 18 мая 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 193).

⁵ Эрмитаж — первый увеселительный сад в Москве, открылся в 1830 г. К услугам посетителей сада были беседки, кофейни, павильон, театр. Особую популярность сад приобрел, когда его владельцем стал известный антрепренер, в прошлом актер Малого театра М. В. Лентовский (1843—1906).

⁶ *Ростопчина* Евдокия Петровна (урожд. Сушкова; 1811—1858), поэтесса, писательница, хозяйка литературного салона. О знакомстве с Ростопчиной Фет вспоминал: «По природе светская и приветливая, она и со мною была чрезвычайно любезна, и я раза два воспользовался ее приглашением» (*МВ*. Ч. 1. С. 194).

⁷ Имеется в виду раскрашенная акварелью фотография.

⁸ Речь идет об акварельном портрете Н. А. Шеншиной работы О. И. Тимашевского. См. примеч. 9 к письму 20.

⁹ Первые сведения о селе на месте Кунцево относятся к XV в. В 1572 г. Иван Грозный подарил эти земли боярину Мстиславскому, потом ими владели Милославские, Нарышкины. В конце XVIII — начале XIX в. близость к Москве и живописная природа превратили Кунцево в популярную дачную местность. В 1865 г. большую часть имения приобрел у Нарышкиных известный купец-меценат К. Т. Солдатенков (1818—1901). Остальную часть купили Г. Г. Солодовников (1826—1901) и П. Г. Шелапутин (1847—1914). В Кунцево у купца Солодовникова снимали дачи Д. П. и П. П. Боткины.

¹⁰ Речь идет о Е. П. Щукиной, вместе с которой М. П. Боткина уехала за границу.

6

3 июня 1857 г. Москва

$\frac{3}{15}$ июня.

Голубушка Мари!

Сегодня получил я второе письмо Ваше из Берлина¹ и не умею передать всего, что разом перечувствовал. Вы не получили еще ни одного моего письма, а я написал одно или два в Базель² и три или 4 или 5 в Веве.³ Вы озабочены, моя крошка, Вы хлопочете, поэтому Вам некогда и предаться Вашему чувству, а я уже зашел так далеко, что умеренный, хотя милый и ласковый тон письма Вашего резко отбивает ото всего, что я в это время перечувствовал и успел высказать в моих письмах. В последнем письме моем я решился прервать, по крайней мере с своей стороны, холодно вежливый тон искателя, заменяя его интимным тоном человека, пишущего к любимой невесте. Здесь я пишу Вы, а там я писал своей доброй Мари *ты*. Вчера вечером в комнату мою вовсе неожиданно вошел брат мой, приехавший с женой и сестрой в Москву⁴ — откуда они едут за границу. Вчера я у них обедал, и мы

пили за Ваше, т. е. за твоё здоровье. Не мучь меня, моя душа, напиши мне сейчас же на это письмо, что ты меня не любишь и знать не хочешь, или напиши просто: «Я тебя люблю и буду твоей женой в августе». Хотел ошибкой написать в сентябре, но я этого не хочу. Я буду в августе в Париже и Диеппе⁵ и до тех пор буду к тебе приставать с моими просьбами, пока ты скажешь: «Ну, что с тобой делать, пойдем в церковь». Мари! я тебя, мой Ангел, умоляю, если ты имеешь ко мне хотя каплю сострадания, пиши ко мне 2 раза в неделю *постоянно*. — Неужели ты в целую неделю не можешь найти 2-х получасов времени для того, чтобы обрадовать человека, который день и ночь о тебе думает и мучительно страдает желанием вестей от тебя или чего бы то ни было. Право, я готов изорвать это глупое письмо. — Я ничего на свете теперь не боюсь, исключая одного — если ты меня не любишь или любить не будешь — тогда пропадай всё. Христа ради, пиши мне всю, всю правду без малейшей утайки. Я уже писал тебе в последнем письме моем в Веве, что ни мои, ни твои письма не могут набросить ни малейшей тени на твою особу. Жених и невеста во всем мире могут быть откровенны, а ты мне дала *слово*, и я тебя считаю своей будущей женой. Если же ты не доверяешь себе или мне, то, бога ради, скажи прямо. Такими чувствами шутить и грешно и стыдно. Прости меня великодушно! Я сам не знаю, что пишу. Но уверяю тебя, что если еще получу от тебя письмо, в котором ты будешь называть меня *Вы*, то я убежусь, что ты меня не только не любишь, но даже не жалеешь. В Веве я тебе наслал стихов, написанных под влиянием твоим, а теперь не в состоянии писать ни о чем постороннем. Василий Петрович купается в Лукке, и я ему уже туда писал.⁶ Третьего дня у меня обедал Дмитрий Петрович, и я к нему еду обедать на Маросейку⁷ в субботу. Хотел я здесь купить домик для житья, да может быть, тебе не понравится и оставляю до нашего возвращения. Одним словом, в голове ералаш, а на сердце кошки скребут. Я тебе писал все, почему я тебе показался холодным при прощании, а мне так кажется, что твоё письмо первое из Берлина было нежнее. Не мучь меня, моя милая, добрая Мари — я тебя умоляю как друга, как женщину, у сердца которой я ищу отдохнуть от всех дразгов и хлама житейского, которая меня обогреет и приютит. Умоляю тебя — напиши мне, что у тебя на душе? Любишь ли ты меня? так, как я тебя люблю. Способна ли ты на *всю жизнь* отдаться мне совершенно — во всех случаях жизни, так, как я это с своей стороны говорю — и, бог даст, тебе докажу на деле. Я хочу, чтобы ты была весела и счастлива, насколько это возможно. Мне, кроме тебя, ни до кого нет дела. Не делай своего портрета, я сам в Париже его закажу. Я хочу, чтобы он был отличный, а не такой, какой у Дмитрия в кабинете. Того я видеть не могу. Право, я не знаю, доживу ли до этого дня, когда мы выйдем с то-

бой из церкви. Не хлопочи через силу и не сердись ни на что, моя кроткая душа. Я хочу застать тебя здоровую, веселую. К августу я во всяком случае тебя отыщу. Доктора оставляют сестру в Москве, а я все-таки еду непременно. Уж если ты и этого письма не получишь, то я уже не знаю, как быть. Пиши в *Vevey* poste restante,^a чтобы тебе выслали письма на имя Mademoiselle Marie Botkine.⁸ Но если это затруднительно — то бог с ними. Правда, по этим письмам протекла самая живая и горячая кровь моего сердца, но во всех в них менее значения, как в простых словах: *Мари! я люблю тебя*. Умоляю тебя, пиши ко мне и пиши не то, чем радуют влюбленного, а пиши то, что чувствуешь — чистую, задушевную правду. Если не можешь меня любить — я не скажу тебе полуслова упрёка. — Но если любишь — Христос с тобою, мой добрый, нежный друг! Будь здорова и не забывай

твоего

А. Фета.

На конверте:

A Berlin.
Monsieur
Mr le Docteur Botkine.
Karlstrasse, № 25.
Rendre par bonté
à
Mademoiselle Marie Botkine.⁶

Почтовые штемпели: 1) Moscou, juin 4 185<7>; 2) <Berlin>, 23/6.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 12—13 об.; конверт — л. I.

На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 26 июня».

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 203, 206—207. В полном виде публикуется впервые.

¹ Письма М. П. Боткиной к жениху не сохранились. В Берлине в 1856—1858 гг. жил, занимаясь медицинскими исследованиями, брат Марии Петровны Сергей Петрович *Боткин* (1832—1889), в будущем — знаменитый терапевт. Именно на его адрес отправлено данное письмо, см. прилагаемый конверт.

² Видимо, имеются в виду письма 4 и 5, отправленные в одном конверте 21 мая 1857 г. Конверт этот, адресованный в Базель, до востребования, пришел туда 28 мая (9 июня). М. П. Боткина, приехавшая в Базель позже, получила его только 6 (18) июня.

³ Веве — город на западе Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера между Лозанной и Монтре; один из основных центров Швейцарской Ривьеры.

^a *Веве*, до востребования (*франц.*).

⁶ *В Берлин*. / Господину / Г-ну доктору Боткину. / Карлштрассе, № 25. / Просьба передать / мадемуазель Мари Боткиной (*франц.*).

Дом Боткиных на Маросейке (Петроверигский пер., 4).
Фотография 1900-х гг.

Ю. П. Благоволина приводит отрывок из письма М. П. Боткиной к Н. К. Боткиной от 27 мая (8 июня) 1857 г.: «В Веве не поедем. Если она (Е. П. Шукина. — И. К.) так утомилась, доехав до Берлина, как же можно ехать в Швейцарию, где нет железных дорог» (*Фет/Боткин*. С. 183, примеч. 20). Здесь письмо ошибочно датируется 25 мая (6 июня) 1857 г.). На основании этих строк делается вывод, что ценнейшие письма Фета, посланные в Веве, не дошли до нас из-за досадной случайности: Е. П. Шукина в дороге почувствовала недомогание и сестры поездку в Веве отменили (Там же. С. 159). На самом деле поездка через Швейцарию все же состоялась: в письме 14 (от 30 июня 1857 г.) Фет благодарит Марию «за последнее письмо от 22 из Веве». К сожалению, неизвестна судьба не только тех писем к невесте, что были адресованы в Веве, но и многих других (см. примеч. 6 к письму 11). Скорее всего, они пропали уже после смерти М. П. Шеншиной.

⁴ Речь идет о Василии Афанасьевиче *Шеншине* (1827—1859), его жене Екатерине Дмитриевне (урожд. Мансурова; 1834—1859) и Любове Афанасьевне *Шеншиной* (урожд. Шеншина; 1824—1880).

⁵ Дьепп — город на северо-западе Франции, на побережье пролива Ла-Манш; известен как старинный курорт.

⁶ В. П. Боткин писал брату Дмитрию о своем намерении отправиться в Баньян ди Лукка. Д. П. Боткин, в свою очередь, известил об этом сестру Марию в письме от 4 (16) июня: «От Вас<илия> Петр<овича> я получил письмо из Венеции — в Рим он едва ли поедет, а думает отправиться в Лукку покушаться в море» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 4 об. См. также: *Фет/Боткин*. С. 195, примеч. 1). Письмо Фета к Боткину, адресованное в Лукку, не сохранилось.

⁷ В 1832 г. купец 1-й гильдии, глава семьи Боткиных П. К. Боткин (1781—1853) купил в Москве городскую усадьбу недалеко от Маросейки, с домом, обращенным на Петроверигский переулок (ныне дом 4). Современники боткинский дом условно называли Маросейкой, в нем некоторое время жил Д. П. Боткин с семьей.

⁸ Из письма невесты Фет, видимо, узнал, что она отказалась от поездки в Веве, где ее ждали его письма (см. примеч. 3 к наст. письму).

7

8 июня 1857 г. Москва

$\frac{8}{20}$ июня.^a

Несмотря на то, что это письмо ты можешь получить вместе с предыдущим,¹ я все-таки не могу воздержаться, чтобы не писать. Сколько, сколько хотелось бы сказать тебе, моя ненаглядная! Но лучше всех слов было бы расцеловать тебя донельзя. Вчера я целый вечер проходил с Надеждой Кондратьевной (Елизавета Васильевна была в Москве),² и мы проговорили все время, ты знаешь сама *о ком*. Я и ей говорил то же, что говорю тебе, если ты не можешь любить меня на всю жизнь — не выходи за меня и не губи меня. Но у меня в сердце прыгает надежда, что мы будем жить с тобой отлично. Ты, говорят, вспыльчива, да за что же, спрашиваю я, будешь ты пылить на меня? Мы с тобой так должны жить, чтобы у нас секретов не было друг от друга. И если я на что-либо решусь, то обсудивши здраво и спросясь твоего совета. За что ж ты будешь на меня, бедного, дуться или пылить? Ты писала Надежде Кондратьевной, что у нас *почти* все кончено. Голубушка! что значит *почти*? Я написал писем 10 к тебе и в каждом как божество умоляю тебя: раскрой свое сердце, не бойся ничего сказать другу. Что же, будет ли когда конец этому горю? Пойми наконец, что я не смею от тебя ничего требовать, кроме правды. Только не мучь меня нарочно, не томи молчанием. Напиши свой адрес, или я буду все через брата твоего писать.³

Послушай, мое хорошее, доброе дитя. Как ни говори, а времени не бог знает сколько осталось до нашего свидания в Диеппе и Париже — я буду тебя умолять вернуться в Москву. А приехавши в Москву — я бы желал, чтобы ты прямо приехала в свой дом и нашла его полным, т. е. квартиру, мебель, прислугу, экипаж, серебро и посуду. Неужели нам, приехавши, слоняться по чужим углам. Поэтому я бы нашел где-нибудь квартиру удобную, хотя бы за Москвой-рекой, отделал бы ее

^a Было: «мая», затем переправлено на: «июня».

и все устроил к приезду. Напиши, не ребячась, чего ты и как ты желаешь. Где ты проведешь зиму? Сестру, по совету Саблера,⁴ я оставляю в Москве, поэтому все зависит от твоей воли, без которой я ни за что не примусь. Сегодня мне Иван Петрович,⁵ смеясь, говорил, что ты не захочешь жить за Москвой-рекой. Не воображай себе, чтобы я тебя засадил в грязную конуру, но платить 200 или 300 руб. лишних за одно слово — по-моему, напрасно. Лучше я употреблю эти деньги на твой туалет, это⁶ меня будет радовать. Ведь братьям твоим хорошо говорить, а у нас столько, сколько нужно на приличное прожитье. Поэтому напиши, мое солнышко! что ты об этом думаешь и какие твои планы на нынешнюю зиму. Нам теперь нужно думать о доме да чем век жить. — Кроме этого, не буду тебя беспокоить делами. В прошлом письме я умолял тебя писать мне два раза в неделю. Я вижу, что это тебя затруднит. Но пиши хотя в неделю *раз*. Если бы почта ходила за границу каждый день — я бы каждый день тебе писал. Я писал уже тебе, что привезу тебе счетом все твои письма и отдам на сохранение, если ты уже так мало доверяешь мне. Я понимаю, что девушке как-то неловко говорить о своих чувствах, но невеста имеет полное и святое право говорить об них. Этого времени, мой добрый Ангел, два раза в жизни не бывает. Жду начала охоты. Хотя в лесу на охоте будет полегче, а то рад об стену головой биться. — Третьего дни был в саду на Маросейке,⁶ и вот что случилось:

Я был опять в саду твоём
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени,
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильнее благоуханье,
Зато какая тишина!
Какое томное молчанье!

Но отчего у той скамьи
Где ты в последний раз сидела
Все силы дрогнули мои
И птичка сладостно запела.⁷

---

⁶ Было: «что», затем переправлено на: «это».

Старался так написать, чтобы ты могла разобрать. Марья Петровна, голубка! Полюбите меня, хотя немного! Пишите все, что Вам в голову придет. Вот я не затрудняюсь тем, что писать. Рано, поздно и целый день ты не выходишь из моей головы и сердца. — От Василия Петровича⁸ ответа нет, да и быть еще не может. Отпуск мой еще не выходил,⁹ завтра еду справляться, и как только выйдет, сейчас подаю за границу и заберу все нужные документы и твои, и свои. Тысячу раз целую твою прекрасную руку. Не скидай перчаток, чтобы они не загорали. Я уверен, что ни у кого не будет такой жены умницы и милой, как у твоего

А. Фета.

Не снимай свой жемчужный колье — он к тебе идет. Я ужасно глуп. Но что же делать.^b

Поверь мне, что, проживши со мной 40 лет, ты все-таки во мне ничего нового не найдешь — я, *какой был с тобой*, такой и буду. Целую твои ноги. Не сердись на меня. Пиши.^f

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 14—15 об.

Впервые опубликовано: *Наше наследие*. С. 43—44.

¹ Видимо, речь идет о письме, которое не сохранилось.

² Фет ездил в Кунцево, где П. П. Боткин снимал дачу (см. примеч. 9 к письму 5). *Боткина* Надежда Кондратьевна (урожд. Шапошникова; 1830—1908), жена Петра Петровича Боткина (1831—1907), брата М. П. Боткиной, совладельца чае-торговой фирмы «Петра Боткина сыновья», в отличие от других братьев целиком посвятившего себя делам фирмы. О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

³ Имеется в виду С. П. Боткин, проживавший тогда в Берлине (см. примеч. 1 к письму 6).

⁴ О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

⁵ *Боткин* Иван Петрович (1819—1878), брат М. П. Боткиной. В июле 1857 г. выехал за границу и присутствовал на свадьбе сестры и Фета, состоявшейся в Париже.

⁶ О доме Боткиных на Маросейке см. примеч. 7 к письму 6.

⁷ Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1859. Т. 153. № 1), где последняя строфа имеет другую редакцию: «Один, зарею, соловей, / Та-ась во мраке, робко свищет, / И под навесами ветвей / Кого-то взор напрасно ищет».

⁸ Имеется в виду В. П. Боткин. Подробнее о его отклике на письма Фета см. во вступит. статье.

^b *Вписано на развороте в верхней части письма.*

^f *Вписано на развороте в нижней части письма.*

⁹ Фет служил в лейб-гвардии Уланском его величества полку в чине поручика, 23 июня 1856 г. он получил отпуск на 11 месяцев. Прошение Фета о бессрочном отпуске, которое он подал в связи с предстоящей женитьбой, было подписано императором 3 июня 1857 г., однако уведомление об этом пришло позже (Формулярный список о службе <...> А. А. Шеншина 1884 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 121. № 775. Л. 7).

8

9—11 июня 1857 г. Москва

Мне даже совестно писать к тебе, моя добрая, бесценная Мари! Известно, потому что чувствую, что у меня в голове глупости и химеры, но тем не менее они меня мучают и я действительно страдаю. Как мне было отраднo прочесть в^а первом письме твоём из Берлина подпись *Вся Ваша*. Если это была задушевная правда, то ты теперь уже не смеешь подписаться так, а разве: *вся твоя*. Понимаешь ли ты, что значит вся твоя. Голубка моя! ведь это слово тебя связывает на всю жизнь с моей судьбой. Я знаю без фраз, что если ты будешь моим добрым, доверчивым другом, то я все, что бы ни случилось со мной, перенесу легче. А ты? Вот вопрос и вопрос страшный. Сегодня, осматривая множество квартир, не нашел, какой бы мне хотелось, или слишком велики и дороги или плохи. Что если *она*, подумал я, вынуждена будет жить со мной в такой квартире, простит ли она мне это? — Тем не менее сегодня я приторговывался к карете, которая будет к нашему приезду в конце сентября готова. Просто прелесть! Игрушка, хотя и дорогонька. Как я глуп, что сообщаю тебе свои тяжелые мысли; но, друг мой, от тебя зависит разогнать их совершенно. Если бы я не верил в тебя, я бы не писал тебе того, что пишу. Я воображаю, что ты примешь и принимаешь живое участие в моей духовной и телесной жизни. А я эти дни действительно несчастлив и даже боюсь занемочь. — Мысли роями бродят в голове моей, и если это продолжится до нашего свидания, то эти полтора м<еся>ца мне покажутся за 150 лет. Бессрочный отпуск мой все еще не выходит, и за границу поэтому не прошу. Все мне опротивело. Вчера получил уведомление, что приятель мой с женою придет послезавтра ко мне из Петербурга.¹ Как бы я им был рад в другое время, а теперь они даже будут мне в тягость. Я бы желал эти дни опять в Кунцево² — хоть поговорить о тебе, а тут надо будет сидеть с ними. — Когда же будет эта счастливая минута, что я получу ответ твой хотя на одно из моих писем, которым я уже и счет потерял. Еще это письмо пошлю для верности через Берлин, а далее верно получу, наконец, от

---

^а Далее зачеркнуто: последнем

тебя указание, куда писать и до какого времени. — На днях душевные волнения прервали поток искреннего вдохновения, бивший все это время горячей струей. Даже досадно. Вот одно из последних стихотворений:

Расстались мы. Ты странствуешь далече
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.

Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой
Смолкаешь ты с улыбкою невольной,
Я говорю с тобой.

И вечером, когда в аллее южной
Ты пьешь немую ночь,
Знай: тополи и звезды негой дружной
Мне вызвались помочь.

Когда ты спишь и полог твой кисейной
Раздвинется в лучах...
И сон тебя прозрачный, тиховойней
Уносит на крылах;

А ты, летя в эфир неизмеримой,
Лепечешь: «Я люблю». —
Я — этот сон — и я рукой незримой
Твой полог шевелю.³

Повторяю в тысячный раз: Мари! доброе, прекрасное создание! Если ты чувствуешь, что не будешь меня ненавидеть и тяготиться мной, то и тогда я буду счастлив. Будешь мне верить во всем и не скрывать ничего от меня. — А если хотя малейшая возможность есть совершенного равнодушия, тогда я буду самый жалкий человек в мире. Но я уверен, что в следующем письме ты напишешь мне, что ты меня любишь — и напишешь правду. Ну, эти $1\frac{1}{2}$ м<еся>ца дадут мне знать себя. Писать более разу в неделю здесь безумие, потому что письма придут все-таки в один день — но один раз в неделю я умоляю тебя писать мне. Пиши, моя крошка! что у тебя делается в душе и в голове? Да не забудь написать мне, поручаешь ли ты мне действовать по моему усмотрению. Нам в конце сентября нашего⁴ надо быть в Москве.⁵ Чего нам сидеть в Париже? Впрочем, делай как хочешь, но напиши, по крайней мере. Смешно же истратить деньги, приготовить дом и не жить в нем. Целую твои ручки и ножки тысячу раз.

Твой А. Фет.

Не сердись на меня, голубушка моя — что я своей тоской беспокою тебя, — постараюсь исправиться. При свидании принесу тебе повинную голову. Тогда казни, как хочешь.⁶

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 41—42 об.

Впервые опубликовано (с датой «между 8 и 14 июня»): частично — *Новый мир*. С. 207; полностью — *Наше наследие*. С. 44—45.

Датируется на том основании, что письмо написано до получения Фетом бессрочного отпуска, о чем он писал 13 или 14 июня 1857 г. (письмо 9): «Третьего дня вышел наконец мой бессрочный отпуск <...>».

¹ Речь идет об Алексее Федоровиче *Бржеском* (1818—1868), херсонском помещике, и его жене Александре Львовне *Бржеской* (урожд. Добровольская; 1821—1901). Фет познакомился с ними в 1845 г., вскоре после поступления в Кирасирский Военного Ордена полк (см. об этом: *РГ*. С. 302—306); знакомство быстро переросло в дружбу, которая не угасла и после того, как Фет покинул Херсонскую губернию. По-видимому, в июне 1857 г. супруги навестили поэта в Москве, о чем свидетельствуют строки из письма А. Л. Бржеской к Фету от 15 (27) апреля 1882 г.: «Милый же рассказ „Кактус“, знаете ли, что мне напомнил? Как мы с Алексисом четверть века назад какими-то судьбами заехали в Москве к Вам, на Вашу холостую квартиру (Вы тогда сестру к доктору привезли), и тут-то Вы нам об Аполлоне Григорьеве рассказывали, о его оригинальности, костюме, гитаре и цыганских песнях и ждали его к себе. Но мы не могли дождаться, так как оставили на станции семейство Козлова, ехавшее с нами из П<етер>бурга в Березовку на лето» (*ИРЛИ*. № 20279, Л. 55 об.—56).

² О поездке в Кунцево, где снимали дачи Д. П. и П. П. Боткины, см. письмо 5, примеч. 9.

³ Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1858. Т. 147. № 1). В издание 1863 г. вошло с переработанной третьей строкой: «И вечером, когда в аллее темной / Ты пьешь немую ночь, / Знай, тополи и звезды негой томной / Мне вызвались помочь».

⁴ Имеется в виду разница между юлианским и григорианским календарем.

⁵ Феты вернулись в Москву 21 сентября, задержавшись на две недели в Любеке, где ожидали свой багаж. Точная дата их приезда устанавливается по письму М. П. Фета к В. П. Боткину от 28 сентября 1857 г.: «Сегодня ровно неделя, как мы приехали в Москву, и приехали в день именин Митенькиных <...>» (*Фет/Боткин*. С. 207). Д. П. Боткин отмечал свои именины в день памяти св. Димитрия, митрополита ростовского (1651—1709), который празднуется 21 сентября ст. ст.

---

⁶ Вписано на развороте в нижней части письма.

Что со мной делается, мой милый дружок! Непостижимо. Просто места не нахожу и не знаю, куда деться. — Это естественно — я получил от тебя, моя крошка, два письма, но они не ответ на мои письма,¹ на пережитые мною чувства. А я в это время много пережил. Люблю тебя по-прежнему и всегда буду тебя любить все более и более. — Нет! полно болтать про вещи, которые ты по женскому чутью сама лучше меня знаешь. Ты сама знаешь, что я тебя люблю. Тем не менее в день по сту раз мне приходит в голову: а ну как она вдруг мне откажет? И вслед за тем я, ходя по комнате, начинаю сам с собою разговаривать и спрашивать: что же это такое? Шутка что ли? Зачем же ей так шутить? Это нелепо, легкомысленно и даже невежливо... А писем в ответ на мои все нет ниоткуда. Ведь с ума можно сойти. Я готов бранить и, пожалуй, бить самого себя, что, желая говорить с тобой о кровно важных и важных делах, не могу воздержаться, чтобы не сказать тебе, как отрадно мне пересыпать с тобою из пустого в порожнее; но что же делать — ты невеста, а ведь это не свой брат, перед таким лицом поневоле заговоришь не по-людски. Эх! славное бы это было времечко, если бы ты жила на Маросейке. Право, видя тебя, я согласен бы был вдвое долее ждать, а теперь несносно, несносно, несносно...

Прости, добрая Маруся! что я вздор пишу, только и отрады в неделю, когда сяду поболтать с тобою; ну дай поцеловать свою хорошенькую руку и прости, не буду больше. Улыбнись, ради Бога! а то я буду думать, что ты все еще сердисься. — Баста! баста! ни слова более о любви. Третьего дня вышел наконец мой бессрочный отпуск,² а послезавтра подаю за границу и надеюсь получить в конце июля,³ и прямо в Диепп. Доктора обещают сестре Наде выздоровление, но я ее с собой не беру. — Теперь прошу прислушать и рассудить здраво. Ты собиралась и сама в сентябре в Москву. Следовательно, я имею полное право рассчитывать на наше возвращение в конце сентября. Я тебя об этом на коленях умоляю. *Не отравляй мне лучшего времени в жизни* и поедем как можно скорей в Москву. Предупреждаю тебя, что я в осенние бури ни за что тебя не повезу морем, и мы возвратимся через Тауроген.⁴ — Я хочу, чтобы ты приехала в полный дом. Это мое страстное желание, и я его уже привожу в исполнение. Завтра я обедаю на Маросейке у братьев и повезу их смотреть найденную мною за Москвой-рекой квартиру.⁵ Она весьма недорого и мне очень нравится, потому что весьма при-

лично и даже мила. Зала и твой кабинет даже великолепны. И домашние комнаты высоки, чисты и светлы. Голубушка! я тебя предупредил, что нам особенно первый год никаких затей затевать нельзя. Я хочу, <что>бы^а у нас на всю жизнь был верный кусок хлеба, а не фить-фить.^б Но я, с другой стороны, скорей сам буду спать в лакейской под лавкой, чем допущу, чтобы ты действительно в чем нуждался^в.^а Ты найдешь в сентябре <...>^а чистую квартиру в <...>^а отличную мебель, отличный экипаж, все, что нужно для стола, сытный и свежий обед, можешь принять, кого хочешь, и ехать, куда вздумается. Чего же еще желать пока, дружок мой? Более я сделать не в силах. Напиши, довольна ли ты моим распоряжением? А то я мучаюсь. Ну, как ты да что-нибудь там выдумашь, тогда все труды мои пропадут. Теперь еще вопрос, который у меня давно вертится и про^б который я все забываю. Напиши: неужели ты хочешь оставить у себя свою *Марьюшку*?^г По-моему, ее оставлять не следует по 1001 причине. Она *дурна*^в и, кажется, не ловка, а главное, она вечно недовольна и может иметь дурное влияние на остальную прислугу. Я не могу допустить и мысли, чтобы в доме кто-либо ворчал при твоём пр<иказан>ии.^а Ты хозяйка, следовательно, тебе некого и не о чем просить — твое дело сказать, а их дело исполнить. Но если ты к ней привыкла — тогда другое дело? Во всяком случае и об этом напиши. Потому что я приищу <прили>чную^а и такую, которая умела <бы стира>ть^а и гладить, а то, что же ей <...>^а сидеть, руки сложа?

Я уже писал тебе, прося, чтобы ты, кроме своих платьев, ничего не заказывала и не покупала для дома за границей, особенно серебро, это надо купить в Москве. А остальное, что будет нужно, купим, переговора, в Париже. Завтра рано отправлю это письмо на почту, но не знаю, попадет ли оно на субботний пароход? Да когда же я получу, наконец, от тебя ответ и пришли мне верный адрес, по которому письма хотя бы лежали долее, но доходили. Не мучь меня, Мари! голубушка! Право, это стыдно. И главное, не сердись. Ну, скажи прямо: «Я тебя или *Вас*^в не могу любить». А то у меня в голове мельница. Целую твои пальчики. Душевно преданный тебе А. Фет.

Не знаю, разбираешь ли ты мою руку? Но я ужасно стараюсь. Будь здорова и в<есе>ла^а и вспоминай обо мне хотя десятую часть против того, как я тебя вспоминаю. — *Пиши* мне, моя радость.^г

^а В этом месте письмо испорчено.

^б про — вписано над строкой.

^в Подчеркнуто тремя чертами.

^г Вписано на развороте в нижней части письма.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 17—18 об.

Публикуется впервые.

Датируется 13 или 14 июня 1857 г., так как 14 июня приходилось на пятницу.

¹ Первое из писем Фета, посланных за границу, М. П. Боткина получила только по приезду в Базель — 6 (18) июня (см. конверт и примеч. 2 к письму 5).

² См. примеч. 9 к письму 7.

³ См. примеч. 1 к письму 21.

⁴ Тауроген — населенный пункт Ковенской губернии, на границе с Пруссией.

⁵ Фет нанял квартиру в бельэтаже дома на Малой Полянке, принадлежавшего Елизавете Николаевне *Сердобинской* (ум. 1885). Дом не сохранился. О найме квартиры и первом ее обустройстве поэт рассказал в мемуарах (*МВ*. Ч. 1. С. 195).

⁶ Ср.: «„Фить, фить!“ — проговорил отец, щелкая пальцами (это было его обычным обозначением легкомыслия) <...>» (*МВ*. Ч. 1. С. 6).

⁷ *Марьюшка*, горничная М. П. Боткиной. Осталась при Марии Петровне и после ее замужества; служила у Фетов сначала в Москве, а затем до конца 1868 г. в Степановке (*МВ*. Ч. 1. С. 344).

10

Между 13 и 18 июня 1857 г. Москва

Сегодня утром, добрая Мари! отправил я к тебе письмо, а вечером пишу другое, и это, вероятно, дойдет прежде утreshнего. Зло, ужасно зло смеется надо мною судьба нынешний год, начиная с болезни сестры. Я сделал предложение девушке, которую полюбил, за два дни до ее отъезда за границу и получил ее полное согласие и *честное слово*. «*Будьте совершенно покойны*», — сказала мне моя невеста. Точно ли могу я^а быть покойным на этот счет? — спросил я. «*Да, да*», — отвечала она у рояля: «*вот вам моя рука*». Все это случилось так быстро, что я не успел ничего ей сказать и объяснить, исключая одного. Вы, говорю я ей, жили в богатом доме, а теперь связываете свою судьбу *навек* с человеком, который Вас искренно и преданно любит, но которого состояние как раз равно Вашему и вместе с Вашим не составит большого. Я Вам даю, любимой мною женщине, и самому себе слово неусыпно работать, насколько сил моих хватит, для того чтобы не заставить Вас нуждаться. Вы к этому не привыкли да и^б у меня бы нужда и Ваши лишения отняли всякую иллюзию в жизни. *Я был бы глубоко несчастлив*. Желая меня сделать счастливым Вашей любовью, Вы не можете в то же время желать моего несчастья. Вот та важная мысль, которую я, делая предложение, передал моей невесте. Все мои письма, которым я давно потерял счет, гуляют, к моему отчаянию, где-то по свету и ни к кому не

^а Далее зачеркнута описка.

^б Далее зачеркнуто: мен<я>

доходят. В каждом из них просвечивает тот чистый, ясный идеал, который я себе составляю о приличной, исполненной довольства семейной жизни. Если бы я мог, я бы любимую женщину окружил чудовищной роскошью, но теперь я ограничусь милым комфортом и надеюсь, что это будет сделано не без толку и вкуса. Один кабинет твой, Мари, будет стоить около 1000 рублей^в.¹ И если б ты могла видеть, как я счастлив этими тратами: каждая вещь напоминает мне своим назначением про тебя. Послушайте, Марья Петровна! Ваше слово дало мне право адресоваться к Вам как к моей невесте, которая не далее как через 1 1/2 месяца будет моей женой. Но я повторяю то же, что писал в каждом письме, не думайте, чтобы я хотел связывать Вас Вашим словом. Я хочу, чтобы Вы со мною были счастливы и вполне отдохнули от всякого горя. Что бы я ни говорил теперь, все это будут слова — мои дела еще впереди, а я хочу, чтобы Вы со временем с гордостью могли сказать, да мой муж действительно меня любит и умеет любить — он честный человек. В настоящее время касательно этих качеств моих у Вас, кроме инстинкта женщины, нет руководителя, спросите его: верите ли Вы мне? А Вы мне сказали, что Вы мне верите — и отдаете все житейское в полное мое распоряжение; тем более что Вы в этом деле, по собственному признанию, дитя. Если же Вы во мне еще сомневаетесь, то я первым Вам скажу, что поступаете неблагоразумно, вручая судьбу свою человеку, которому нельзя верить. Я хочу Вашего убеждения, а без него не может быть счастья. Я делаю в настоящее время вещь, которую никогда не делал да и не сделаю, я беру из капитала 5 тыся<ч> — и я их своими трудами опять пополню. Но далее я могу отдать Вам все наши годовые доходы, но из капитала ни под каким видом не решусь тронуть денежки. Учитесь у Вашего брата Василия Петровича, а он *ума палата*. Поступать иначе было бы с Вашей стороны легкомысленно, хотя извинительно, но с моей непростительно и *презренно*. «Но к чему, де, ты понес всю эту галиматью?» — сп<р>осите Вы. К тому, мой добрый и единственный друг, что до меня дошли слухи, что Вы собираетесь после нашей свадьбы ехать зимовать в Италию.² Ох, уж эта мне Италия!³ Это, мой Ангел милый и добрый, решительно невозможно. Во-первых, уже потому, что денег нет. Если б были доходы под руками, то кто ж бы мне велел брать на обустройство из капитала. Теперь лето, все делается своевременно, а через 4 месяца мы будем у себя в Москве об эту пору сидеть за самоваром и Вы будете мне чай наливать. Следовательно, нельзя меня укорять в необдуманной поспешности. А если я и спешу, то и за это тебе на меня гневаться не сле-

^в Здесь и далее для обозначения рубля Фет использует принятый в то время письменный символ.

дует — ты знаешь, Мари, — что я влюблен — и, кажется, для тебя не тайна, в *кого*. Итак, на основании твоих слов все сделано, квартира нанята и приступлено к отделке, мебель и экипажи заказаны, а ты порываешься зимовать, т. е. мерзнуть и морозить меня, в Италию! Нам надобно этот год жить самым умеренным образом, для того чтобы потом не протирать глаза кулаками. Помни, что нам никто ничего не даст, да и надобности в этом нет, но чтобы мне, взявшему на себя семейную святую обязанность, не думать о будущем — это невозможно. Нам надо идти дружно вместе. Что это за горе! что в ту минуту, которая так дорога жениху и невесте, время, в которое они обыкновенно успевают передать друг другу свой образ мыслей и чувствований, нас как на смех судьба разогнала в разные концы света. Всякий страстный порыв я понимаю. Хладнокровный посторонний человек мог бы мне сказать следующее. Когда ты думаешь венчаться, в конце августа? А когда твоя невеста возвращается в Москву? В конце сентября. У тебя нет готовых денег; так это ты за полтора м<еся>ца хочешь заплатить 1 1/2 тысячи серебром. Кто же тебе мешает выехать твоей невесте навстречу в Петербург и там обвенчаться? Это очень благоразумно, но только не в отношении к человеку, который все лето томится чуть не до помешательства, а я, будь у меня паспорт в кармане, сегодня бы поскакал в Баден-Баден. Теперь это понятно и законно, но когда мы, Бог даст, будем уже мужем и женой, тогда всякое поползновение на наши общие средства существования незаконны. Кроме того, ты забыла, что у меня в Москве сестра, которая, по стечению обстоятельств, остается одна. Ни для кого, кроме невесты, я не решусь оставить ее одну и то на 1 1/2 м<еся>ца. Я дал себе слово этого не делать, а если я изменю слову в отношении к сестре, то завтра я могу изменить слову, данному жене. Читая эти строки, моя милая голубка! ты, верно, думаешь. Нет! мужчины не понимают ничего. Вот этот барин, а еще поэт, не понимает, что я хотела отдохнуть с любимым человеком в чудной стране, забывши все, все... Скажи мне, угадал ли я или нет? Если подобная мысль действительно шевелилась на дне твоей души, то я целую последний край твоей одежды и благодарю и тебя, и Бога за твое чувство, но по изъясненным причинам ты сама видишь, что нам надо сейчас же, не медля нимало, в Москву. Когда я прочел в твоём первом письме фразу: «Как бы я рада была променять всю эту *заграницу* на Маросейку, где мне в последнее время было так хорошо», когда я прочел эти строки, я сказал себе внутренно: вот какую тебе надо жену. Ради Бога, Мари! сжался ты надо мною! успокой меня хотя сколько-нибудь. Скажи, что ты мне веришь и не считаешь человеком, неспособным вести дела. Мое присутствие нынешней зимой в Москве крайне необходимо и для дел моих. Это мне может сделать страшную разницу. У меня есть капи-

тальные дела, которых я никому поверить не могу, хотя бы и хотел. Тут нужно личное присутствие. Я не хочу, чтобы ты слепо исполняла мои желания, я хочу, чтобы ты поняла, *почему* то или другое нужно. Ведь нам стыдно делать, как Григорович, фить! фить! финтифлюшки.⁴ 1-го октября карета твоя будет дожидать нас у железной дороги, а самовар на столе в зале и цветы в жардиньерке в твоём кабинете. Право, голубчик, ты так можешь отдохнуть в Москве, а как я буду счастлив, когда этот страх и неизвестность и сомнения свалятся с моей души. Довольно я и так в жизни помаялся. Отвечай, моя добрая, тотчас же по прочтении этого письма. Успокой меня, и бог тебя успокоит. Ну, решай, как хочешь, только не мучь и не томи. Скажи мне раз навсегда, что не будешь ничего делать важного без моего совета, и этого слова для меня будет довольно. Не сердись. Целую твою хорошенькую ручку.

Душевно преданный и навсегда твой А. Фет.

Мари! полюби меня искренно и поверь, что я все, все для тебя сделаю, что могу.[†]

Два листа исписал, а и сотой доли не сумел сказать всего, что хотелось.[‡]

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 37—40 об. Письмо записано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Лист 1», «Л. 2». К письму 10 прилагается конверт V (при первоначальной архивной обработке и письмо, и конверт помечены одним и тем же шифром «Ф. 737»). Адрес на конверте: *France. Monsieur Charles Mathias. St. Louis. Haut Rhin (Франция. Господину Шарлю Матиа. Сен-Луи. Верхний Рейн — франц.)*. Для передачи Марье Петровне». Московский почтовый штемпель отсутствует, почтовый штемпель Сен-Луи — от 7 июля. На конверте надпись, сделанная рукой М. П. Боткиной: «Получено 7 июля». Письмо 10, скорее всего, было адресовано в Баден-Баден (см. ниже), поэтому предполагаем, что конверт V — от утраченного письма, которое могло быть отправлено из Москвы около 16 июня.

Впервые опубликовано (с датой «между 26 и 30 июня»): *Наше наследие*. С. 47—48.

Датируется на основании фразы из письма 11 (от 18—19 июня): «В прошедшем письме моем к тебе в Баден-Баден — я тебе доказал, что нам нынешний год нельзя нигде зимовать, кроме Москвы». Кроме того, следует принять во внимание, что ответ М. П. Боткиной на данное письмо пришел на старую квартиру (см. письмо 20). Очевидно, нового адреса она еще не знала. Впервые адрес квартиры в доме Сердобинской Фет указал в письме 11.

[†] Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в нижней части письма.

[‡] Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в верхней части письма.

¹ Здесь и далее символ рубля R (см. сноску «в»), который часто встречается в письмах Фета 1840—1850-х гг., передается общепринятым «рублю». Символ этот употреблялся с XVII и до конца XIX в., состоял из надстрочных букв «Р» и «У», причем «Р» была повернута на 90° против часовой стрелки, а «У» писалась поверх нее; в целом, знак напоминал Андреевский крест (см. об этом подробнее: *Синчук И.* Многоликий знак рубля // *Нумизматика.* 2006. № 12 (ноябрь). С. 49—56). В значке, используемом Фетом, эти буквы переданы условно.

² Источником этих слухов, оказавшихся ложными, было, скорее всего, письмо Е. П. Щукиной, путешествовавшей по Западной Европе вместе с М. П. Боткиной. Впоследствии Фет писал по поводу «мнимой Италии»: «...вообразив, что это может быть предметом твоих объяснений с сестрой, я приходил в ужас и прихожу еще теперь» (см. письмо 20).

³ Фет вспоминает о неудачном пребывании зимой в Италии во время путешествия с сестрой Надеждой в 1856 — начале 1857 г. (см.: *МВ.* Ч. 1. С. 170—178), см. об этом во вступит. статье к наст. публикации.

⁴ Имеется в виду писатель Дмитрий Владимирович *Григорович* (1822—1899), которого Фет, видимо, считал легкомысленным человеком (см. примеч. 6 к письму 9).

11

18—19 июня 1857 г. Москва

Москва.
19 июня
1 июля.

Наконец-то получил я от тебя, моя крошка! сколько-нибудь успокоительное письмо. Слава Богу! Я их в это время написал более 10-ти, и если они попадут в твои руки, то ты поймешь, почему я тебе так простодушно пишу *ты*. Я уже просил тебя не писать мне *Вы*, какой я тебе *Вы* — я такой же *ты* для тебя, какая ты *ты*, *Мари*, для меня. Благодарю тебя, мой добрый друг, за твою привязанность и теперь прошу у тебя только одного — полной доверенности и откровенности во всем. Если ты не веришь, что я человек деликатный, любящий тебя искренно и способный вести наши общие дела, то не выходи замуж за меня. А если ты веришь всему этому, то напиши мне просто, что доверяешься мне вполне во всем, и я надеюсь, что ты никогда не будешь иметь причины раскаиваться. Теперь ты, мой друг, для меня *всё* — от тебя одной зависит мое полное счастье и окончательное несчастье, а мне пора быть счастливым, поверь мне и в этом на слово. Основываясь на твоих словах, я нанял дом за Москвой-рекой и готовлю все, что нужно к нашему приезду. Я как дитя радуюсь нашему милому гнездышку, которое я отделяю даже с роскошью по нашим средствам. Пожалуйста,

не сердись, что я нанял за Москвой-рекой — не увлекайся нелепыми предрассудками.¹ У тебя будет прелестная карета, и ты можешь в 10 минут быть, где вздумается. Будь, ради Бога, покойна совершенно, я ничего не сделаю неловкого и нелепого. Постараюсь тебя отогреть, успокоить и окружить всеми удобствами жизни. — Умоляю тебя — будь мне другом не по одному названию, а действительно успокой меня. Садись сейчас по прочтении этого письма и напиши мне, что ты об этом думаешь. В прошедшем письме моем к тебе в Баден-Баден — я тебе доказал, что нам нынешний год нельзя нигде зимовать, кроме Москвы. Пойми меня, мой Ангел — я ничего не выдумываю в свою пользу — я хочу, чтобы ты мне развязала руки действовать на устройство наших общих дел и быть может и далее. — Если ты не поедешь со мной сейчас же после свадьбы в Москву — то мы будем в большом затруднении. Напиши мне тотчас, что ты *хочешь быть моей женой, умницей и послушной*. На карету я дал задаток, а на мебель тотчас по получении твоего ответа дам. За что ж бросать деньги на ветер. А как только ты скажешь, что будешь меня слушаться, то все у нас пойдет отлично — ты сама это увидишь.

У тебя теперь в целом мире нет человека ближе меня и человека, в которого бы тебе и морально и физически нужней была слепая вера. Жена, которая считает мужа дураком или подлецом — несчастная женщина. А я хочу, чтобы моя Мари была счастлива. Для меня нужна *ты*, а другие пусть толкуют и делают, что хотят. Напиши же мне сейчас и успокой и меня и себя. Сегодня я подал прошение об отпуске за границу. Сестре опять со вчерашнего дня плохо, и я не знаю, что из этого будет. Во всяком случае в начале августа я буду у тебя с твоими и моими документами. Завтра еду на дачу.² Напиши, есть ли у тебя какая-либо мебель или заказывать всю. Для твоего кабинета отличную заказал, для моего кабинета и залы тоже заказал, а если есть для спальни что-то, зачем деньги бросать попусту. А если нет, то закажу и туда. К приезду и рояль твой будет в нашей квартире, и все, все. Кроме своих нарядов ничего не покупай и то лучше подожди меня. Портрет твой я тоже сам закажу в Париже.³ Целую твою хорошенькую ручку тысячу раз. Как досадно, если ты не получила моих писем. Из них можно томы составить. В Веве три. В Баден-Бадене, кажется, пять. Голубушка моя добрая, успокой ты меня, мой Ангел, — я перед тобой за это простою день целый на коленях. Напиши сейчас, что ты не будешь мне противуречить. Подумай сама, разве это шутка бросить 5 тысяч рублей. Мне надо долго и неусыпно трудиться, чтобы их возвратить в наш капитал, которым нам надо целый век жить. Жду как манны твоего ответа.

Обожающий тебя А. Фет.

Право, я, кажется, не дождусь свидания и свадьбы — напиши, что ты меня любишь так, как я тебя люблю. Не смей мне писать *Вы*.^а

Мой адрес: *За Москвой-рекой, у Спаса в Наливках*,⁴ в доме г-жи *Сердобинской*.^б

У Сердобинской теперь твой дом, моя крошка! Боже! Боже!^в

Еще раз адрес: *За Моск<вой>-рекой, у Спаса в Наливках, в д<оме> г-жи Сердобинской*.^г

Вчера я исписал целый лист и думал кончить, но сегодня чувствую новую потребность писать к тебе, мой единственный друг. При одной мысли о тебе сердце мое бьется, как голубь, и я не нахожу слов высказать тебе все, все. Не могу достаточно повторять тебе, моя голубушка: сжался ты надо мной. За что же тебе меня мучить — у меня в душе кроме полного желания твоего прочного, постоянного счастья и спокойствия, кроме чувства признательности и любви к тебе нет ничего. Ты благородная и нежная душа, следовательно, если бы ты меня и не любила, как я тебя люблю, то все-таки не можешь желать моего беспокойства и мучения. Я тебя не обидел <ни> единым помыслом и надеюсь, во всю жизнь не обижу. Я человек расчетливый, потому что не люблю нуждаться, я теперь на основании твоего *слова* истратил 5 тысяч рублей из своих денег и, следовательно, стеснил некоторым образом свои средства, но если бы ты убедилась, что не можешь быть со мною счастлива, то не только ты, но никто никогда не услышал бы от меня ни слова, и я первый сказал бы во всеуслышанье, что *ты мне* отказала. Но мне сладостно верить, что я нашел в тебе женщину, способную оценить мои правила и привязанность. Без этой веры я бы не сделал тебе предложения. Повторяю в 1000 раз — доверься мне вполне, следуй доверчиво за мною в жизни и ты будешь покойна, я сделаю все, что будет в моих силах. — Я это время истомился душой. Письма мои к тебе не доходят — и я получаю редко от тебя весточки. Друг мой — я женюсь на тебе не для людей, не для света, а для себя и для тебя. Если тебе этого мало — тогда не губи нас обоих. Если тебе недостаточно моей вечной и постоянной дружбы — тогда не решайся на такой страшный шаг. Но ведь ты сама пишешь, что любишь меня *много, много*, ну как же после этого мне не верить? Когда я подумаю, что не будь мы в разлуке — то достаточно бы было одного твоего слова, взгляда,

---

^а Вписано на полях 1-й страницы письма сверху и снизу.

^б Вписано на развороте 2-й и 3-й страниц в верхней части письма.

^в Вписано на левом поле 2-й страницы письма.

^г Вписано в нижней части 2-й страницы письма.

пожатия руки — и я был бы *совершенно* покоен, а теперь я мучаюсь страшно вот уже другой м<еся>ц. Все твои домашние чрезвычайно милы и внимательны в отношении ко мне. На этой неделе я буду говеть и заберу все наши документы в Париж. Пиши свой адрес. Ведь это ужасно, что из 10 писем моих ты получила только первое!⁵ Напиши, бога ради, можем ли мы в конце сентября возвратиться с тобой в Москву. Заграница отравит мне первые минуты счастья. Я хочу, чтобы ты была моя хозяйка, моя ненаглядная царица у себя в доме, а тут таскайся по гнусным трактирам. Когда я устрою наши дела и соберусь со средствами, тогда повезу тебя, куда хочешь, а теперь, мой добрый друг, позволь мне хотя одну зиму пожить, успокоившись подле тебя. Неужели тебе будет со мною скучно? — Это было бы ужасно! я и мысли этой допустить не могу. Человек положительный, как я, может любить женщину, но не решится сделать предложения, не взвесив вопроса со всех сторон, и ему вдвое тяжелей расставаться со всеми своими надеждами и мечтами.

Я теперь сделался совершенным ребенком. Так меня занимает малейшая подробность нашего общего будущего. Почти каждый день у меня каретники, обойщики, мебельщики и т. п. Я хочу, чтобы ты меня похвалила, войдя к себе в дом. Буду стараться заслужить твое одобрение. Повторяю мою покорнейшую просьбу. Садись сейчас же и напиши откровенно, какого ты обо всем, что я тебе говорю, мнения? Теперь в письме невозможно входить во все подробности, но при первом свидании я тебе изложу ясно все наше положение, и ты сама, моя добрая голубка, убедишься, что я не могу поступать иначе. А теперь предоставь ты мне действовать по моему крайнему разумению и будь покойна. Я не сделаю ничего неприличного и неблагоприятного. Если же ты в сердце своем не привыкла еще мне верить, то это грустно и глубоко жалко. Ты говоришь мне о любви, а я требую от тебя веры, без веры нет любви. Ты сама пишешь и говорила мне не раз, что в делах расчетов ты молодец, да это и не беда. Поверь, что когда у тебя будет свой дом и свое хозяйство, то ты сама мало-помалу вникнешь в это дело и будешь в тысячу раз делать его лучше тех, которые целый век бредят кухней и погребом. Я тебе в этом случае верный и преданный помощник и слуга.

Прости меня, крошка моя, что я так дурно пишу; но я и обыкновенно пишу плохо, а взволнованный пишу еще хуже. Все ты же виновата, зачем влюбила в себя своего жениха. Целую тысячу раз твои глазки, ручки и губки. Сейчас же, согласно твоему желанию, отправляю это письмо. Но и ты в свою очередь не заставь меня дожидаться ответа. Вспомни, что все дело стоит только за твоим словом. Если ты мне напишешь о полном твоем согласии на мои планы — то я дам всем мастерам половину денег и покойно уеду в Диепп, приготовив все к нашему

приезду. А без этого я не могу сделать шагу, и у меня ежеминутно руки опускаются при мысли, что ты не одобришь моих планов. В Баден-Бадене найдешь кучу писем и стихов.⁶ Я работаю, сколько могу. Потому что деньги будут нужны. Ну, Христос с тобой, моя милая, добрая Маша! Будь только откровенна и снисходительна, а прочее все будет, прочее уже мое дело. Успокой же меня, моя радость! да не забудь написать своего адреса. Когда-то я увижу тебя. Пиши Афанасию Афан<асьевичу> Фету. В Москву, за Москвой-рекою. В приходе Спаса в Наливках, в доме г-жи *Сердобинской*. Еще раз целую тебя тысячу раз. Жду твоего ответа через 20 дней. Будь здорова и весела и не забывай того, кто каждую минуту стремится к тебе душой.

Твой искренний друг А. Фет.

На конверте:

St. Louis. Haut Rhin (France).

Monsieur

Mr Charles Mathias,^д

а Вас прошу передать

Марье Петровне

Боткиной.

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland. PORTO; 2) Prusse, Valenciennes, 9 juil<et> <18>57; 3) Paris, 9 juil<et> <18>57; 4) Paris à Strasbojurg, 9 juil<et> <18>57; 5) Strasbojurg à Bâle, 10 juil<et> <18>57; 6) St. Louis, 10 juil<et> <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 20–23 об.; конверт — л. П. На обороте конверта помета М. П. Боткиной: «Получено 10 июля». Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Лист 1», «Лист 2-й».

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 207; полностью — *Наше наследие*. С. 45–47.

Дата, указанная в начале письма: 19 июня (1 июля), выставлена позднее. Начало письма следует датировать 18 июня, поскольку оно писалось два дня, причем закончено и отправлено было 19 числа, см. примеч. 2 к наст. письму.

¹ В середине XIX в. район Замоскворечья считался далеким от центральной части города и непрестижным (см. примеч. 4 к наст. письму).

² В следующем письме, от 20 июня 1857 г., Фет писал: «Вчера я обедал в Кунцево, куда поехал, отправивши тебе письмо в St. Louis». См. также примеч. 9 к письму 5.

³ Портрет был в Париже заказан, но вместе с другими вещами из багажа Фетов пострадал от пожара во время перевозки по железной дороге. В письме к В. П. Боткину от 4 ноября 1857 г. М. П. Фет сообщала, что ее портрет «весь почернел» (*Фет/Боткин*. С. 218).

^д Сен-Луи. Верхний Рейн (Франция). / Господину / Г-ну Шарлю Матиа (франц.).

⁴ В XIX в. в московских адресах после указания района («за Москвой-рекою») следовал церковный приход, к которому относится домовладение («В приходе Спаса в Наливках в доме г-жи Сердобинской»). См. также примеч. 5 к письму 9. Наливки — целый район Замоскворечья. Тут при великом князе Василии III были поселены иноземцы-наемники, которым разрешалось пить вино в любое время, а москвичам только в определенные начальством дни. По преданию, в этих местах находился винный двор и «стояли шатры, в коих наливали и отпускали вино». Солдаты-иноземцы («нехристи») наливали себе, сколько хотели. Отсюда и пошло название «Наливки». Деревянная церковь Спаса Преображения в Наливках (Преображения Господня, что в Наливках) была построена в 1642 г. между улицами Полянка и Якиманка. В 1738—1751 гг. на ее месте была выстроена каменная церковь, которая была снесена в 1930 г. В XVII — начале XIX в. в Замоскворечье было немало усадеб, принадлежавших дворянам (Барятинским, Репниным, Вяземским, Мещерским). Только с середины 30-х гг. XIX в. здесь стали селиться мещане и купцы.

⁵ Речь идет о письмах 4 и 5, отправленных в Базель в одном конверте 21 мая 1857 г. М. П. Боткина получила их только 6 (18) июня.

⁶ Письма со стихами, адресованные в Баден-Баден, до нас не дошли.

12

20—21 июня 1857 г. Москва

20 июня.

Милая, дорогая, бесценная Мари! Вчера я обедал в Кунцеве, куда поехал, отправивши к тебе письмо в St. Louis.¹ Наконец-то я застал Елисавету Васильевну и брата твоего меньшого, очень милого мальчика.² Все тебе усердно кланяются. Дмитрий Петрович³ сам к тебе писал. Ты не можешь себе представить, до какой степени я был благодарен Елисавете Васильевне за ее милое участие. Если бы не чувство приличия, то я, кажется, расцеловал бы ее самым горячим образом. Она так меня усладила и успокоила разговорами о тебе, что я с ней, можно сказать, блаженствовал. — «Да что вы вздорами-то себе голову ломаете (говорит она), Мари вас любит, успокойтесь, она сама увидит, что вы дело говорите. Делайте все, как находите за лучшее, она поймет, что это так должно быть. Ведь так нельзя шутить и выбросьте все сомнения из головы. Что за детское нетерпение? Погодите, еще наживетесь вместе. Еще успеете друг другу наскучить». Нет, Елисавета Васильевна! если бы я хотя на минуту мог думать, что Мари может мне наскучить или я ей, то я не просил бы ее быть моей женой, моим другом. Не будучи страстными любовниками, мы можем на всю жизнь оставаться людьми друг другу близкими и дорогими. — Одним словом, она и в этом пункте со мной согласилась. Ну, дайте же вашу руку, добрая Елисавета Васильевна. «А если Мари это увидит, то она будет ревновать. Я ду-

М. П. Боткин.

Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1853 г.
Альбом М. П. Боткиной

маю, что она будет вас ревновать. Это беда!» Да я только об этом и молю Бога. Дай Бог, чтобы она меня ревновала, я на это никогда не пожалуюсь. «А вы, вы будете ее ревновать?» — Ох! Елисавета Васильевна! я ее уже теперь ревную, но ей этого никогда не покажу. «Это очень гадко». Что ж тут гадкого? Короче сказать, все были чрезвычайно милы. Оставляли меня ночевать, но я не остался и после ужина уехал несколько успокоенный и с самыми золотыми надеждами в сердце. — Только от тебя, мое сокровище, радость моя, нет ответов на мои последние письма, а письма из *Veve* воротятся, вероятно, в Москву. Ну что

тебе стоит хотя несколько строчек в неделю написать. Знай, что большей радости ты мне сделать ничем не можешь. Я в состоянии писать тебе всякий день. Да почти и пишу ежедневно. Завтра пятница — я буду исповедоваться, а в субботу приобщаться, а в воскресенье еду на охоту дней на 10-ть.⁴ Право, хотя бы на охоте немного забытья, а то, кроме шуток, можно с ума спятить. Дома мне решительно не сидится. Не стесняясь поездкой моей, пиши все по тому же адресу: В Москву. За Москвой-рекой. В приходе Спаса в Наливках на М<алой> Полянке, в до<ме> г-жи *Сердобинской*. Я буду получать твои письма исправно и еще исправнее писать, потому что буду жить на железной дороге. Да, я было и забыл тебе написать следующее. Вчера я говорил с Елисаветой Васильевной про твою мебель. Она говорит, что у тебя есть трюмо, высокие кресла и вольтер,⁵ комоды и шифоньерки и несколько кресел. Все это необходимо для спальни. Я уже приговорил у немца трюмо в твой кабинет в полтораста рублей — большое, с большим зеркалом, но для спальни тоже нельзя без трюмо, ведь не в гостиной же ты будешь одеваться, да и кто из дам придет, войдет в домашнюю комнату оправиться. А заказывать все поименованное, надо лишних 200 рублей бросить. Для чего же бросать их напрасно. Если ты со мной согласна, то, как говорит Елисавета Васильевна, напиши им, чтобы они, когда квартира будет совершенно отделана и меблирована,^a отпустили людям моим какую ты прикажешь мебель для спальни и твой рояль. Не бойся, все будет бережно сохранено к твоему приезду. Даже попрошу Дмитрия Петровича приискать хорошего настройщика. Напиши и мне, что ты приказала взять. Об одном прошу тебя и умоляю, пиши во всем так же откровенно свои мысли, как я тебе пишу свои. Уж если ты со мной не будешь вполне откровенна, то с кем же после этого тебе быть откровенной.

21 июня

3 июля.

Вчера на этом месте я прекратил мое писание, у меня до того ум за разум зашел, что я не находил уже что и говорить. Я пишу к тебе, моя душа, да ты действительно душа моей теперешней жизни — я дышу тобой, как воздухом, я пишу к тебе, как пьяницы пьют, запоем. Не знаю, были ли бы у меня минуты такого страшного томления и стремления к тебе, если бы ты была на Маросейке, но зато наверное не было бы мучительной хандры, вследствие которой не нахожу нигде себе места. Ах, дружок мой Мари! прими хотя ты участие в моем счастье, подумай, какая у меня будет милая, добрая и любящая жёнка. Что? не-

---

^a Далее зачеркнуто: присла-

бойсь тебе завидно? Но ты, по дружбе, не должна завидовать моему счастью. Как я ее буду любить-то и беречь! Прости меня, душа моя, я делаюсь невыносимо глуп, как только подумаю о тебе, а когда пишу, то тем более. Мной овладевает непонятное ребячество. Елисавета Васильевна даже сказала, что я действительно люблю тебя; но тебе не нужно ее свидетельства. Какое сладостное состояние *любить!* а им я обязан *тебе*, мой добрый Ангел! Не пишу тебе ничего о делах, если ты мне дашь волю, то я все устрою, не беспокоя тебя ничем. А теперь хочу тебе только говорить одно:

«О! как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней».⁶

Слава Богу, что сердце мое еще может так любить! Когда-то я наконец скажу тебе: здравствуй, Мари! здравствуй, моя добрая, дорогая! Бога ради, не скупись на письма. Ты говоришь, что я между добрыми друзьями, а я решительно один и схожу с *ума*. Целую тебя, моя ненаглядная! тысячу раз. Василию Петровичу⁷ пиши à Paris poste restante.⁶ В июле он будет там. Будь здорова, счастлива и знай, что одна смерть может оторвать меня от тебя, да еще твоя собственная воля. Напиши мне, что ты будешь *моей женой*.

Весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 24—25 об.

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 203—204. В полном виде публикуется впервые.

¹ О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5. Сен-Луи (Saint-Louis) — город во Франции, в департаменте Верхний Рейн; расположен на границе со Швейцарией, близ Базеля.

² Имеются в виду Е. В. Чичерина (см. примеч. 3 к письму 4) и Михаил Петрович *Боткин* (1839—1914), в ту пору студент императорской Академии художеств.

³ О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

⁴ Фет выехал на охоту в Вышний Волочек 24 июня 1857 г., в понедельник (см. его письмо к М. Н. Лонгинову от 23 июня 1857 г.: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 7 об.; *Фет/Лонгинов*. С. 226). Охота оказалась неудачной, и уже 26 июня поэт вернулся в Москву (см. письмо 13).

⁵ Имеется в виду вольтеровское кресло — мягкое глубокое кресло с высокой спинкой и удобными подлокотниками, названное по имени великого французского мыслителя. В Россию вольтеровское кресло пришло из Европы после реформ Петра I, однако широкую популярность приобрело лишь в эпоху Екатерины II.

⁶ Начальные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1852—1854).

⁷ О В. П. Боткине см. примеч. 7 к письму 4.

⁶ в Париж, до востребования (*франц.*).

26 июня 1857 г. Москва

Подписка

Я, нижеподписавшаяся, будучи совершенных лет и по смерти родителей моих вполне располагая собою, согласна вступить в законный брак с поручиком лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка Афанасием Афанасьевым сыном Фетом, в чем и подписуюсь

Мария Петрова дочь Боткина.

Париж.

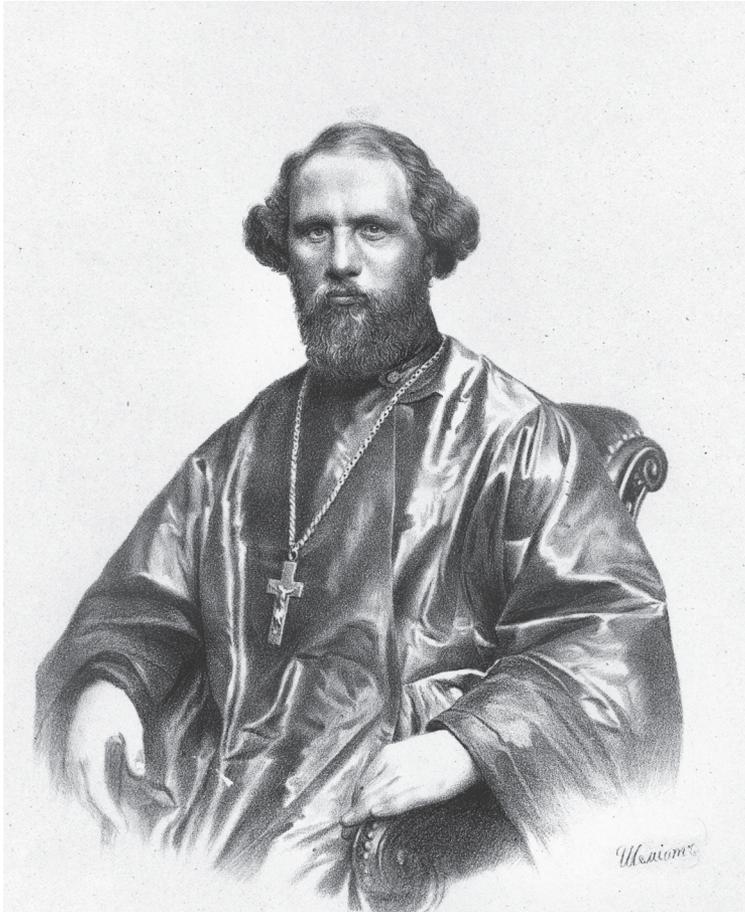
Июля дня.

Вот, мой добрый друг Мари, то, что ты должна тщательно переписать на большом листе почтовой бумаги и переслать мне в возможно скором времени. Я уже писал к священнику Васильеву¹ в Париж по нашему делу, через Де Лаво,² не называя тебя, а спрашивая только, каких документов он от меня потребует. На всякий случай вышли то, о чем я тебя прошу, выставь *место* и *число*. Я совершенно потерял голову. Ну как нас в Париже не согласятся венчать, и я поеду с тем же, с чем приехал.

Благодарю Бога и тебя на коленях. Мари! друг мой! Я получил твое письмо в ответ на мое первое в St. Louis. Во-первых, я дрогнул от счастья, когда своими глазами увидел, что Вы, моя милая невеста, написали мне: *ты*. Во-вторых, я все более и более тобой счастлив. Сколько у тебя прямого, безыскусственно хорошего и доброго. Ты уже учуяла сердцем, как много я тебя люблю. Ты надеешься не скучать со мной, ты живешь тихою, уединенной жизнью и не скучаешь. Одним словом, ты мое *сокровище*. Я только что вернулся с неудачной охоты,³ которую поэтому отлагаю еще на 2 недели, вернулся, можно сказать, без ног, потому что ходил страшно много и не слышу ног под собой. Это мне здорово, но я уже перехитрил и пересилил. Тем не менее, прочитав твое письмо, отправился заказывать мебель, на что до сих пор не решался, не зная, что ты на это скажешь. Теперь я покоен и целую твою руку с чувством благодарности.

Итак, решено. — Мы в конце сентября с тобой в Москве вот в этой самой комнате, из которой я пишу тебе. Если доживем и будем здоровы. У меня руки отваливаются писать тебе. — Повинуюсь — пишу в St. Louis, хотя трепещу, что письмо это не дойдет до тебя. Когда ты ожидала от меня писем в St. Louis — я их отправил уже два в Баден-Баден, и они там. Одного ты не поняла в письме моем. Если я просил твоей откровенности, это в том отношении, чтобы ты не скрывала из

Протоиерей И. В. Васильев.

Литография И. Корелина по фотографии Шемиота. Париж, 1859 г. (?)

деликатности и снисхождения ко мне того, что тебе во мне или моих поступках не нравится. Эту просьбу я еще раз повторяю. Нет ничего хуже между близкими людьми — этой ложной деликатности. Надо всегда объясниться, а не копить на душе ни малейших неприятностей, которые, разрастаясь, могут со временем отравить жизнь. Что же касается до того, будто бы я подозреваю в душе твоей какие-то тайны, то я настолько уже и знаю и понимаю тебя, и уважаю и верю тебе, что подобная мысль не могла придти в мою разгоряченную голову. — Напрасно ты извиняешься в причиняемых мне тобою хлопотах. Эти хло-

поты теперь моя истинная отрада. Своя ноша не тяжела. Дом, мебель, экипаж, все это меня занимает и радует — одного недостает, главного — тебя. Но и ты же *моя невеста*. Послезавтра Петров день, и я еду на именины к Петру Петровичу в Кунцево.⁴ Ты удивляешься, почему мне не нравится твой портрет. Очень просто. Потому что он при внешнем сходстве черт делает тебя совершенно иной, а я люблю тебя, какой ты действительно есть, а на портрете все резко и потому вовсе не ты. Ты будешь о нем другого мнения, когда я сделаю твой фотограф в Париже. Не беспокойся, мой Ангел, — дам тебе знать не только о дне, даже о часе моего прибытия в Париж. Главное, не думай ни о каких тяжелых днях прошлого.⁵ Это моя к тебе просьба. Первая серьезная просьба. Если мы не будем видеть друг в друге людей, то мы не можем видеть друг в друге друзей. А ты уже приняла меня в качестве самого близкого друга. Я душевно радуюсь, что ты дружна с Дмитрием,⁶ люби его постоянно и искренно, но не думай, чтобы я был менее способен ценить и понимать тебя. Если ты не получаешь своевременно моих писем, то сама виновата. В прошедшем ты писала, что дожدهшься на него ответа и уедешь в Баден, а теперь хочешь, чтобы я писал опять в St. Louis. — Повинуюсь — но не знаю, дойдет ли письмо. Что значит фраза: «Я боялась надоедать своими письмами»?! Маша! Какой я дурной человек! Меня ожидает блаженство, а моей бедной сестренке *худо, очень худо*. Везу ее за границу и оставляю там. Грустно. Мари, люби меня, а то я сердцем заплачу. Нет, ты не способна покинуть твоего

А. Фет<a>.

26 июня

7⁷ июля.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 26—27 об. На первой странице письма помета М. П. Боткиной: «Получено в Диеппе 22 июля».

Публикуется впервые.

¹ *Васильев* Иосиф Васильевич (1821—1881), протоиерей, духовный писатель, переводчик, журналист; в 1849—1867 гг. — настоятель православного храма при русском посольстве в Париже, затем председатель учебного комитета Святейшего Синода.

Парижская посольская церковь, где в августе 1857 г. венчался Фет, ютилась в обычном доме, мало приспособленном для богослужения. Благодаря усилиям о. Иосифа, который не только добился разрешения на покупку территории, но и собрал 200 тысяч рублей пожертвований, в 1859—1861 гг. в Париже был воздвигнут храм, получивший при освящении имя св. Александра Невского. См. подробнее: Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 231—232.

² *Делаво* Ипполит-Шарль (de Laveau, Delaveau; 1808—1862), французский критик, переводчик русских писателей на французский язык, автор статей о русской литературе, приятель Тургенева, Некрасова, Боткина и других русских лите-

раторов. Сын французского эмигранта Ж.-Э.-Ф. Лекуэнта де Лаво (Lecoointe de Laveau), И.-Ш. Делаво родился и вырос в Москве (см.: *Сундквист Л.* Вильгельм Вольфзон, Клер фон Глюмер и первые немецкие переводы романа «Отцы и дети» // *Тургенев. НИиМ(4)*. С. 123). С Фетом познакомился в 1856 г. в Париже. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 148—149.

³ См. примеч. 4 к письму 12.

⁴ Праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла по старому стилю приходился на 29 июня, по новому — на 12 июля. П. П. Боткин с семьей снимал дачу в Кунцево, см. примеч. 9 к письму 5.

⁵ См. примеч. 2 к письму 2.

⁶ О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

⁷ Фет ошибся: на самом деле 26 июня ст. ст. соответствовало 8 июля н. ст.

14

30 июня 1857 г. Москва

30 июня
12 июля.

Нет! добрый мой дружок Мари! я бы не должен был теперь писать к тебе из боязни нагнать на тебя ту тоску, которая порою совершенно овладевает мною.

«О как на склоне наших дней
Нежней мы любим и суеверней».¹

Не знаю, когда ты получишь это письмо, но тем не менее пишу к тебе, мой добрый друг. Как я тебе благодарен за последнее письмо от 22 из Вева. То, где ты мне в первый раз написала: *ты*. Да хранит тебя Бог, моя радость. Но я готов тебя бранить, зачем ты не со мной или хотя не в Кунцево. Я физически не могу раньше конца июля нашего выехать за границу, и выезжай ты теперь из Москвы, я бы со слезами упросил тебя не оставлять меня. Ты говоришь, что я в кругу друзей и мне весело. Теперь не время об этом распространяться и объяснять тебе. В настоящее время мне тот друг, кто мне говорит про тебя или по крайней мере выслушивает мои мечты о тебе же. А как число людей, которым я с наслаждением могу говорить о тебе, ничтожно — то мне везде невыносимо скучно. — Я тебе даю слово, что не буду надоедать тебе ничем; но тем не менее я глубоко верю, что нашел в тебе друга, который не будет чуждаться и душевных моих интересов. До сих пор я хлопотал только и говорил тебе о насущных потребностях, но бывают минуты и у меня их много, когда хочется найти симпатического слушателя и, благодаря Бога, у меня он будет. Этот слушатель — *ты*.

Я смотрю на настоящее состояние души моей как на болезнь, от которой меня излечит твое присутствие, как берег излечивает от морской болезни. Я силюсь быть рассудительным, говорить себе, что это все не могло быть иначе, и между тем рефрен все один и тот же: «Зачем ты не со мной!». Вот уже целую неделю не получал от тебя ни строки. Голубушка! Это последний м<еся>ц, побалуй меня только это время твоими письмами. Я бы писал к тебе ежедневно, если бы почта ходила часто и если бы я знал, куда писать к тебе. Хотя бы заставить тебя поревновать, авойсь ты бы была ко мне подобнее. Вчера был у Петра и Павла в Кунцеве.² Елизавета Васильев<н>a и Надежда Кондратьевна были очень милы и авантажны.³ С Елисаветой Васильевной мы дружески болтали про тебя, и она мне говорила, что писала к тебе и меня бранила. Я этому не верю. За что? Я ей ничего худого не сделал. Читал твое письмо к ней с замиранием сердца. Ждал, не скажешь ли что про меня? Мари! голубушка, напиши мне, что ты меня будешь любить. Это глупо, я знаю. Ты будешь смеяться надо мной, а все-таки напиши. Дмитрий Петрович сказал мне, что Василий Петрович узнал о нашем деле.⁴ Когда увидишь его в Париже, передай ему мой душевный привет и адрес новый на Малой Полянке, в дом г-жи Сердобинской.

Мне надо тебе дело говорить, а я все болтаю. Нет, друг мой. Право, испытание почти превышает мои силы. Знать, что ты, моя милая, добрая, любишь меня и ждешь, и сидеть одному в пустом доме — это с ума можно сойти. Теперь слушай. У меня в Варшаве будет дожидаться 4-местная дорожная карета, чрезвычайно покойная. В конце сентября я решительно не пушу тебя ехать по бурному морю, я уже об этом писал тебе. Мое желание — уехать в Москву при первой возможности. Остальное зависит от тебя. Про Марьюшку твою я уже писал тебе и писал, почему я думаю, лучше бы было заменить ее другою, — а мне уже предлагают отличную горничную. Но помни, что горничная для *тебя*, а не для меня, и если ты своею довольна вполне, то ничего не может быть лучше. Лишь бы она не ворчала. Я видел твои вещи: 1 трюмо, 2 шифоньер<к>и, 1 столик круглый, 4 мягких и 1 вольтеровское кресло, 1 зеркало, 1 диван и простые кресла. На этом основании я не велел себе в кабинет делать новой мебели и в спальню тоже. Но напиши, чтобы это мне передали, потому что надо все это исправить и привести в гармонию. Кроме того, напиши мне, желаешь ли ты на серебре вензель *MB* или *MF*? Я только потому не беру ничего у Сазикова.⁵ Не хлопочи ни о чем, даже твои наряды купим вместе в Париже. Ведь ты хочешь мне нравиться, так подожди моего совета. Я, верно, опять о чем-либо забыл тебе написать и вспомню, когда письмо уже будет на почте. Сестре нехорошо, и я ее окончательно везу за границу.

Душа моя Мари! Постарайся полюбить меня искренно — я на коленях перед тобой заслужу то, что получу вперед незаслуженно. Стихов более двух недель не писал. Дай мне слово не сидеть долго в Париже. Ну что в нем? Скука да и только. А тут у нас будут и Дмитрий Петрович, и Елисавета Васил<ьевна>, и Надежда Кондратьевна, и Иду⁶ за-тащим, и ты нас будешь чаем поить. И в комедию Островского поедем, и гулять пойдем, и кататься поедем, и читать будем, и работать, и к вашим поедем. Братья говорили, что видели тебя в Петербурге веселой и покойной. Как это меня радует. Нет, я не дождусь минуты, когда ты будешь моей милой женой. Еще 6 недель пройдет до нашего свидания. Во Франции мне необыкновенно понравились пружинные постели с матрасом сверху пружинной рамы. Я заказал такие, хотя это у нас очень дорого. Не знаю, угодил ли тебе? Теперь буду хлопотать о бумагах. Кажется, я довольно вытерпел в жизни, так что можно бы обойтись и без этого нового испытания. Еще одно — ради Бога, устрой все так, чтобы мы в самом скором времени могли возвратиться в Москву. Что это от Василия Петровича нет письма.⁷ Не сердись на меня, моя добрая, я не виноват, что тебя нет со мной. Целую тебя тысячу раз. Будь здорова и пиши, пиши, пиши. Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 28—29 об.

Публикуется впервые.

¹ Неточная цитата из стихотворения Тютчева. См. примеч. 6 к письму 12.

² О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5. См. также примеч. 4 к письму 13.

³ Имеются в виду Е. В. Чичерина (см. примеч. 3 к письму 4) и Н. К. Боткина (см. примеч. 2 к письму 7).

⁴ О том, что Фет сделал предложение Марии Петровне, В. П. Боткину сообщил путешествовавший тогда по Швейцарии брат Владимир, который, в свою очередь, узнал об этом из письма брата Михаила (см.: *Фет/Боткин*. С. 190, примеч. 1). 13 (25) июня 1857 г., после встречи с Владимиром, Василий Петрович писал брату Дмитрию: «Из писем к нему (Владимиру. — *И. К.*), которые я получил для него в Женеве и передал ему — узнали мы новость: Маша выходит замуж за Фета!! Неожиданная новость! Фет добрый и хороший человек, — но я не знаю, есть ли у него какое состояние. Дай Бог, если это правда, — и как, когда это сделалось — жажду невыносимо узнать. <...> Где же и когда будет свадьба? Я так рад за Машу, что боюсь этому верить» (*РГБ*. Ф. 258. К. 1. № 8. Л. 30 об.—31). Неделию спустя, 21 июня (3 июля), отвечая на письмо Дмитрия от 8 июня, Василий Петрович вновь затронул волнующую его тему: «Я с тобой вполне согласен относительно Фета: он добрый и хороший человек и, сколько мне кажется, весьма обстоятельный, несмотря на то, что пишет стихи <...> Эта новость была для меня самая неожиданная и, сказать правду, самая радостная. Я не знаю только материальных средств Фета, но если он говорил тебе сам, что у него есть столько же, сколько у Маши — то им есть, чем жить» (*ИРЛИ*. № 9029. Л. 77).

⁵ Сазиков Игнатий Павлович (1796—1868), художник, скульптор, ювелир. В 1837 г. получил высочайшее дозволение именоваться придворным фабрикантом серебряных изделий. Фирма «Сазиков» имела звание «поставщика двора его величества». В Москве магазины Сазикова находились на Ильинке и на Лубянской площади.

⁶ Имеется в виду И. А. Шефер (см. примеч. 4 к письму 4).

⁷ Первые два из своих писем Фет адресовал в Рим, куда В. П. Боткин должен был приехать в июне. Но планы Боткина изменились, от поездки в Рим он отказался, и ожидавшие его письма долго оставались не востребованными (*Фет/Боткин*. С. 193, примеч. 1). Только 28 июня (10 июля), будучи в Эксе, Боткин получил майские письма Фета, пересланные ему из Рима, и сразу же ответил на них (ответ не сохранился). В тот же день, в письме к брату Дмитрию, он высказался по поводу будущего замужества сестры: «По моему мнению, Фет прекраснейший человек, необыкновенно добрый, честный и благородный; а сверх всего этого еще и благо-разумный, рассудительный человек. Таким я его всегда считал, и если бы начатое дело совершилось, скажу откровенно, это был бы самый радостный день в моей жизни» (*ИРЛИ*. № 9029. Л. 82).

15

1 июля 1857 г. Москва

1/13 июля.

Опять вечер. Завтра утром отвезу на почту письмо, но в настоящую минуту не могу удержаться, чтобы не побеседовать с тобой, моя добрая невеста! Да, ты права, желая мне, чтобы я всегда любил тебя, как люблю теперь, я и сам этого желаю и надеюсь на тебя и на себя. Мы должны — это наша святая обязанность питать и поддерживать друг в друге это чувство. Будь весела и беззаботна. Отдохни ото всего, что могло тебя тревожить. Если я в чем-нибудь не сумею тебя успокоить — научи меня сама. Полуслова твоего будет достаточно — я пойму его на лету. Оставим все глупые сомнения скептикам. Люди свободные, подобно нам, подавая друг другу руки, не должны сомневаться друг в друге. Я знаю, что я отдохну душой и телом близ тебя, а до других, повторяю тебе, мне дела нет. Боже! Когда-то ты ответишь, озаришь вот этот уголок твоим присутствием, твоей любовью. Как он мне будет мил и дорог! Каждая вещь, каждая безделица здесь будет иметь отношение к тебе, все это, начиная с меня, будет твоей собственностью. И ты хочешь запретить мне мечтать о этом будущем, об этом уголке? ^a Нет, ^a Мари, если ты хотя немного любишь меня, не разрушай, мой дружок, моего блаженства. Поедем как только можно скорей домой. — На про-

^a В этом месте текст испорчен.

шедшей неделе ты обещала писать мне, и вот прошла неделя, а письма все нет. Я от тебя не требую длинных посланий. Но пиши мне хотя в неделю раз. «Я там-то. Пиши туда-то. Я здорова, иногда думаю о тебе и немножко люблю тебя». И я тебе бесконечно буду признателен. Долго после этого пункта сидел я, глядя на свечку, и мне казалось, что я смотрю тебе в лицо. Что я ей скажу? теперь думал я. Про Кунцево — но она сама может все это живо себе представить, говорить о делах — надоел и себе и ей. Скажу ей лучше в тысячный раз то, что мне так от-радно повторять самому: «Слышишь ли ты мой голос, Мари! Я люблю тебя». Дождись моего приезда, о котором дам тебе знать заблаговременно, потому только, что ты так хочешь. Я хотел незаметно к тебе подкрасться и войти в комнату неожиданно. Только уговор лучше денег. В комнате ты должна меня хорошенько поцеловать, а то я теперь уже обижусь. Через три недели с сегодняшнего дня буду уже серьезно думать о выезде из Москвы, а через м<еся>ц, вероятно, и выеду. Если только отпуск мой к тому времени выйдет. От *Делаво* жду тоже ответа.¹ Не знаю, кто мне сказал, что священник Васильев — мой приятель — оставил Париж и на место его поступил другой.² Напиши мне, будет ли Василий Петрович³ у нас на свадьбе? Да, пожалуйста, пиши сейчас ответ на это письмо. Целую твои ножки.

Весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 3—3 об.

Впервые опубликовано (частично): *Новый мир*. С. 204. В полном виде публикуется впервые.

¹ Об И.-Ш. Делаво см. примеч. 2 к письму 13. Ответ Делаво, датированный 15 июля 1857 г. (что соответствует 3 июля ст. ст.), Фет получил 15 (27) июля (см. письмо 22).

² См. примеч. 1 к письму 13. Обстоятельства знакомства Фета и Васильева не установлены. Вероятно, их сближение произошло в августе — октябре 1856 г., когда поэт находился в Париже, познакомиться их мог хорошо знавший Васильева Делаво. Летом 1857 г. о. Иосиф получил отпуск и выехал в Россию, оставив вместо себя недавно поступившего на службу второго священника Михаила Орлова. К августу он вернулся во Францию и был в Париже во время женитьбы Фета, оказав поэту необходимую помощь (*МВ*. Ч. 1. С. 202). Вместе с тем, судя по записи в метрической книге посольской церкви, сам обряд венчания совершил Михаил Орлов (см. примеч. 76 к вступит. статье).

³ На свадьбе В. П. Боткин выступил в качестве поручителя по невесте (см. подробнее во вступит. статье, а также примеч. 7 к письму 4).

Маша! милая, добрая Маша! Ты, я думаю, сама испытала, что бывают в жизни счастливые дни. Такой день у меня сегодня. Поутру был у сестры, и Саблер¹ объявил, что несмотря на худое состояние ее в настоящее время, она зимой должна выздороветь, что не мешает моему решению взять ее за границу в конце этого м<еся>ца. Вслед за тем получил 2000 рублей, которые ожидал из деревни. После обеда принесли казенный конверт, разрываю — вообрази мою радость — неожиданное разрешение формальное на брак с *тобою*. Без всяких хлопот это мне устроил мой приятель и родственник в полку.² Но всего этого казалось мало сегодняшнему дню. Сейчас принесли письмо твое, и несмотря на то, что я только сегодня отправил к тебе письмо в Париж, пишу это того же числа в Диепп. Голубка Маша! Как, чем благодарить тебя? Где слова на мое задушевное спасибо. Как ты разумно мила и мило добра ко мне. Как задушевно чист и искрен<е>н тон, которым ты, моя душа, начинаешь наши отношения. Если бы мне выдумывать себе жену, то я бы при всем усилии воображения выдумал что-либо менее соответствующее моему задушевному идеалу. Как милы все твои хлопоты и опасения. Голубка! я улыбаясь пишу эти строки. Зачем ты только не спишь-то по ночам, думая о таких пустяках, как квартира и проч. Ты угадываешь мои желания, моя крошка! У меня нет другой мечты в настоящее время, как чтобы ты приехала к себе в дом, взошла по ковру на лестницу, прошла через залу в свой кабинет, полюбовалась на себя в трюмо, потом прошла бы в мой кабинет и в спальню и приказала подавать кушать. А вечером приказала бы заложить карету и свезла бы меня к своим. И все это, если будем живы и здоровы, будет, как я тебе говорю. Я нанял квартиру, как уже писал тебе, за Москвой-рекой. Квартира очень хороша, даже роскошна и недалеко от городу. Я не желаю иметь для двух лучшей квартиры, и ты прежде взгляни и сама меня похвалишь. Все остальное заказано мною отличное, сколько только наши средства позволяют. Серебро: т. е. ножи, вилки и ложки от Сазикова³ с твоим вензелем *MF*. Еще будет серебряная безделка — это мой тебе подарок и не скажу теперь. Это все глупости, разумеется, потому что все и без того твое, но отчего же не побаловать *себя*, а это я себя хочу побаловать. Одним словом, когда ты взойдешь к себе в дом, то я буду ждать твоего приговора. Скажи прямо, как ты уже начала мне говорить: «Какой у тебя дурной вкус». Но я уверен, что ты ска-

жешь: «Как мило!». Все мне говорят, что дом *теплый* и, судя по массивности каменных стен, он не может быть холоден. Наша квартира в бельэтаже, окна большие, светлые. Все под руками, чего же еще надо. Я молю бога об одном, чтобы мы с тобой сумели вести расчеты только на ту ногу, на которую я ставлю дом, а что все будет в строгом смысле прилично — за это ручаюсь. Всего за столом будет на 25 человек. Серебра, фарфору, фаянсу, хрусталу, белья и проч. Все комнаты драпированы. Твой кабинет будет игрушка. Вся мебель из неполированного ореха. Помилуй, друг мой, — да много ли людей счастливых живут так. Я уверен, что ты, моя добрая, будешь *жить для меня*, но этим я у тебя не отнимаю полной разумной свободы. Я вижу, что ты так умна и добра, что мне остается только целовать тебя да гладить по головке. Дмитрий Петрович⁴ сказал мне, как мало ты взяла денег за границу, и прекрасно сделала. Я трачу на себя самую ничтожность, а деньги плывут тысячами. Но Бог даст, при твоей помощи, мой добрый Ангел, все пополнится и придет в порядок. Вспомни, нам *век* надо жить. Как мне было досадно, что я навел тебя моими словами на мысль, будто ты *скрываешь от меня* что-то. Ангел мой, я вызывал тебя только на ту дружескую откровенность, которой дышат твои два последних письма. Разве ты не понимаешь русского языка. *Я тебе верю во всем слепо* и знаю, что ты мне *веришь*, и этого достаточно. При посторонних и я буду тебе говорить, когда ты даже будешь моей женой: «Марья Петровна, не пора ль нам ехать! Марья Петровна, дайте нам чаю!». К чему вносить свой задушевный мир повсюду. Но и женихом и мужем один на один или при близких людях не жди от меня слова *Вы*. Я скажу просто, увидавшись с тобою: «Ну что, Маша! как-то ты, голубушка, здесь прожила. Добрая Мари, дай мне поцеловать свою ручку!». Ты извинялась передо мной, что пишешь ко мне всякий вздор, как же я должен извиняться перед тобой. Знаешь ли, моя добрая, мне как-то странно и неестественно кажется писать к тебе *Вы*. Попробую для шутки. *Вы* просите меня, Марья Петровна! чтобы я побольше написал Вам писем в Диепп. Кажется, я и до сих пор не ленился писать, но не моя вина, что мои письма разлетелись по Германии, Швейцарии и Франции. Нет! довольно. — Последнее время ты сама меня не забываешь своими письмами и последнее длинно-длинно. Я прочел два листика и думаю, какая она добрая душка, глядь в конверт, а там еще синеет бумажка. Дернул — записка и благословил тебя мысленно. Успокойся! — Я не боюсь твоей вспыльчивости — я убежден в твоей доброте и уверен в твоей ко мне любви. Если нам не жить так, как ты внутренне решила, моя милая, — то лучше не знать друг друга. А ты мне необходима — ты должна сделать меня счастливым. Это задача твоей жизни. Я, Мари! тебе ничего не обещаю, кроме того, что буду стараться всю жизнь, чтобы ты была

счастлива и покойна. Я жил с самыми разнородными людьми и ни с кем не ссорился, потому что ничего не было скрытно. У меня от такого доброго и благоразумного создания, как ты, секретов быть не может, и ты все мои дела, предприятия, расчеты будешь знать так же коротко, как я сам. Это облегчит мне труд объяснений всякого рода. Ты сама будешь видеть, что можно, а чего нельзя. Знаешь ли ты, что осуществляешь мечту всей моей жизни. Я всегда мечтал жениться и поселиться в Москве; но я никогда не льстил себе надеждой встретить такое любящее, благородное и умное существо. Вот и толкуй про хозяйство да про то, что девушек надо приучать к нему. Да я копейки медной не дам за хозяйственные способности неразумной женщины. Она гроши будет беречь, а человека близкого томить и разорять глупостью. — Теперь будь покойна — свадьба наша будет в Париже, а там и марш домой. Чего нам мерзнуть да проживаться без всякой радости. Ты спрашиваешь, с кем я еду на охоту. Я уже ездил на охоту, только крайне неудачно, а завтра еду снова, что не мешает тебе писать ко мне в д<ом> *Сердобинской*. Еду я к майору Громеке, начальнику жандармов железной дороги. Он отличный человек и давнишний мой приятель, которого тебе рекомендую как примерного семьянина и умницу.⁵ Что касается до береженья, то я еду на охоту с целью доставить себе моцион. Это мне отлично здорово. Сейчас же решился на сюрприз тебе. Займу весь бельэтаж, так что у нас будут еще три комнаты и никаких дурацких соседей за стеной. И тогда квартира такая, какой нельзя лучше и желать. Напиши же насчет твоей мебели, возьми все свое, а то придется понапрасну покупать, тогда как можно и без этого обойтись. Ведь деньги мои все равно что твои, истрачу ли я свои или твои, результат один. Не забудь написать, что ты меня полюбила и теперь любишь. Я блаженствую, когда читаю эти слова. А я так тебя просто не люблю. Что? поверила? Дай Бог, чтобы мы вечно так любили друг друга. Сейчас стану перечитывать твое письмо. — Мы возвратимся в своей карете через Варшаву, как я уже тебе писал. Я бы желал 15 сентября быть уже дома. Благодарю сестру свою за любезный привет и упрости ее возвратиться с нами.⁶ Ты говоришь, что не любишь диких брачных обрядов — да кто же их любит? Пойми — что ты будешь *моей женой*, а не праздной толпы. Ожидаю только своего заграничного паспорта и тотчас посылаю за почтовыми. В Женеву я и не думал тебе писать, а написал 2 или три письма в Базель и в Веве. В Баден-Бадене тоже письма три, в Берлине тоже, на имя брата.⁷ В Париже одно и вот это первое в Диепп. Из Парижа привезем тебе в кабинет часы бронзовые. По содержанию и форме письма можешь судить, до какой степени у меня все перемешано в голове, но, голубушка, подумай, что я запасаясь и сеном на зиму, и бронзой, и половиками — все одновременно. Тут поневоле будешь путать.

Я уже писал тебе, чтоб ты не пугалась моих хлопот. Я с наслаждением хлопочу для нашего общего дела. Увидишь, как буду в Париже хлопотать о твоих нарядах. Ты моя куколка, и мне отрадно играть этой милой куколкой. Я тебе уже писал, почему мое прощание показалось тебе холодным на железной дороге. Какое же я имел право выказывать при толпе посторонних мои чувства. Ведь ты же не была объявлена моей невестой. Не помню, писал ли я тебе, как меня обрадовал Григорьев,⁸ высказав впечатление, произведенное тобою на него. Я этим горжусь. Elle est plus que jolie, сказал он, elle est charmante et tendre.⁹ Я чуть не бросился к нему на шею. У этого человека тонкое чутье. Ты желала мне отрадных свидений, а я никаких не вижу или не помню. Дай Бог мне побольше таких радостных дней, как сегодня, а о снах я не хлопочу. Мой лучший сон — ты. Напиши свой адрес в Диеппе и долго ли вы там пробудете, т. е. до которого числа, а то где я вас буду искать? Да благословит тебя небо, мой нежный друг, за то отрадное, успокоительное чувство, которое ты пролила в мое сердце последними двумя письмами. Как только стала писать мне: *ты*, так душка твоя и распахнулась мне навстречу. Крепко целую твои губки. Будь здорова и не сердись на меня. Я *тебя много, много люблю* и жду твоих писем. Твой друг и

будущий муж А. Фет.

На конверте:

Dieppe (France).
Mademoiselle
Mlle Marie Botkine.
Poste restante.⁶

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland; 2) Moscou, 2 juin;⁸ 3) Prusse, Valenciennes, 24 juil<let> <18>57; 4) Paris, 24 juil<let> <18>57; 5) Paris au Havre, 24 juil<let> <18>57; 6) Dieppe, 24 juil<let>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 4—7 об.; конверт — л. I. Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «1 лист», «2 лист». На лицевой части конверта пометы М. П. Боткиной: «Получено 23 июля (так! — И. К.)», а также неизвестной рукой: «38 Rue du Haut Pas».

Впервые опубликовано: частично — *Новый мир*. С. 204; полностью — *Наше наследие*. С. 49—50.

⁸ Она более чем красива <...> она очаровательна и нежна (франц.).

⁶ *Дьепп* (Франция). / Мадемуазель / М-ль *Мари Боткиной*. / До востребования (франц.).

⁸ *Вероятно*, «juin» (июнь — франц.) вместо «juil<let>» (июль) проставлено по ошибке почтового чиновника.

¹ О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

² Речь идет о Василии Павловиче *Матвееве*, дальнем родственнике Фета. Матвеев был командиром шестого эскадрона лейб-гвардии Уланского полка и непосредственным начальником поэта в годы его службы в гвардии. Об этом периоде своей жизни и об отношениях с Матвеевым Фет рассказал в воспоминаниях (*МВ*. Ч. 1. Главы I—III).

³ Об И. П. Сазикове см. примеч. 5 к письму 14.

⁴ О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

⁵ *Громека* Степан Степанович (1823—1877), командир жандармского эскадрона Николаевской железной дороги и начальник полицейского управления той же дороги (1857—1859); впоследствии — председатель Радомской комиссии по крестьянским делам (1864—1867), седлецкий губернатор, чиновник для особых поручений при варшавском генерал-губернаторе. Умер в чине тайного советника. Известен как публицист, с конца 1850-х гг. был активным корреспондентом «Колокола», сотрудничал с «Русским вестником», «Современником», «Отечественными записками» и другими изданиями. В 1864 г. отошел от публицистики ради практической деятельности. С Фетом познакомился в 1845 г. в Херсонской губернии (см. об этом: *РГ*. С. 323, 330—331). Опубликованы два письма Громеки к Фету 1858 г. (*МВ*. Ч. 1. С. 222, 226); автограф первого из них хранится в РГАЛИ (Ф. 515. Оп. 1. № 22). Был женат на дочери генерал-лейтенанта Екатерине Федоровне Щербатской. Дети: Иван (р. 1849), Ипполит (1851—1889; физик, профессор Казанского университета), Михаил (1852—1883; литературный критик, автор неоднократно изданного труда «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого: Анна Каренина») и Мария (р. 1855; в замуж. Крыжановская). Фет поддерживал приятельские отношения с братьями Е. Ф. Громеки — Ипполитом Федоровичем (1827—1889) и Николаем Федоровичем (1826—1900) Щербатскими, вместе с которыми в 1853—1856 гг. служил в уланском полку.

Рассказывая о событиях весны — лета 1857 г. в своих воспоминаниях, Фет ставит имена Громеки и Ап. Григорьева в один ряд: «По временам и грустная наша квартира с Борисовым благодушно оживала. Такому оживлению много способствовал умный, талантливый и пылкий энтузиаст, давнишний мой приятель Ст. Ст. Громека <...>. Он сам когда-то во время оно писал стихи и был до болезненности чуток на все эстетическое. Сюда же весьма часто из-за Москвы-реки хаживал Ап. Григорьев. И когда, бывало, эти два энтузиаста — Громека и Григорьев — сойдутся за вечерним чаем, наше скромное обиталище превращается в Геликон» (*МВ*. Ч. 1. С. 193).

⁶ Речь идет о Е. П. Щукиной (см. примеч. 1 к письму 4). При возвращении в Россию Феты и Щукина доехали вместе до Любека, где новобрачные были вынуждены задержаться в ожидании своего багажа, тогда как их спутница сразу отправилась на пароходе в Петербург (см. письмо Фета от 3 (15) сентября 1857 г. к В. П. Боткину: *Фет/Боткин*. С. 199—200).

⁷ Речь идет о С. П. Боткине (см. примеч. 1 к письму 6).

⁸ Об Ап. А. Григорьеве см. примеч. 10 к письму 4.

17

8 июля 1857 г. Москва

Станция Подсолнечная.¹

$\frac{8}{20}$ июля.

Дней через 10 по получении тобой этих строк, моя добрая Мари! я уже буду собираться в путь, а там каждый день и каждый оборот колеса будет меня приближать к тебе. Право, при этой мысли мне порою становится страшно. После милых, добрых твоих писем я уже не смею говорить тебе о сомнениях в твоих чувствах, а все-таки сердце сжимает какая-то неизвестность. А ну как все мои надежды разлетятся от дувновения какой-либо враждебной силы. Кто в жизни испытал непрерывный ряд неудач, тот весьма легко поддается чувству сомнения. Ты пишешь, что тебе хочется жить. Этого и мне с нынешней Святой² хочется. На днях я на охоте натрудил ногу, и на другой день оказалась в ней тупая боль, на которую прежде я бы не обратил никакого внимания. — Но теперь мне уже казалось, что у меня отнимется нога, и я выводил уже из этого самые мрачные последствия. Во-первых, думал я, она теперь не пойдет за меня замуж, на что ей хромым муж, а во-вторых, мой долг самому, как честному человеку, отказаться от ее руки. Зачем же ее связывать с калекой. Но благодаря бога на следующий день боль, произошедшая от слишком туго перетянутого ремня, прошла совершенно. — Нет дня, можно сказать нет часа, в который бы я не беседовал с тобою мысленно. Благодаря добрым знакомым, семейству Громеки,³ о котором я уже писал тебе — я почти незаметно для себя спихнул с шеи своей целую неделю и таким образом очутился ближе к тебе. Завтра, 9-го, еду в Москву хлопотать о серебре и мебели, а 10-го или 11-го поеду денька на два в Кунцево к Дмитрию Петровичу.⁴ Единственная вещь, которой я теперь жажду — это мой заграничный отпуск. Положа его в карман, уже не могу предвидеть новых затруднений к отправлению. В Москве, вероятно, найду письма, может быть и от Василия Петровича,⁵ а от тебя почти наверное. Погода все это время стоит сырая, отвратительная, и охота моя по самой этой причине крайне неудачна. Но дело не в дичи. Я буду отвечать, как охотник, которого спросили, что он убил: «время». Душка, голубка! Когда я доживу до того, что мы будем вместе в нашем уютном гнездышке. Не знаю, написала ли ты к своим касательно мебели. Напиши во всяком случае. Мне бы очень было неприятно, если бы перевозка твоих вещей происходила при тебе. Я думаю устроить так, чтобы ты нашла уже каждую свою вещь на месте. Напиши мне тоже свое решение касательно гор-

ничной. Оставляешь ты свою или нет? Убедись, что для меня это все равно, кто будет твоей горничной, но я бы желал иметь подле тебя женщину опрятную и всегда готовую беспрекословно и с радостью исполнить твою волю. Не можешь же ты на меня сердиться за это чувство, а что тебе удобней и приятней в этом отношении — это ты должна знать сама лучше меня. Времени до моего отъезда, благодаря Бога, остается немного, и в этот короткий срок я еще непременно желаю купить лошадей, потому что поручать покупать такой изменчивый товар, как лошади, без себя — неприятно и тому, кому поручено, и тому, кто поручил. Чувствую, что надоедаю тебе мелкими подробностями; но милый, бесценный друг, эти мелочи твоя собственность и гораздо более рассчитаны на твое, чем на мое успокоение. Я забыл тебе сказать, что на охоту я выехал случайно в одном вагоне с братьями Иваном⁶ и Павлом Петровичем.⁷ В Твери мы обедали вместе, и я спросил шампанского выпить за их здоровье и пожелать им доброго пути.⁸ А за чье здоровье пили вторые стаканы, догадайся сама, моя хорошая, дорогая, если догадаешься. Павел Петрович чрезвычайно мил в отношении меня и говорит, что он очень рад, что ты за меня выходишь замуж. Как бы он этому ни был рад, а все-таки не в такой мере, как я. Я тебя за эту умную мысль твою — еще порядочно расцелую.

До 20 июля, т. е. до 1-го августа нового стиля, можешь адресовать свои письма в Москву, а к тому времени я тебе вышлю свой адрес, да уже не так, как ты это делала. Уж обо мне не беспокойся, ни одно письмо твое не минет моих рук. Кланяйся сестре своей от меня.⁹ Как я повезу свою больную, еще окончательно определить не умею, но во всяком случае буду умолять тебя на коленях, во-первых, как можно скорей обвенчаться, а во-вторых, как можно скорей возвратиться домой в Москву. Делай что хочешь — но я буду валяться у тебя в ногах. Мне ваш Париж так же нужен, как прошлогодний снег. Будь весела и здорова, моя ненаглядная, мой добрый и милый дружок. Дай твою ручку, да не так, а ладонью вверх, дай поцеловать крепко, крепко. Что? видишь красное пятнышко. То-то! Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 8–9 об.
Публикуется впервые.

¹ Подсолнечная — железнодорожная станция на участке Москва — Тверь Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги.

² Святая — первая неделя после Пасхи. Пасхальное воскресенье, которое пришлось в 1857 г. на 7 апреля, Фет праздновал вместе с Боткиными (МВ. Ч. 1. С. 189). На следующий день, 8 апреля, он записал в альбом Марии Петровны посвященное ей стихотворение («Победа! Безоружна злоба...»).

³ См. примеч. 5 к письму 16.

И. П. Боткин.

Портрет работы неизвестного художника (карандаш). 1846 г.
Альбом М. П. Боткиной

⁴ О Кунцево, где снимал дачу Д. П. Боткин, см. примеч. 9 к письму 5.

⁵ В. П. Боткин писал Фету из Экса 28 июня (10 июля) 1857 г. Это письмо не сохранилось (см. примеч. 7 к письму 14).

⁶ См. примеч. 5 к письму 7.

⁷ Имеется в виду Павел Петрович *Боткин* (1827—1885), старший из сыновей П. К. Боткина от второго брака (с А. И. Посниковой). В 1857 г. служил в Петербурге, впоследствии вышел в отставку и проживал попеременно в обеих столицах. В памяти родных и знакомых остался как страстный любитель оперы и балета, ценитель красоты вообще и женской в частности, много тративший на подарки актрисам. Идеализированные особенности характера и образа жизни П. П. Боткина

отразились в посвященном ему стихотворении Фета «Христос Воскресе! клик венценый...» (1879), см.: *Фет. ССДП*. Т. 5. Кн. 2. С. 88, примеч. на с. 417–419. Сохранились письма П. П. Боткина к Фету и его жене (*ИРЛИ, РГБ*), а также, в небольшом количестве, — письма Фета к П. П. Боткину (*ИРЛИ*), из которых видно, что отношения между ними были по-родственному теплыми.

⁸ Вероятно, братья направлялись в Петербург, откуда И. П. Боткин выехал за границу.

⁹ Речь идет о Е. П. Щукиной (см. примеч. 1 к письму 4).

18

9 июля 1857 г. Москва

Москва. $\frac{9}{31^1}$ июля.

Вчера с вечерним поездом отправил я тебе, моя ненаглядная Маша, письмо из Подсолнечной станции,² а сегодня по приезде в Москву застал твоих два и сейчас же отвечаю на них, радуясь случаю поболтать с тобой. Ты мне так мила и так задушевно дорога, что я готов с тобою ссориться и бранить тебя. Что тебе за охота вспоминать про мое недоверие или как его там назвать. В предыдущих письмах я уже объяснял тебе, откуда, из какого источника все это. Я предполагал тебя избалованной прихотями и проч.; но все это оказалось химерой, к моему счастью. Каждая новая черта в твоём характере — новый залог моего спокойствия и счастья. Я вижу, что ты сама все понимаешь. Чего же мне еще молить у судьбы? Мало того, ты меня даже *немножко любишь* и готова баловать — чего же нам еще объясняться. Нам надо поцеловаться, а не объясняться. Дело очень просто и понятно. Мы любим друг друга, мы оба настолько знаем жизнь, чтобы понять, что человек неглупый, добрый и преданный не такая вещь, которую ежедневно можно найти на улице. А мы с тобой нашли это и будем благодарить Бога. Итак, баста. Не о чем нам разглагольствовать. Что ж бы ты была мне за друг или какой бы я был тебе друг, если бы мы не верили друг другу, а все-таки не отказываюсь от своих слов, если ты меня хотя на миг приревнуешь, буду считать себя счастливым; но тебя прошу меня не терзать ревностью — т. е. не давать мне причины ревновать. Это и мучительное, и гнусное чувство. Одним словом, я мелю вздор, но тебя заочно целую. Если бы ты знала только, Маруся! какая ты у меня умница. Ты права! деньги бросать по-пустому не следует; но я их и не брошу по-пустому. На одно необходимое идет пропасть. Спальню устрою, как ты пишешь. Я купил две кровати прелестных и заказал пружинные тюфяки, сверх

которых будут волосяные матрасы. Подобные постели наслаждение. Но ты желаешь спать на отцовской. Прекрасно! тогда я одну поставлю в комнату для приезжих, а ты будешь спать на отцовской — все как было на Маросейке. Только напиши мне, делать ли и в твою отцовскую кровать пружинный тюфяк или оставить тот каменный, на котором, как я слышал, ты спишь? Я уже говорил, т. е. писал тебе, что у нас комнат будет много, поэтому я заберу всю твою мебель, какую только можно взять для домашних комнат. И возьму два комода. Мягкие низкие кресла переделаю для своего кабинета. Большие пойдут оба в домашние комнаты, равно как и простые кресла. Дай мне хотя один шифоньер в кабинет для книг. Все это сохранит по крайней мере 200 рублей сер<ебром>. Что же касается до твоего кабинета, он же и гостиная, то для него все уже заказано отличное и я ничего не перемену в нем. Я хочу, чтобы тебя окружал вид довольства, а не нужды. Ты моя милая хозяйка, и все у тебя должно быть хорошее и настоящее, как наша любовь. Завтра еду на почту получать деньги из деревни и оттуда к Сазикову³ заказать 2 дюжины ложек, ножей и вилок. Если бы ты видела, какое это чудное серебро — только немного дорого. К этому возьму серебряный чайник, молочник и что еще понадобится. У Попова⁴ я взял полный обеденный и чайный сервиз и весь хрусталь. Насчет столового белья приценюсь в голландском магазине⁵ и привезу цену к тебе, а ты делай, что хочешь. Если найдешь выгоднее купить за границей — покупай. Как я рад, что уже поздно исполнить твое желание касательно кареты. Она уже в работе и нельзя ее переделать на откидную, которые я ненавижу. У тебя будет легкая, уютная, вполне изящная и элегантная карета. За это ручаюсь тебе головой. Ты меня за нее сама поцелуешь. Я хочу, чтобы Василий Петрович⁶ похвалил наше хозяйство. Квартирой я доволен. Теперь скоро надо закупать сено. Береги свою шубу. Да ты у меня сама золото. Господи, да когда же я дождусь, что ты будешь подле меня. — Со дня на день жду отпуска за границу. А то все бумаги готовы и мои и твои, так что в венчании остановки нигде быть не может. За границей, кроме твоего да моего туалета, да бронзовых часов в гостиную, покупать нечего. Дай Бог свести концы с концами. Очень-то уж кутить не следует. Дай нам прежде оглядеться да привести в ясность наши счета, а там, будем живы и здоровы — все уладим. Главное, люби меня, Маруся. Сегодня заезжал к сестре. Ей очень нехорошо, и я ее везу *непреренно* за границу. От Василия Петровича вестей нет.⁷ Я пишу так дурно, что тебе трудно читать. Что ж делать — привыкай понемногу. Если бы я написал даже *en toutes lettres*,^a что *не люблю тебя*, ведь ты бы не поверила, так лучше сказать правду. Ты меня это вре-

---

^a прямо, напрямик (*франц.*).

мя истомила, измучила. Что я тебе сделал. Не благодари — не за что. Ты моя радость. Целую тебя, душа моя,

весь твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 22—23 об. В дате письма описка: 9 июля ст. ст. приходилось на 21, а не 31 июля н. ст.

Публикуется впервые.

¹ Описка Фета. Письмо могло быть написано только 9 (21) июля. См. предыдущее.

² Имеется в виду письмо 17.

³ Об И. П. Сазикове см. примеч. 5 к письму 14.

⁴ Речь идет об Алексее Гавриловиче *Попове* (1760—1860). Его фарфоровый завод находился в Дмитровском уезде Московской губернии. Здесь делали посуду с жанровыми сценами и декоративные статуэтки. За участие в выставке промышленных изделий 1831 г. фарфор завода Попова был удостоен малой золотой медали. За участие в выставках 1833, 1839 и 1841 гг. Попов и его сын Дмитрий были награждены орденами. Во второй половине XIX в. изделия завода пользовались большой популярностью. Завод просуществовал до 1870-х гг.

⁵ Голландское полотно считалось лучшим по качеству. Большинство магазинов иностранной торговли в Москве находились на Кузнецком мосту.

⁶ О В. П. Боткине см. примеч. 7 к письму 4.

⁷ См. примеч. 7 к письму 14.

19

10 июля 1857 г. Москва

10-е мая.¹
Москва.

Через два часа еду на почту, и потому есть еще время написать к тебе, мой друг! Какая ты проказница! Сама вскружила человеку голову и потом сама же придирается, зачем он рассеян и забывает составлять числа на письмах? Меня несколько мучает твоя карета. — Хотелось бы, вопреки собственному убеждению, угодить тебе. Но позволь мне, грешному, сделать тебе вопрос. Согласна ли ты, что чем предмет проще и прочнее, тем он изящнее. Твои откидные кареты еще кое-где теперь употребляются, а может быть не дальше как через год будут на них мальчишки пальцами указывать, и тогда деньги брошены и тебе ездить нельзя. Ведь ты желаешь только ездить по улицам, а не комедию представлять. Что же касается до лета, то, во-первых, у тебя всегда будут крытые дрожки, если не захочешь ехать в карете, а зимой

резвые санки, да летом я тебя буду просить ехать в деревню. Радует меня еще одно, что ты и сама не подозреваешь, моя Маруся! какая ты у меня милая. Сегодня еду к мебельщику отказать пружинный тюфяк на твою кроватку, а ты напиши Дмитрию Петровичу,² желаешь ли иметь такой на твоей отцовской, если ты пожелаешь, то он по просьбе моей сейчас его закажет к нашему приезду. Ты, глупенькая, все говоришь — *моя спальня* и тем вызываешь меня на ропот. Твоя спальня уже тем будет отличаться от Маросейской, что в ней с твоего разрешения будет уже не одна кровать, а две. Пожалуйста, не выгоняй меня. Ты не можешь себе представить, до какой степени я стал мнителен касательно своего здоровья. Так мне хочется явиться к тебе здоровым и бодрым. Ты спрашиваешь меня, долго ли я буду любить тебя, как теперь люблю, а я тот же вопрос делаю тебе. Неужели ты думаешь, что мне не приходила в голову твоя будущность. Поэтому-то я тебя и тащу в Москву. Мне нужно нынешний год все устроить на прочных основаниях. Вот почему надо торопиться. Но ты, душка, радуешься Парижу, и я за тебя радуюсь — будем вместе его осматривать. Я уже мысленно подаю тебе руку и хожу с тобой везде. А все-таки дом твой будет скучать по милой хозяйке. Самовар кипит, стол накрыт, а хозяйки нет. Это грустно! Как бы мне сказать тебе *люблю тебя, моя Маша!* так, чтобы ты уже никогда в этом не сомневалась, как бы мне поцеловать тебя так, чтобы выпить в этом поцелуе все раздумье твое. Да ты, кокетка, только притворяешься, ты очень хорошо знаешь, плутовка, что твой жених в тебя *влюблен*. Не знаю, какое наказание придумать тебе за все мои муки во время твоего отсутствия? Слава Богу, что у меня много хлопот, а то я просто захворал бы от тоски. Моя легавая собака,³ которая оказала удивительные способности, чрезвычайно вежлива и послушна, но, когда она начинает шалить, я ей говорю: стыдно! барыня тебя не будет любить! и она сейчас же перестает и ложится на пол. Не знаю, написала ли ты на Маросейку насчет мебели, а то без твоего разрешения мне неловко ею распоряжаться.

По-настоящему мне бы не должно было к тебе писать. Каждый раз, по мере того как пишу тебе, нетерпение мое возрастает. Ты пишешь: не тоскуй! Это, мой дружок, легко сказать, но исполнить весьма трудно. Ты говоришь, чтобы я подождал до сентября, да если бы мне давали я не знаю что, и тогда бы я не остался добровольно. Что ж у меня разве две жизни? Могу ли я тащить и тянуть томительное время разлуки. Довольно и того, что я 36 лет был разлучен с тобой, а теперь не прогневайся, ты моя до могилы. Да ты и сама меня не бросишь. Ты сама будешь меня, старика, лелеять. Не правда ли, Маруся!? Ну, поцелуй же меня, моя крошка, и будь здорова и весела. Я хочу, чтобы ты у меня была весела, как птичка. Ведь тебе не нужно посторонней любви, а моя

душа в полном твоём распоряжении. Вспомни стихи бессмертного Пушкина:

Да, он любил, как в наши лета
Уже не любят, как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена.⁴

Я действительно в настоящее время безумный, а кто виноват. Ты, ты, ты. Ну и возись теперь со мной. Вот тебе и наказание за кокетство. Целую и благословляю тебя. Кольца куплю в Париже. Твой верный

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 21. Л. 3–4 об. В дате письма ошибка, письмо датируется по содержанию и связи с письмом 18.

Публикуется впервые.

¹ Описка Фета.

² О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

³ Речь, видимо, идет о пойнтере по кличке Непир. Фет приобрел его во время Крымской войны, когда нес службу на Балтийском побережье. Собака была названа в честь Чарльза Нейпира (1786–1860), английского вице-адмирала, который в 1854 г. участвовал в блокаде русских берегов и портов на Балтийском море (*МВ*. Ч. 1. С. 72).

⁴ Не вполне точная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 2-я, строфа XX). У Пушкина: «Ах, он любил, как в наши лета...».

20

10 июля 1857 г. Москва

Москва.

Возвратившись из города и побывав на Маросейке, застал у себя на квартире еще письмо, которое лежало на прежней квартире¹ и таким образом позже пришло ко мне писанного от 10-го июля.² — Вот, друг мой, и мне и тебе урок. Ты знаешь, как я тебя люблю и какое наслаждение доставляет мне переписка с тобой, ты увидишь, что это со вчерашнего дня третье к тебе письмо; но тем не менее я с содроганием брал в руки твое милое письмо. Сердце учуяло, что мне в нем достанется от тебя за мнимую Италию. Боже! что я выстрадал, читая его. Как мне было глубоко стыдно моей опрометчивости и легковерия. Но, Ангел мой, я тебя тогда почти не знал с этой стороны. Тем не менее вообразив, что это может быть предметом твоих объяснений с сестрой,³ я при-

ходил в ужас и прихожу еще теперь. Добрая моя! голубушка Маша! прости меня великодушно, не на словах одних, а в душе твоей пойми, что я хлопотал за наше общее благосостояние, а не за себя одного. Пойми, моя душа, что я не желал сказать тебе ничего неприятного, а считал своей святой обязанностью высказать мое воззрение на жизнь вообще, не подозревая, что не мне тебя учить, а мне у тебя учиться должно. Учи меня, моя умница, и верь, что я всегда с благодарностью приму слово правды и совета. Видишь ли ты, до какой степени мне перед тобою стыдно? Но ты посмотри поглубже в причину моего нетерпения и прости меня в душе. Голубушка — я так счастлив, что ты, именно ты будешь моей женой, что не знаю, как выразить это чувство. Мне все кажется, что судьба мне этого не даст. Извини меня перед твоей сестрой и уже ничего не говори о наших планах, во избежание новых бед. Как я поеду, этого я не знаю. Но я поеду непременно. Здоровье сестры этого требует.⁴ Какая ты душка! Какой ты нежный и благородный Ангел. Как я тебе благодарен за строки о твоей Марьюшке. Завтра же еду на Маросейку и объявлю ей, что ты ей довольна и оставляешь ее у нас.⁵ Я думал, мой дружок, что она тебе не умеет угодить, и поэтому я боялся, чтобы она не портила дурным примером остальных людей; но тебе и ее жаль, и в этом случае мы совершенно с тобой сходимся. Тяжело обижать человека без причины. Итак, оставляй ее при себе и держи, пока тебе будет угодно. Тем более что она будет существовать исключительно для тебя. Целую твои хорошие ручки за нежность и к Марьюшке, и ко мне, в угоду которому ты готова была поставить себя в неприятное положение. Будь покойна, моя добрая душа, — я никогда в жизни не вызову тебя на неблагородный поступок. Все неблагородное меня режет на месте, как и тебя. Напиши мне сейчас же, что ты меня простила, я рад, что этот ничтожный случай помог мне увидеть ясную глубину твоей голубиной души. Смейся надо мной, но я пишу к тебе эти строки со слезами на глазах. Маруся! добрая! неужели через полтора м<еся>ца, т. е. через м<еся>ц ты будешь *моей навек*? Если ты на меня уже не сердись, то исполни моих две просьбы. Первая: устрой свои дела так, чтобы 16-го августа нашего стиля была наша свадьба в Париже.⁶ Я все приготовлю к тому времени и буду скакать как угорелый. Вторая: устрой дела так, чтобы 6-го или 7-го сентября нашего стиля мы выехали из Парижа, а 16-го были на Маросейке на именинах Надежды Кондратьевной.⁷ Она об этом меня сегодня просила, и я обещал умолять тебя. Неужели нам мало трех недель пробыть с тобою в Париже? Ты права, что не должно тратить много денег, а меня все эти расходы просто ужасают. На днях я получил из дому 3000 рублей сер<ебром>, их уже нет. И поверь, ничего не брошено на ветер. Но все, что изящно — дорого. А я тебя не приму иначе в дом, как чтобы все было

изящно и нравилось моей милой, дорогой Мари. Если бы ты мне приказала сделать твою постель на тот манер, на который я заказывал — то я бы распорядился экономически. Грива хорошая очень дорога и сафьян также. Я бы променял дорогой, но ненужный пух на гриву и велел ей набить твой тюфяк, а раму под него сделал бы на пружинах, как это ты видишь в Париже. Я лучше таких постелей ничего не знаю. Мебель, какая только у тебя есть, вся не только пригодится, но даже необходима. Неужели в домашние комнаты заказывать новую, когда есть старая. Постараюсь дать твоей спальне совершенный вид Маросейской — только она вдвое почти выше. Сегодня отдал Сазикову деньги за твое серебро.⁸ Прелесть! За один футляр он взял с меня 25 целковых. Всего по две дюжины, как я уже писал тебе. Хотел взять и корзинку для хлеба, да отложил до следующих денег. Заказывай себе платья. Это необходимо да в Париже дешевле. Но портрет отложи до моего приезда. Я сам его закажу. Я видел у одной знакомой в Париже дивные портреты, только не знаю, у кого они сделаны, а сестрин портрет писан акварелью в Риме Тимашевским,⁹ но я виденный мною в Париже фотограф иллюминированный¹⁰ предпочитаю кисти Тимашевского. Позволь мне для собственного наслаждения перечислить все твои достоинства. Умна, добра, нежна и поэтому скромна, и видит жизнь с настоящей, а не с извращенной стороны. Бережлива и толковита, блондинка и любит меня. Из всего этого я заключаю, что ты уже простила мне невольное увлечение в нашу общую пользу. Ты слышишь, я тебе говорю: Мари! голубушка! Не буду! Никогда не буду. Дай ручку на мировую. Умолкаю. При всей моей тоске, при всех хлопотах и желании все устроить, не расстраивая наших дел, я так преисполнен счастья и благодарности к Богу, а не к тебе, потому что не ты сама себя создала. Нет, моя душа, я тебя должен благодарить не за то, что ты такая умница, а за то, что ты меня полюбила и решила меня сделать счастливым. Не знаю, сумею ли я при свидании высказать тебе все, чего не могу вместить в письма, наполненные всякой всячиной, или же я буду молча сидеть подле тебя и молча целовать твои руки. Но я уверен, что ты и без слов понимаешь, сколько даешь мне счастья. Да благословит тебя Бог. Ты смеешься над моим почерком и поделом. Я знаю, что хуже меня никто в мире не пишет, а к тебе я еще стараюсь писать. Но со временем ты привыкнешь к моей руке или лучше сказать к моему маранью. Ты, верно, слыхала, а быть может, и испытала, что морская болезнь, самая сильная, проходит, когда ступаешь на берег. Теперь у меня морская болезнь, а ты берег. Как только увижу тебя, тотчас же все пройдет, и я воскресну душой. А теперь я себя не узнаю и не знаю, что со мной делается. Не гневайся же на меня, моя добрая Маша. Право, мне так грустно, так грустно, что хочется плакать, как больному ребенку. Если

я в твоей душе не найду к себе снисхождения, то где же мне искать его. Ты мне теперь и друг, и сестра, и мать. Мне еще много надо сегодня писем писать, но я пишу всегда к тебе к первой, когда душа светла и полна первым впечатлением. Если вечер — спи спокойно и помяни меня словом любви. Целую твои ножки и отдаюсь на суд твой. Пиши и жди твоего А. Фет<a>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 28—30 об.

Впервые опубликовано (с датой «между 19 и 24 июля»): *Наше наследие*. С. 52—53.

Датируется по связи с письмами 18, 19 и по содержанию. См. примеч. 8 к наст. письму.

¹ Имеется в виду квартира в доме Шувалова Немецкой слободы (см. письмо 1 и примеч. 6 к нему).

² Речь идет об ответе Боткиной на письмо 10, написанное Фетом под впечатлением слухов о намерении невесты зимовать в Италии.

³ Имеется в виду Е. П. Щукина (см. о ней примеч. 1 к письму 4).

⁴ Окончательное решение оставить Н. А. Шеншину в Москве Фет принял 16 июля после беседы с В. Ф. Саблером (см. письмо 23).

⁵ Ранее (см. письмо 9) Фет предлагал Боткиной уволить горничную Марьюшку.

⁶ Этой даты, названной здесь впервые, Фет придерживался в переписке с невестой и далее, включая последнее из сохранившихся московских писем, от 24—25 июля 1857 г. Как пояснил сам поэт, дата венчания была обусловлена окончанием курса лечения Е. П. Щукиной (МВ. Ч. 1. С. 196). Лишь по приезде в Дьепп, узнав, что курс водолечения В. П. Боткина продлится до 1 сентября н. ст., Фет согласился на более позднюю дату свадьбы: 20 августа (2 сентября) (см. коммент. Ю. П. Благовоиной: *Фет/Боткин*. С. 196, примеч. 1). Однако нетерпение жениха было слишком велико. Уже 12 (24) августа он написал Боткину из Парижа два письма с просьбой прибыть на свадьбу к 16 (28) августа. В первом из них, не отправленном, Фет жаловался на свое болезненное состояние, грозящее перейти в хроническое. Во втором письме необходимость переноса венчания на 16 августа получила более убедительное обоснование: брат Фета В. А. Шеншин якобы не мог оставаться в Париже до 20 августа из-за болезни жены (Там же. С. 196—197, примеч. 4—5). В результате Фет и М. П. Боткина венчались в русской посольской церкви 16 (28) августа 1857 г.

⁷ О Н. К. Боткиной см. примеч. 2 к письму 7.

⁸ 9 июля 1857 г. Фет писал, что «завтра» едет на почту, а оттуда — к Сазикову, заказать столовое серебро (см. письмо 18), что дает основание для точной датировки данного письма.

⁹ Речь идет о портрете Н. А. Шеншиной, бывшей в Риме вместе с Фетом с ноября 1856 по начало января 1857 г. Фотография с этого портрета, местонахождение которого неизвестно, хранится в РГБ (Ф. 315. К. 17. № 2, см. иллюстрацию на с. 382). Орест Исаакович *Тимашевский* (1822—1866, по другим данным, умер в 1867), художник, с 1860 г. академик живописи. С 1852 по 1864 г. жил в Риме.

¹⁰ Имеется в виду фотографический портрет, раскрашенный акварелью.

Москва.
 $\frac{14}{26}$ июля.

Милый, драгоценный друг мой Марья Петровна!

Если бы в настоящее время я от времени до времени не рассчитывал на наслаждение и утешение писать к тебе, то жизнь моя была бы действительно невыносима. Мысли невольно забегают вперед и ищут спокойствия и совета у тебя. А где ты? Дождусь ли я свидания с тобой. Нет, друг мой. Если бы ты собиралась еще раз за границу, то я, рыдая как ребенок, умолял бы тебя остаться. Только сегодня я узнал, что отпуск мой будет не ранее, как через 10 дней подписан государем, которого к тому времени ждут в Петербург.¹ Кроме того, я хлопочу о местах *отдельных* на пароходе и на железной дороге. Этого без приятельской помощи устроить нельзя, потому что больную иначе не примут. Итак, соображая все эти обстоятельства, я не надеюсь выехать из Кронштадта ранее первых чисел августа (старого стиля, т. е. около 15-го вашего). Дай Бог, чтобы к тому времени я выехал. Ты, друг мой, пишешь мне, что тебя радует моя преданность сестре, потому что она служит тебе порукой, что я и в отношении тебя буду неуклонно верен моим обязанностям. Ты совершенно права. Когда ты наглядным образом узнаешь меня, тогда убедишься, что если бы я даже не любил в тебе мою Машу, то я никогда не могу забыть, что ты Марья Петровна, моя невеста и будущая жена. Но оставим теперь в стороне долг, хотя его во всю жизнь ни на минуту забывать не надо, вступая в отношения, к которым мы с тобой готовимся — оставим его теперь. До долгу ли тут, когда и без этого дядьки и так душа разрывается. Разрывается от нетерпенья тебя видеть и от желания остановиться у пристани. Будь ты сама здесь, дело бы приняло другой ход, ты бы помогла мне делом и словом, а то я не знаю, куда голову преклонить. Загадываю одно, а выходит другое. Так, например, сегодня рассчитывал купить лошадей в карету за триста рублей пару, а купил за 550.² Кажется, очень хороши, породисты, красивы и главное (я знал, что ты боишься лошадей) смиренны, как дети. От Дмитрия Петровича³ я слышал, что ты выписываешь 500 рублей сер<ебром>. Само собою разумеется, что тебе надо сделать платьев 5 шелковых в Париже, потому что здесь это дороже. Не хочу и не могу советовать тебе по этому случаю ничего. Могу тебе сказать только одно, что у меня в Париже на все и на наше возвращение до Москвы будет не более 1500 рублей серебр<ом>, а я уже рассчитывал, что этого только-

только нам до Москвы хватит. Из этих денег мне 200 рублей сер<ебром> необходимо на штатское платье. А трогать деньги, которыми нам нужно будет жить год в Москве, *невозможно*. Это приведет нас к беде. Я до тех пор не буду покоен, пока мы с тобой не ступим вот на эти полы и не будем сидеть в этих комнатах. А до тех пор все мне представляется в виде какого-то непроходимого лесу. Хлопочу, стараюсь, обдумываю каждую безделицу и свою, и твою, и сестрину и трепещу за каждое промедление и препятствие, а до сих пор ни моих людей из деревни, ни моего паспорта, ни сестрина нет. Ее здоровье плохо. О тебе даже думать боюсь. Мне не верится, чтобы я тебя увидал. Прости меня, добрый друг мой, что я навожу на тебя тоску моим нетерпением и раздумьем; но ты же сама позволила мне громко перед тобою думать. Я теперь все устраиваю и обдумываю не на один м<еся>ц и год, а, можно сказать, на всю жизнь, тебя нет, как же мне после этого не думать? Но зато если все сбудется и мы обвенчаемся в Париже — с каким наслаждением поведу я тебя в Лувр и как буду рад видеть тебя довольной! Не забудь комиссий Прасковьи Ефремовны,⁴ она нам обещала насолить на зиму огурцов. Ты смеешься, а будешь их кушать с удовольствием. Впрочем, ты будешь права, смеясь надо мной: это письмо *галиматья*. Здесь дождь льет, как из ведра. Хочу завтра проехать на дачу в Кунцево,⁵ да не знаю, какая будет погода. Голубушка моя! ненаглядная! Когда-то я буду у тебя? Тогда переговорим обо всем и посоветуемся, как лучше устроить наши дела. Я так на тебя надеюсь — более чем на самого себя. Я уверен, что судьба недаром привела меня к тебе. Где я ни был, кого ни видал, а нужно было заехать на Маросейку. Еще бесконечный м<еся>ц, и я в Париже или в Диепе. Не беспокойся, узнаешь и день и час моего приезда. Прости меня за грустный и озабоченный тон письма. Голубушка! Верь одному, что я тебя люблю всей душой. Твой А. Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 10—11 об.

Публикуется впервые.

¹ Приказ об увольнении находящегося в бессрочном отпуску поручика лейб-гвардии Уланского его величества полка Фета «за границу, к карлсбадским минеральным водам и морским купаньям у берегов Франции, на 6 месяцев» был подписан императором в Потсдаме 14 (26) июля 1857 г. (*СПбВед.* 1857. 27 июля. № 162. С. 839).

² Фет купил перед женитьбой «пару воейковских вороных лошадей» (*МВ.* Ч. 1. С. 195). «Воейковскими» назывались лошади знаменитого коннозаводчика В. П. Воейкова (1788—1880).

³ О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

⁴ Сведений об этой женщине найти не удалось. Возможно, экономка в доме Боткиных.

⁵ О Кунцево см. примеч. 9 к письму 5.

$\frac{15}{27}$ июля.

Я тебе, мой добрый друг, бесконечно надоел моими жалобами и сто-нами. Это я чувствую. Но ты так великодушно добра, так умно-мила, что простишь своему сиротствующему другу. Еще недели две, и я, если чего-либо особенного не случится, тронусь в путь. Сейчас только по-лучил письмо от брата из-за границы,¹ в котором он советует не везти сестру, но тем не менее я ее повезу. Этого требует состояние ее здоро-вья. От меня, мой единственный друг! не жди и не требуй в настоящее время никакого благоразумного слова. Ты унесла мой разум с собой в Диенп. Вся моя настоящая мудрость заключается в словах: Мари! я люблю тебя как сестру, любовницу и друга. Я уверен, что ты меня по-любила несмотря на то, что я называл тебя рыбой. Сейчас же получил письмо от Delaveau,² он пишет: «Vous ne m'apprenez rien de nouveau. Je savais déjà votre projet de mariage avec Mlle Marie Botkina et je vous en félicite. Je connais votre promise et le choix me paraît excellent».³ Еще бы, если мне нужна жена, то именно такая, как ты. Одним словом, ум-ница и добрая. Лишь бы Бог нам дал здоровья, а все остальное как-ни-будь устроим. В настоящее время обивка и драппери меня беспокоят. Я определил на это 200 рублей сер<ебром>, а оказывается мало. Ну да как-нибудь все устрою к нашему приезду. Вчера ездил на одной из тво-их лошадей в Кунцево и ночевал у Дмитрия Петровича.⁴ Там я вчера познакомился с твоей сестрой Пикулиной,⁵ и в субботу мы к ним едем с Дмитрием Петровичем. Экой же я рассеянный, через 3 дня твое рож-дение и 22-го твой Ангел. Я никогда не помню, когда чье торжество, а этих дней не забуду. Теперь твой Ангел будет моим настоящим Анге-лом-хранителем. Чего тебе пожелать. Желая тебе, чтобы я долго, дол-го мог любить тебя так же, как люблю, и чтобы тебе не было со мною скучно. В Париже 16-го передам тебе еще желание, о котором теперь молчу. Если бы это не было невозможно. Сидел бы все время у этого стола и писал бы к тебе, потому что это единственное мое удоволь-ствие и отрада в это время. Как только брошу перо — заботы, как гар-пии, налетают на меня со всех сторон. Разочти, может ли ответ на это письмо дойти ко мне до 1-го августа, т. е. 13-го по-вашему, а если нет,

¹ Вы не сообщили мне ничего нового. Я знал уже о вашем намерении жениться на м-ль Мари Боткиной, с чем и поздравляю вас. С вашей невестой я знаком, и вы-бор мне кажется превосходным (*франц.*).

А. П. Пикулина.

Фотография И. П. Павлова. Москва, 1850-е гг.

то и не отвечай более. Впрочем, лучше пиши. Что за беда, если письмо твое пролежит до приезда? Гораздо хуже промедлить почему бы то ни было и не получить от тебя писем. Два мягких кресла я уже отдал столу для переправки, а до отъезда сам перевезу твой рояль к нам на квартиру. Одним словом, все, что нужно, будет сделано. Ничего до моего приезда не покупай для дома, может случиться, что мы купим вдвойне — ты там, а я здесь, а это будет нелепо.

Елисавета Васильевна⁶ удивляется: что я могу тебе писать так много? Кто не любит, действительно не может понять, как достает терпе-

ния и содержания на бесконечные письма; но когда хотелось бы передать душу, сказать человеку, что любишь его последней кровинкой, находящейся в жилах, тогда, сколько ни пиши — видишь, что ничего не сказал или сказал очень мало. Что ты меня любишь, в этом нет сомнения. Ты бы не пошла замуж за человека, к которому равнодушна. Но напиши мне, правда ли, что ты меня любишь: *очень*? Или ты могла бы еще более любить человека более тебе по сердцу? Прости меня, душка. Я вздоры пишу, но я уже предупредил тебя, что в настоящее время от меня ничего толкового не добьешься. Мне сейчас пришло в голову, что если бы мои письма к тебе попались в руки какому-нибудь досужему будущему биографу, если такой найдется. Уже наверное он узнал бы из них меня лучше, чем из какого другого источника. Тут я не притворяюсь, а пишу, что на ум взбредет и чем сердце полно. Если ты, Мари! и не будешь моей женой, от чего да сохранит меня Бог, то все-таки можешь смело сказать — был человек, который меня любил искренно и глубоко, а главное нежно. Привыкла ли ты хотя сколько-нибудь разбирать мою руку? Через десять или 12 дней — стану суетиться отъездом, но это не мешает тебе отвечать на это письмо. Сегодня опоздал с письмами на почту. Это письмо пойдет завтра. Елисавета Васильевна обещала часто бывать у нас. Напиши, согласна ли ты венчаться 16-го августа? и ехать к 16-му сентябрю в Москву? Стороной сейчас узнал, что хозяйка⁷ уступает мне весь бельэтаж за 300 рублей сер<ебром> вместо 325-ти. Завтра поеду покупать драпри и под цвет твоих в спальне куплю новые занавески такие же. Твои уже никуда не годятся. Будь здорова, мое сокровище, жму и целую твою хорошенькую лапку и еще раз поздравляю со днем Ангела. Не сердись на меня, моя крошка, если какое-либо слово мое могло тебе не понравиться. Кланяйся братьям и сестрам и в особенности Василию Петровичу, если увидишь его. До свидания, друг Маша! Твой Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 12—13 об.
 Публикуется впервые.

¹ Имеется в виду В. Аф. Шеншин, с июня 1857 г. находившийся за границей вместе с женой Е. Д. Шеншиной и сестрой Л. Аф. Шеншиной. См. примеч. 4 к письму 6.

² Об И.-Ш. Делава см. примеч. 2 к письму 13.

³ Цитируется письмо Делава к Фету от 15 июля н. ст. 1857 г. (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 50). Фет обратился к Делава, пытаясь через него связаться с настоятелем русской посольской церкви, где собирался венчаться (см. письмо 13). В ответном письме Делава сообщил, что Васильев уехал в Россию: «Vous venez-vous marier à Paris? Tant mieux, et je n'aurais pas manqué de faire vos commissions si le père Vasilief avait été à Paris, — писал он Фету 3 (15) июля. — Il est en Russie et je crois que

vous pourriez en avoir des nouvelles en vous adressant à Pogodine qu'il doit aller voir. S'il arrivait ici sans vous avoir vu je lui ferai les demandes que vous m'adressez; mais il vaudrait beaucoup mieux que vous le vissiez en Russie» («Вы собираетесь сочетаться браком в Париже? Тем лучше, и я не преминул бы исполнить ваши поручения, если бы отец Васильев был в Париже. Он в России, и я думаю, что вы могли бы узнать о нем, обратившись к Погодину, которого Васильев непременно должен повидать. Если же он вернется сюда, не увидевшись с вами, я передам ему Ваши просьбы; но было бы лучше, если бы вы встретились с ним в России» (Там же. Перевод Н. П. Генераловой)). О пребывании И. В. Васильева в Москве летом 1857 г. и общении его с Погодиным см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Т. 15. С. 122—124. Встречался ли Фет с Васильевым в Москве — неизвестно.

⁴ О Кунцево, где Д. П. Боткин снимал дачу, см. примеч. 9 к письму 5.

⁵ *Пикулина* Анна Петровна (урожд. Боткина; 1833—1900), сестра М. П. Боткиной. Была замужем за врачом, профессором Московского университета Павлом Лукичом *Пикулиным* (1822—1885), считавшимся в середине XIX в. одним из лучших диагностов в Москве. См.: *МВ.* Ч. 1. С. 219—220. 4 июня 1857 г. Д. П. Боткин писал сестре Марии: «Это письмо принесет тебе очень радостную новость: Пикулин наконец сошелся с Анетой, — вчера она приехала из Питера, и встреча их, говорят, была очень нежная. Анета сегодня приезжала сюда повидаться с Наденькой, пробыла часа два и уехала обедать к мужу. — Я этому душевно радуюсь, — авось разлука их послужит им в пользу, и они заживут счастливо» (*РГБ.* Ф. 315. К. 6. № 30. Л. 3 об.).

⁶ О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

⁷ Имеется в виду Е. Н. Сердобинская, в доме которой Фет снял квартиру.

23

16—17 июля 1857 г. Москва

$\frac{16\text{-е}}{28}$ июля.

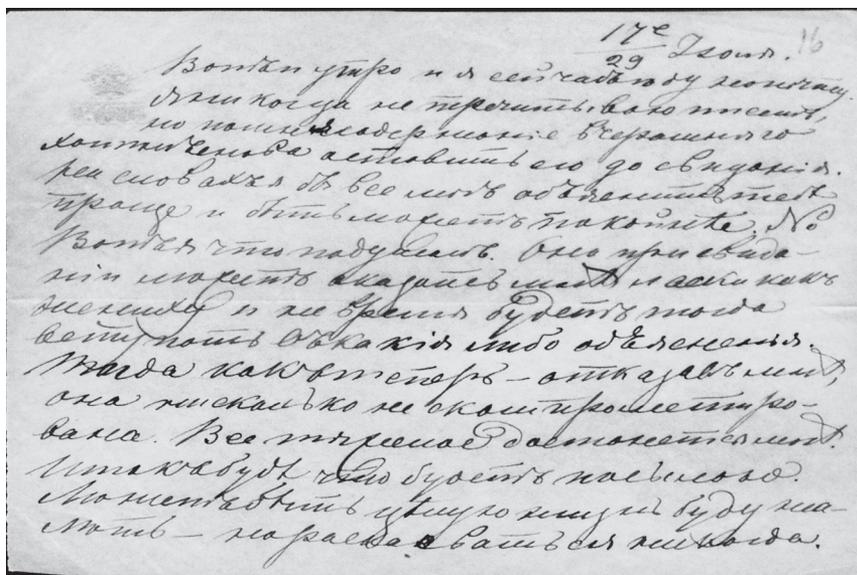
Читай про себя.

Добрый, бесценный друг! Точно сердце мое предчувствовало что-то определенное — вследствие чего я не отправлял этих листков два дня.¹ Сегодня я был у Саблера² и после долгого разговору с ним решил оставить сестру у него в Москве до зимы. Об этом и брат просит меня в письме,³ итак, решаюсь не везти ее за границу. Но в ту же минуту родился у меня другой вопрос, ехать ли мне самому? Дней через 10 мой отпуск должен выйти. С одной стороны, у меня бы на первый приезд твой была 1000 рублей, которые я теперь проезжу; но с другой, моя тоска переходит в настоящую болезнь, которой я серьезно начинаю бояться. Сегодня даже чувствую ревматическую боль в руках, чего со мной отроду не было. Надеюсь, что завтра она пройдет, но я теперь всего боюсь. Один-одинешенек — я решил поехать к умному челове-

ку, который меня любит, Погодину, я только что от него и высказал ему мое положение. Он советует мне послушаться сердца и ехать.⁴ Я так и сделаю. Теперь меня ничто не удержит. Если и заболею — приеду умирать к тебе или, по крайней мере, вблизи от тебя. Помнишь ли минуты нашего объяснения словесного. Мы были так смущены, что в подробности входить было некогда, но у меня иногда набегают на душу признания, которое я не успел сделать на словах, а на бумаге не хотел и беречь для личного свидания. Но сегодня подумал, не поздно ли это будет? Я бы не церемонился с ним, если бы дело тут шло обо мне лично, не касаясь моей матери, память которой мне священна. Если бы я не верил в тебя, как в Бога, ни за что бы я не решился написать этого на бумаге, которую по прочтении сожги. Мать моя⁵ была замужем за отцом моим, дармштадтским ученым и адвокатом Фетом⁶ и родила дочь Каролину — теперешнюю Матвееву в Киеве⁷ и была беременна мной. — В это время приехал и жил в Дармштадте вотчим мой Шеншин, который увез мать мою от Фета,⁸ и когда Шеншин приехал в деревню, то через несколько месяцев в мать родила меня. Через полгода или год затем Фет умер, и Шеншин женился на матери.⁹ Вот история моего рождения. Дальнейшее ты знаешь: я поступил в университет,¹⁰ на службу, теперь поручик гвардии и в отставке штаб-офицер.¹¹ Я ни перед кем не говорю об этом, по чувству тебе понятному, но перед тобой скрываться не хочу и не могу. Поступай, как хочешь. Думай, умоляю тебя — только о том, как тебе жить и быть, а обо мне толковать нечего. Теперь ты еще свободна, письма тебе я возвращаю все, и никогда никто в мире ничего от меня не узнает. А отказ будет с твоей стороны и предлог, какой хочешь — только не поминай моей бедной матери. — Не смею говорить тебе о любви. Может быть, все мечты мои разлетятся, как сон. Но несмотря на это, я все-таки еду к тебе и дам знать о моем приезде. Я, может быть, поеду через Гавр, а может быть и через Германию. Если ты выйдешь встречать меня, значит ты меня любишь, а если нет...

На глазах моих слезы. — Но когда-нибудь на досуге, если Бог благословит меня счастьем назвать тебя своей женой, расскажу тебе все, что я выстрадал в жизни — тогда ты поймешь, как мало верю я в возможность счастья и как робко я к нему подступаю. Что я выстрадал в последнее время нашей разлуки, трудно передать словами. Пусть будет, что будет, я уже не могу страдать более.

Ты не ребенок и сама знаешь, как тебе поступать, а я вполне покояюсь твоей воле. Если ты почему бы то ни было мне и откажешь, то единственная моя просьба к тебе будет позволить поцеловать твою руку. Ни слова, ни звука, даю тебе *честное слово*. Да сохранит тебя Бог везде и всегда, доброе, прекрасное создание. Не могу продолжать письма — мне стыдно и больно — и я плачу, потому что люблю тебя всеми

Письмо Фета к М. П. Боткиной от 17 (29) июля 1857 г.

силами больной моей души. Сожги письмо и решай судьбу мою. — Еще вчера я называл тебя моей Мари, моим другом Машей, а сегодня уже не смею давать тебе этих нежных имен, может быть, ты этого не хочешь? Боже, когда это государь приедет и подпишет мой отпуск, через день по получении я уже поскачу во Францию. Встретишь ли ты меня или нет? Вот вопрос. Сердце говорит, что ты меня встретишь, если же и сердце обманывает, то нечего делать. Тогда все равно.

Искренно и нежно тебя

любящий А. Фет.

17-е
29 июля.^a

Вот и утро, и я сейчас еду на почту. Я никогда не перечитываю писем, но, помня содержание вчерашнего, хотел снова оставить его до свидания. На словах я бы все мог объяснить тебе проще и быть может покойнее. Но вот я что подумал. Она при свидании может оказать мне ласки как жениху, и не время будет тогда вступать в какие-либо объяснения. Тогда как теперь — отказав мне, она нисколько не скомпроме-

^a Часть письма, датированная 17 (29) июля, записана на отдельном листе бумаги (менее чем в половину листа).

тирована. Все тяжелое достанется мне. Итак, будь что будет, посылаю. Может быть целую жизнь буду жалеть — но раскаиваться никогда.

На конверте: Dieppe, France.
Mademoiselle
Mlle Marie Botkine.
Poste restante.⁶

Почтовые штемпели: 1) Aus Russland; 2) PORTO; 3) Moscou, 18 juil<let>;¹² 4) Prusse, Valenciennes, 6 août <18>57; 5) Paris, 6 août <18>57; 6) Paris au Havre, 6 août <18>57; 7) Dieppe, 7 août <18>57.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 14—16; конверт — л. П. На обороте конверта пометы М. П. Боткиной: «Получено 6 августа (так! — *И. К.*)»; простым карандашом: «Положить со мной в гроб» (подчеркнуто синим карандашом). На лицевой стороне конверта помета синим карандашом «NB» (дважды подчеркнута), обозначающая особую важность письма. На лицевой стороне конверта помета неизвестной рукой: «Rue du Haut Pas, 38».

Впервые опубликовано: *Новый мир*. С. 205—206.

¹ Вероятно, имеется в виду предыдущее письмо, от 15 июля 1857 г., которое Фет собирался отправить «завтра», т. е. 16 июля, но, видимо, не отправил.

² О В. Ф. Саблере см. примеч. 11 к письму 4.

³ См. письмо 22.

⁴ См. об этом: *МВ*. Ч. 1. С. 196. Видимо, одним из мотивов посещения М. П. Погодина была необходимость навести справки о священнике И. Васильеве (см. примеч. 3 к письму 22).

⁵ *Шеншина* Елизавета Петровна (урожд. Шарлотта Елизавета Беккер (Becker), в первом браке Фёт (Foeth); 1798—1844). Родилась в Дармштадте, в семье зажиточного бюргера, впоследствии великогерцогского верховного военного комиссара Иоганна Карла Вильгельма *Беккера* (1765—1826). Как отмечал видный немецкий славист Р. Траутманн, Карл Беккер «был, несомненно, очень уважаемым человеком, отцом семерых детей, среди крестных которых <...> называются крон-принц Пруссии и принцесса Мекленбургская, позднее — король Пруссии Фридрих Вильгельм III и прусская „незабвенная королева“ Луиза» (*Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина / Пер. и публ. Ю. Юшкина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1992 (на обложке 1993). С. 300. Оригинальная публикация: *Trautmann R.* Die Mutter von A. Fet-Šenšin // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Leipzig, 1942. Bd 18. Heft 1. S. 19—20). Жена Карла Беккера, Кристина Генриетта, умершая в 1801 г. в возрасте 34 лет, происходила из старинного рода баронов фон Гагерн (*Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина. С. 300—301).

⁶ *Фёт* Иоганн Петер Карл Вильгельм (Foeth; 1789—1825), уроженец Кельна, католик; в последние годы жизни ассессор городского суда Дармштадта. В мае 1818 г. женился на Шарлотте Елизавете Беккер. В 1824 г. вступил во второй брак с Софией

⁶ Дьешп, *Франция*. / Мадемуазель / М-ль Мари Боткиной. / До востребования (*франц.*).

Генриеттой Луизой Цан (*Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание*. М., 2003. С. 221, 224). Происхождение Фёта загадочно. В своем завещании он назвал своими родителями проживавших в Кельне Иоганна Фёта и Сибиллу Фёт, урожденную Миленс (Там же. С. 215). Вместе с тем сохранилось его прошение на имя великого герцога гессенского Людвига II, где он приводит следующие сведения о себе: «Ваше королевское высочество были с 1805 г. моим всемиловитейшим *содержателем и приемным отцом*. До конца 1817 года по Вашему распоряжению оплачивались за меня все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей. Именно Ваше всемиловитейшее участие подвигло меня к учению, дабы мог я со временем зарабатывать себе хлеб наукой <...>» (Там же. С. 219).

⁷ *Матвеева* Каролина Шарлотта Георгина Эрнестина (урожд. Фёт; 1819—1875). В 1841 г. по собственной инициативе приехала в Россию, чтобы познакомиться с матерью и братом; спустя три года вышла замуж за родственника и соседа Аф. Н. Шеншина, врача Александра Павловича *Матвеева* (1816—1882). Письма ее к Фету, хранящиеся в РГБ, частично опубликованы Н. В. Матвеевой (А. А. Фет: Поэт и мыслитель. М., 1999. С. 270—276).

⁸ *Шеншин* Афанасий Неофитович (ок. 1775—1854), помещик Орловской и Воронежской губерний, ротмистр в отставке (см. о нем подробнее: *Летопись (1985)*. С. 132—138). Предположительно в конце 1819 г. выехал в Западную Европу на лечение, какое-то время спустя прибыл в Дармштадт, где прожил несколько месяцев в доме военного комиссара К. Беккера. 1 октября н. ст. 1820 г. тайно покинул Дармштадт вместе с дочерью Беккера, Шарлоттой Фёт. Отец Шарлотты, в отправленном вслед беглецам письме, возложил всю вину на Шеншина, который якобы «употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения» лишил его дочь рассудка и довел до того, «что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо любимое дитя, бросила престарелого отца своего <...>» (*Григорович А. К* биографии А. А. Фета (Шеншина) // *Русская старина*. 1904. № 1. С. 167). На самом деле жизнь Шарлотты с Фётом была невыносимой. «Это был пьяница — жену терзал, раз пришел в комнату с охотничьим ружьем и оно у него выпало, а она была уже беременна Фетом, — писал Г. П. Блок в письме к Б. Садовскому от 27 сентября 1921 г. — Аф<анасий> Неоф<итович> поселился у Беккеров за переполнением соседней гостиницы, <...> пожалел забитую, очень красивую женщину, влюбился в нее и тайно ее увез» (Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) / Вступит. статья, коммент. и публ. С. В. Шумихина // *Наше наследие*. 2008. № 85. С. 80).

⁹ Аф. Н. Шеншин обвенчался с матерью Фета после того, как 26 ноября (8 декабря) 1821 г. ее брак с первым мужем был расторгнут (см.: *Траутманн Р.* Мать А. Фета-Шеншина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1992 (на обложке 1993). С. 300). Венчание произошло в Орле 4 сентября 1822 г.: *Летопись (1985)*. С. 136.

¹⁰ Фет учился в Московском университете на словесном отделении Философского факультета. Окончил курс в 1844 г.

¹¹ Фет имел в виду, что при отставке он получит чин штабс-ротмистра гвардии, который был низшим штабс-офицерским чином (8-й класс).

¹² Данное письмо было отправлено утром 17 июля 1857 г. (см. письмо 24), а московский почтовый штемпель — от 18 июля. Вероятно, конверт II первоначально относился к письму 24, однако еще при жизни М. П. Шеншиной, до того как она сделала не ему надпись «Положить со мной в гроб», в него было вложено письмо 23.

$\frac{17\text{-е}}{29}$ июля.

Вечер.

С чего начну я это письмо и чем кончу, решительно не знаю, знаю одно, что не писать к тебе не могу. — Что со мной делается, не знаю. Я томлюсь невыносимо. Все мне тяжело и скучно. Не могу ни читать, ни писать что-либо, исключая писем к тебе. О! с каким нетерпением ожидаю я августа. Приеду и все решится. Нет, доброе, нежное создание, ты не бросишь меня, не потому, что ты дала слово или все уже готово к нашей свадьбе и житью, но единственно потому, что тебе будет жаль меня. — Ты сама знаешь, как искренно я тебя люблю. Ты должна непременно быть моей душкой, милой женою, ты должна вознаградить меня за всю гадость, с которой я боролся в жизни, ты должна мне дать силу жить и бодрствовать. Если ты меня покинешь — то я сам себя покидаю и махну на все на свете рукой. Прошедшее письмо, отправленное сегодня утром, может служить тебе доказательством моей сильной любви и веры в тебя. В последнем я еще менее сомневаюсь, чем в первом. Ты честная и благородная душа, следовательно, тайна или имя матери человека, который тебя любит свято — для тебя должно быть свято. Но и в первом, т. е. в любви твоей ко мне, мне сомневаться не следует. Ты, верно, не разлюбишь меня. Не так ли, мой дружок. Я всячески стараюсь успокоить себя. Сегодня я узнал, что государь еще долго пробудет за границей. Боже! боже! что мне делать, если мой отпуск скоро не выйдет? Люди всегда слепцы. Как я добивался, как я искал в груди своей чувства любви! Как я радовался, когда сердце мое трепетало в ту минуту, когда в твоей угольной комнатке писал тебе в альбом и ты шумела около меня платьем.¹ Вот оно, это чувство овладело теперь мною до последней капли крови, и я мучаюсь невыносимо. Не знаю, сколько недель или дней осталось до нашего свидания, но мне эти дни покажутся за годы. Недаром мне так жаль было смотреть, как ты собираешься ехать. — Сегодня не буду продолжать. — Спи, мой Ангел, мирно, завтра день твоего рождения. Иду и я спать — но засну ли, это вопрос.

18-е. Нынче день твоего рождения. На будущий год — быть может, я лично поздравлю и тебя и себя с этим днем. Будь ты в настоящее время подле меня, я бы принялся за работу и сделал что-нибудь полезное, а теперь все мне противно в высшей степени. Как я ни стараюсь убе-

дить себя, что до такой степени упадать духом жалко и недостойно — ничто не помогает. Это все равно, что сказать человеку, у которого колика — пой. Когда получишь письмо мое из Берлина, напиши свой адрес диепский в Париж *poste restante*,^a а то как же я вас сыщу в Диеппе или как дам знать по телеграфу о дне и часе приезда. Я все-таки день пробуду в Париже, чтобы сшить платье. В отставку подам по возвращении.² Зимой со стороны службы беспокойства не предвидится. Когда будешь писать в Париж, успокой меня, — верь мне, что я настрадался до безумия. Ты меня называла рыбой, но я так впечатлителен, как может быть, мало людей. Да это и быть иначе не может. Ждать тебя еще два м<еся>ца выше моих сил. Я этого не вынесу. Мне стыдно стоять перед тобой таким дураком, но что же делать. Молчать не могу и не должен. Что ты могла бы подумать, не получая моих писем, да я и сам бы не вытерпел. Остается лгать, говорить, что я совершенно покоен — гадко. Зачем лгать? Наконец я старался верить в судьбу и убедить себя, что чему быть, тому не миновать, но и это не помогает. Грусть, как змея, сосет сердце. Все меня страшит и пугает. Вокруг меня ночь и мрак, вдали в Диеппе мелькает звездочка, тянусь к ней — и не подвигаюсь вперед. Точно томительный сон. Пусть бы они мне только дали мой паспорт, а там что Бог даст. Когда кончится ваше купанье? ничего не знаю. Увижу ли Василия Петровича?³ тоже не знаю. Доживу или нет, тоже не знаю. Знаю только, что мне ты, ты солнце дней моих! необходима, как воздух. Хотя бы только взглянуть на тебя. Не смею и думать о той минуте, когда, вышед из церкви с тобою — могу успокоиться духом. Когда получу в Париже с почты твое письмо, буду уже вполнину покоен. В настоящее время все улаживается — мебель готовят, до отъезда перенесу твой рояль сюда; но как-то руки ото всего отваливаются. Не могу понять, что это значит. Неужели мне никогда на земле никакого счастья не суждено. Вот что ты со мной сделала твоим отъездом! Целую твои ноги и предаю себя твоей воле. Будь здорова и счастлива.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 17—18 об.

Впервые опубликовано: *Наше наследие*. С. 50—52.

¹ См. примеч. 2 к письму 17.

² Фет подал прошение об отставке 18 декабря 1857 г., вследствие чего высочайшим приказом от 27 января 1858 г. был уволен от службы по домашним обстоятельствам штабс-ротмистром (*РГВИА*. Ф. 395. Оп. 50. № 356. Л. 2—4 об. См. так-

^a до востребования (*франц.*).

же: Шаров А. В., Володавец Л. И. «Солдат, коннозаводчик, поэт и переводчик» // Военно-исторический журнал. 1992. № 4/5. С. 86).

³ О встрече с В. П. Боткиным см. во вступит. статье к наст. публикации.

25

18–19 июля 1857 г. Москва

18-го вечером.

Милый, добрый, единственный друг мой! Сегодня мне, слава Богу, легче и душевно и телесно. Братьев твоих не знаю как благодарить. Поехал я в город¹ за покупками и заехал к Петру Петровичу.² Он сказал мне, что Дмитрий Петрович на Маросейке и собирается ко мне. Не желая, чтобы он не застал меня, я поехал к вам и нашел Дмитрия дома. Приехал и Петр Петрович и сели обедать. Подали шампанского и поздравили меня с новорожденной.³ Мне сделалось так грустно. «А Вы получили Ваш отпуск?» — спрашивает Дми<трий> Петро<вич>. Откуда. Да Кетчер⁴ рассказывал у Пикулиных,⁵ что Лонгинов⁶ воротился из Петербурга и привез Ваш отпуск. Я чуть не опрокинул стола. Действительно, я просил Лонгинова об этом деле,⁷ и Пикулины не могли знать об этом. Стало быть, что-нибудь да есть. Кстати мы собирались после обеда с Дмитр<ием> Петров<ичем> к Пикулиным. У Пикулиных мы застали Елисавету Васильевну⁸ и снова пили за твое здоровье. Оттуда я отвез Елисавету Васильевну на Маросейку и говоря ей, разумеется не объясняя ничего, что я трепещу за себя. «Чего?» Да Мари меня не будет любить и мне откажет. «Фет! да Вы с ума сошли! Вы жених и невеста, и вдруг она Вам откажет. Вам надо уши выдрать!» Я готов был ее расцеловать. Душка! Голубушка! Ненаглядная моя! Люби меня хотя за те страшные пытки, которыми ты, совершенно против воли, это время меня истерзала. Все меня поздравляют и хотя на словах желают счастья. Счастье мое у тебя одной. Не откажи мне в высоком счастье твоей любви! — Завтра утром еду к Лонгинову узнать, правда ли то, что говорили о паспорте. Если правда, то я дам тебе завтра же знать письмом и уеду при первой возможности. Одним словом, если бы у меня были крылья, то я полетел бы на крыльях в Диепп, напевая дивную песню Лермонтова:

«Слышу ли голос твой
Нежный и ласковый
Сердце как птичка,
В клетке запрыгает».⁹

Авойсь, Бог даст, все будет хорошо! Лишь бы ты меня любила, моя золотая. С каким восторгом буду я с тобой ходить по Лувру. С каким

наслаждением поведу в наш дом. Душка! напиши в Париж *poste restante*^a хоть одно словечко: *люблю*. Я буду благословлять тебя, мое божество! Привезу стихи, тобой вдохновленные. Дай мне счастья, мой добрый друг! Сегодня Петр Петрович объявил мне, что и твои бумаги готовы, а Дмитрий Петрович посылает со мной тебе чаю.¹⁰ Но Боже! быть может, все это мечта. Завтра утром все узнаю и напишу тебе. Теперь я, однако, много, много покойней. Точно какая свинцовая гора спала с плеч моих. Уф! было тяжело!

19-е.

Сейчас от Лонгинова. Нет отпуска, но ждут царя сегодня в Петербург — следовательно, на следующей неделе могу получить отпуск. Хлопот еще довольно. Но мне нужен прежде всего отпуск. Душка! Мари! я даю тебе слово успокоиться, если ты меня будешь любить, как любила. Я и сегодня, слава Богу, не чувствую такой удушающей хандры, как все эти дни. Но работать все еще не могу. Если бы мне хотя в первых числах августа выехать из Петербурга, то я все-таки около 7-го буду в Париже. Вышли письмо к 5-му, т. е. 17-му, и дай знать, согласна ли ты на свадьбу 16-го, т. е. 28-го. Если Вы будете в Диеппе, то я переговорю в Париже с священником, закажу кольца и все приготовлю в один день и тогда уже поеду на другой день к тебе. Я знаю, что если Бог меня донесет здорового до тебя, то я буду стоять около тебя и не верить своему счастью. Как бы мне тебя уверить, что я люблю тебя? Но довольно об этом. Я тебя и без того прогневал и надоел своими стонами. Буду по возможности стараться совладеть с самим собою. Как приятно смотреть на Петра Петровича. Надежда Кондратьевна¹¹ любит его как нельзя более. Итак, на будущей неделе все разрешится. Как только поеду, буду писать к тебе из Берлина и из Дармштадта, и затем из Парижа. Господи! да скоро ли все это сбудется? Если я и дождусь счастья назвать тебя женою своей, то достанется мне оно не даром. Я вострадал страшно. Сейчас подал больному 50 к<опеек> за твое здоровье. Будь здорова и счастлива, а я буду надеяться. Это еще не последнее письмо из Москвы.

Целую твои перчатки. Преданный тебе

душою А. Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 19–20 об.

Публикуется впервые.

¹ «В город» — т. е. из Замоскворечья в центральную часть Москвы.

^a до востребования (*франц.*).

² Видимо, Фет заехал в контору фирмы «Петра Боткина сыновья».

³ 18 июля — день рождения М. П. Боткиной.

⁴ *Кетчер* Николай Христофорович (1806?—1886), врач, литератор, переводчик. Был тесно связан с издательством Солдатенкова-Щепкина, помогал в издании многих книг.

⁵ См. примеч. 5 к письму 22.

⁶ *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875), литератор, библиограф, мемуарист, приятель И. С. Тургенева и В. П. Боткина. В 1867—1871 гг. орловский губернатор, затем по 1874 г. — начальник главного управления по делам печати МВД. Фет познакомился с ним в декабре 1853 г., будучи в Петербурге, о чем впоследствии вспоминал: «С первого знакомства сошелся с веселым М. Н. Лонгиновым, сохранившим ко мне приязнь до своей смерти <...>» (*МВ*. Ч. 1. С. 33). К Лонгинову обращено стихотворное послание Фета «Я был у Кача и Орбека...» (1871).

⁷ С просьбой о помощи Фет обратился к Лонгинову за месяц до того, в письме от 23 июня 1857 г.: «...пришло время осуществить Ваше обязательное обещание написать к Вашему знакомому в Инспекторский департамент Военно<ого> министерства касательно моего прошения о заграничном отпуске. Об нем мое прошение послано в Департамент из Ордонансгауза, т. е. от московского коменданта на этой неделе. Будьте так обязательны, напишите два слова о скорейшем ходе этого дела или, лучше сказать, о возможном его ускорении» (*ИРЛИ*. № 23300. Л. 7—7 об.; *Фет/Лонгинов*. С. 226).

⁸ О Е. В. Чичериной см. примеч. 3 к письму 4.

⁹ Фет неточно цитирует стихотворение Лермонтова «Слышу ли голос твой...» (1834 — начало 1838 г.).

¹⁰ Чай фирмы «Петра Боткина сыновья» считался одним из лучших в России. Предприятие по его поставке было основано купцом 1-й гильдии П. К. Боткиным в начале XIX в. как единоличное владение. Первоначально чай закупался в Кяхте, затем через посредников в Китае, на острове Цейлон, в Лондоне. В 1854 г. единоличное владение было преобразовано в торговый дом «Петра Боткина сыновья».

¹¹ О Н. К. Боткиной см. примеч. 2 к письму 7.

26

19 июля 1857 г. Москва

19-го вечером.

Нежный! единственный друг мой.

Что мне сказать тебе? Каким ласковым именем назвать? Как заставить твое сердце откликнуться на зов мой? Сказать тебе, что ты не покидаешь меня ни на минуту в продолжение дня, что, что бы я ни делал, куда бы ни обращался — в голове одна мысль — *ты*, в сердце одно чувство — *ты*. Не примешивайся к этой жизни — невыносимое желание видеть тебя, нестерпимая тоска разлуки, я бы блаженствовал. Но в настоящем случае это чувство так односторонне и безвыходно, что убивает всю жизнь. Никакое и ничье слово не может меня теперь утешить,

даже и твое ласковое, приветливое слово может меня привести в восторг только на время. Мне надо его слышать из уст твоих, мне необходимо знать, что я уже не расстанусь с тобой. Ты сама просила, уезжая, чтобы я тебе писал все, что ни происходит в душе моей. Я это исполнил в точности. Я старался тебе передать все, что могло хотя сколько-нибудь интересовать тебя. Я тебе уже сказал, что у меня от тебя не будет *никаких тайн* во всю жизнь. Я хочу, чтобы ты читала в душе моей, как в своей собственной. Нас разделяют тысячи верст; но каждый раз, когда я подхожу к столу, чтобы писать к тебе, мне кажется, что на меня смотрит какое-то кроткое, любящее существо, и я совершенно разлагаюсь в этом сладостном чувстве. Еще несколько дней и паспорт будет в моих руках, и я не успокоюсь до Диеппа. Как-то ты меня встретишь?

Сегодня принесли кровати, купленные мною, но твою перевезут после нашей свадьбы, в день свадьбы я напишу, чтобы Марьюшка переезжала к нам. У вас наверху на Маросейке ломают печи на будущей неделе, и потому послезавтра ко мне перевезут рояль мастера-фортепьянщики. Будь покойна, все будет цело. — На это письмо уже не отвечай в Москву, а в Париж *poste restante*,^а если будешь писать. Впрочем, я умоляю только об одной строчке, хотя об одном слове. Я никогда в жизнь мою так не томился, как это время. Сегодня утром я обещал писать и вечером сдержал обещанье. Я слышал, ты прислала образчики платяев — как я рад! Ты у меня всегда должна быть *«нарядна, как бабочка летом»*.¹ Будь здорова и весела, моя голубушка, и не забывай преданного тебе всеми силами жизни А Фет<а>.

На конверте:

Dieppe (France).
Mademoiselle
Mlle Marie Botkine.
Poste restante.
Hôtel Royal.⁶

Почтовые штемпели: 1) Prusse, Valenciennes, 9 août <18>57; 2) Paris, 10 août <18>57; 3) Dieppe, 10 août <18>57.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 21—21 об.; конверт — л. III.

Публикуется впервые.

¹ Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840) («Как мальчик кудрявый, резва...»).

^а до востребования (*франц.*).

⁶ *Дьепп* (Франция). / Мадемуазель / М-ль Мари Боткиной. / До востребования (*франц.*). «Poste restante» *зачеркнуто, ниже неизвестной рукой приписано*: «Hôtel Royal».

Москва. $\frac{24\text{-го июля}}{5\text{ августа.}}$
 Вечер.

Только сию минуту прочел я твое письмо из Диеппа от 24-го июля¹ и хотел бранить тебя за слова: «если ты позволишь мне брать Машу»,² но подумал, чего же я от нее хочу. Она милая, добрая, она не хочет ничего делать, не спросясь своего друга, а я ее за это буду бранить. Да ведь и я же ей буду говорить «если ты позволишь?». Стало быть, тут дело общее. Да, моя милая — ты решилась меня радовать каждым движением твоей души, да благословит тебя за это Бог, а я молчу и жду. Паспорта еще нет,³ а то бы я уже уехал к тебе, через неделю верно выеду один, без сестры, как это тебе известно, и привезу от Дмитрия⁴ твои деньги. Упрямая хозяйка⁵ все еще не уступает тех комнат, но комнаты отличные, и я их так или сяк возьму. Так как тебя интересует вопрос о мебели и вопрос важный действительно, то я тебе скажу, где что будет. В зале ясеневое все: раздвижной стол, буфет, две дюжины^a стульев и рояль. Все это куплено и стоит в зале. Направо: у меня в кабинете. Новая^b кушетка, твое кресло старое, которое я велел переделать, одна из твоих шифоньер, твой вольтер,⁶ еще кресло, купленное мной, и складной стул, да большое бюро, на котором пишу. Все это: «если ты позволишь?», да этой мебели иначе и стоять негде, как ты сама увидишь. Теперь в гостиной. Из неполированного ореха: большое трюмо, диван и стол, кушетка для двух, твой письменный столик, две тумбы, жардиньерка, три кресла и четыре стула. Все это заказано у немца⁷ и будет готово к 15 августу. Далее комната домашняя. В ней ломберный стол от немца, твой круглый маленький стол и круглый диван и 6 твоих кресел. Потом спальня: две кровати, одна из новых и твоя, и потом все, как было на Маросейке, даже такие же драпри. Оттуда ход в девичью к твоей милой Марьюшке — оттуда еще комната со шкапом во всю стену, там будет одна из новых кроватей и можно для гостей ставить еще мою железную кровать — для этой комнаты купим стульев по приезде, а из нее другой вход ко мне в кабинет. Вот и все. Ты, душка, не поверишь, что эти мелочи стоят. Вот сегодня: кучеру армяк, да человеку ливрею, да на лестницу ковер, ан 100 рублей и прощай. Но что нужно, то нужно. К приезду все будет готово. Я забыл тебе сказать мою ра-

^a Далее зачеркнуто: кр<есел?>

^b Новая — вписано над строкой.

дось — третьего дня Петр Петрович⁸ за шампанским, поздравляя меня с твоим Ангелом, проговорился, что не знает, куда ему девать Федора повара. «Батюшка, родной! давайте его нам!» Итак, у тебя знакомый повар и, по слухам, хороший человек. В Кунцеве у Дмитрия Петр<овича> живет какой-то курносый, белокурый молодец, которого я не раз видал там, и он мне прислуживал. Третьего дня подъезжаю я к крыльцу на Маросейке, как вдруг он показывается из-за угла подъезда, снимает картуз и, улыбаясь, говорит: «Здравствуйте, Афан<асий> Афана<сьевич>, честь имею поздравить с именинницей!». У кучера моего даже лицо просияло, а я готов был обнять курносого и подал ему первые две попавшиеся монеты. — Неужели ты думаешь, что меня не радует всякое благородное побуждение твоего сердца — я должен теперь говорить не твоего, а *моего*, потому что твое сердечко, Мари, мое. Маша Григорович⁹ любит тебя, и я уже думал, что ты ее будешь брать, как брала прежде.

Ты не ошибаешься: я действительно постараюсь быть не истуканом, а настоящим мужем; но не забудь, что я сколько-нибудь развитый и понимающий человек и люблю и буду всегда любить тебя. Ты мое солнышко, моя ненаглядная. Что касается до моей бедной сестренки, то она бы тебя обожала, потому что она во мне души не слышит и потому что ты сама добрая, Маша. Между вами двумя я бы сказал, что я в раю.

Маша, голубушка! Мне страшно думать о тебе, ты видишь сама, я начал это письмо довольно спокойно, но по мере того, как беседую с тобой, сердце мое начинает мучительно сжиматься. Трудно себе представить все то, что мною в это время передумано, перечувствовано! Я не хочу, чтобы ты когда-либо сожалела о том, что вышла за меня замуж. Понимаешь ли? *Я этого не хочу*. Быть причиной чужого несчастья, должно быть, невыносимое чувство. Я его не вынесу, это мне не по силам. В настоящую минуту не могу даже ни о чем тебя спрашивать. Весь твой ответ в Париже или в Диеппе. Буду скакать, как угорелый, и пусть Бог вложит в твое сердце слова, которыми ты встретишь бедного влюбленного. Радуюсь, что Дмитрий Петрович посылает тебе через меня деньги — значит, я тебя увижу. Письма моего я не могу привезти тебе из Парижа, без твоего паспорта его мне ни в каком случае не выдадут.¹⁰ И на что тебе это несчастное письмо, если ты меня любишь и я сам буду при тебе. Только жизнью могу я доказать то, что в отношении тебя накопилось в груди моей. А слова бессильны. Поверь, что никакое письмо тебе не скажет того, что я тебе скажу одним поцелуем. Да! Кстати. Можешь себе представить, что я по нескольку раз в день представляю себе нашу встречу. Разумеется, если ты меня встретишь, то ты встретишь меня, потому что любишь, как невеста встречает человека, который через неделю будет ее мужем. Итак, если я выйду из ва-

гона и ты тут, то я брошусь к тебе на шею. Но я знаю, сколько людей бывает на амбаркадерах.¹¹ Нет ли в Диеппе карет? Поэтому всего лучше было бы, если бы ты взяла карету и мы могли на ней доехать до вас. В карете нас никто не увидит, и мы не будем возбуждать общего внимания. Но впрочем, что нам до них. Это я теперь сида за столом рассуждаю, а там все забудешь.

Неужели я до субботы, т. е. до 27-го, не получу паспорта? Чемоданы будут готовы — только паспорт в руки и пошел в Питер, а там на пароход¹² и далее. У меня давно написано письмо к Некрасову,¹³ я знаю, что он знает о нашей свадьбе и потому обидится, если я ему про нее ничего не напишу, а мне страшно отпралять — думаю, а ну как это не сбудется, что Мари тогда вправе про меня подумать? Так письмо и лежит. По приезде к тебе посоветуюсь окончательно с тобою и сейчас напишу в Москву к человеку твои приказания, а без этого я на многое сам не решаюсь. Так, насчет постели на твою кровать. Моя пружинная готова, и спать на ней наслаждение, а ты, как тебе угодно, так и будет, я в это не мешаюсь. Хочешь пружинную, она к приезду будет готова, хочешь оставить, как есть, оставляй.

Сегодня я слышал грустную новость. Мать Елисаветы Васильевны¹⁴ скончалась; но ей скорей надо радоваться, что такие страдания прекратились. Сегодня я обедал на Маросейке, да и завтра, может быть, туда поеду. Дмитрий Петрович будет, а сегодня, обрадовавшись хорошей погоде, он уехал в Кунцево. В пятницу еду в Кунцево прощаться, а то по получении паспорта так заматаюсь, что не успею и проститься. Извини, мой Ангел, мой гнусный почерк. Сегодня писать надо много, и я тороплюсь, а оторваться от тебя не хочется. Боже! боже! Неужели я потеряю тебя? Это было бы ужасно! ужасно! Лучше увидеть тебя и умереть. Завтра ожидаю прачку из деревни, жену нашего кучера. Целое утро завтра буду бегать, а теперь иду спать, оставляя этот клочок бумаги на завтра. Ангел мой! Мари! сжался надо мною!

Вот и утро! Погода хмурилась, но хочет разгуляться. Через час еду по мытарствам. Я забыл сказать, что велел переправить твоё большое бархатное кресло для комнаты между твоим кабинетом и спальней. Василия Петровича, от которого вчера получил второе письмо,¹⁵ я уже пригласил на 16/28 августа в Париж, на свадьбу. Если ты, опоздав, делаешь меня дураком перед твоим старшим братом, то сама перед ним и отвечай. Ага! что? не бойсь его-то боишьсь. Через две недели с небольшим, если Бог даст и *если ты позволишь*, я буду у ног твоих. Вот где слова *если ты позволишь* вполне у места. Весь твой

А. Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 24—27 об. Письмо написано на двух двойных листах почтовой бумаги. Листы пронумерованы Фетом: «Л. 1-й», «Л. 2». К письму 27 прилагается конверт IV, при первоначальной архивной обработке помеченный тем же шифром «Ф. 733», что и письмо. Однако, судя по московскому почтовому штемпелю от 24 июля, конверт относился к утраченному письму, которое предшествовало письму 27. Это утраченное письмо пришло в Дьепп 13 августа н. ст. и в тот же день попало в руки М. П. Боткиной, о чем свидетельствует сделанная ею надпись на конверте: «Пол<учено> 13 авгу<ста>».

Сохранился черновик к данному письму (без окончания): Там же. Л. 31, 32 об.; на л. 31 об.—32 текст смыт.

Публикуется впервые.

¹ Т. е. от 12 июля ст. ст. 1857 г. Это письмо М. П. Боткиной было ответом на письмо Фета от 2 июля (№ 16), полученное адресатом 12 (24) июля (см. примеч. 10 к наст. письму).

² Речь идет о Марии Григорович (см. примеч. 9 к наст. письму).

³ Высочайший приказ о заграничном отпуске Фета был подписан 14 июля 1857 г. (см. примеч. 1 к письму 21), но необходимые документы были оформлены позднее.

⁴ О Д. П. Боткине см. примеч. 5 к письму 4.

⁵ Имеется в виду Е. Н. Сердобинская, у которой Фет снял квартиру (см. примеч. 5 к письму 9).

⁶ См. примеч. 4 к письму 12.

⁷ Имеется в виду мебель производства фирмы Гамбса. *Гамбс* Генрих Даниэль (1764—1831), основатель популярной марки мебели из красного дерева с отделкой латунью, работал в Петербурге. После его смерти мебельное производство унаследовали и продолжили его сыновья Петр (1802—1871) и Эрнест (1805—1831). До середины XIX в. мебель Гамбсов была ведущей на рынке мебели.

⁸ О П. П. Боткине см. примеч. 2 к письму 7.

⁹ Имеется в виду дочь писателя Д. В. Григоровича от его первой жены Анастасии Николаевны (урожд. Степанова). Маша Григорович воспитывалась в московском пансионе, родных в Москве у нее не было, и М. П. Боткина брала ее к себе на праздничные дни как до, так и после своего замужества. В конце января 1858 г. она писала В. П. Боткину: «Сегодня взяла Машу Григорович из пансиона на всю масленицу, и она ужасно довольна» (РГБ. Ф. 258. К. 1. № 68. Л. 16 об.). Сохранилось также ее письмо к М. Д. Григорович от 19 февраля <1864 г.>, в конце которого Фет приписал: «...мы все, знающие Вас, с удовольствием вспоминаем время, когда Вы вертелись перед нами» (РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. № 96. Л. 2 об.). Впоследствии М. Д. Григорович вышла замуж за А. А. Черемисинова.

¹⁰ В письме 16 (от 2 июля 1857 г.), которое, судя по почтовому штемпелю на конверте, пришло в Дьепп 12 (24) июля, Фет писал Боткиной, что «сегодня» отправил ей письмо в Париж.

¹¹ *Амбаркадер* — от *embarcadère* (франц.). В данном случае — платформа железнодорожной станции.

¹² См. примеч. 1 к письму 28.

¹³ Это письмо неизвестно.

¹⁴ См. примеч. 3 к письму 4.

¹⁵ Это письмо, как и первое письмо В. П. Боткина, не сохранилось. С 16 июля 1857 г. он находился в Дьеппе. «Ведь может же случиться такая путаница! — писал

Боткин брату Дмитрию 26 июля (7 августа). — Я жду здесь сестер и удивляюсь их отсутствию, — а они уже две недели здесь — и ждут меня! Назад тому четыре дня — совершенно нечаянно встречаю их!! <...> Можешь представить себе, с каким удовольствием я встретился с ними! Теперь видаемся мы постоянно. Я нашел их в совершенном здоровье». Далее Боткин переходит к предстоящему замужеству сестры: «Приедет ли сюда Фет и когда? — Вот что теперь меня постоянно занимает. Если свадьба действительно состоится, то, мне кажется, надобно увеличить проценты с капитала Маши и назначить их с октября 1856. Мне кажется, что надобно бы положить 7 %. Положим, что для нас в этом не будет расчета, но ведь денежные средства их будут весьма ограниченны; для них это будет не излишек, а необходимое. Для нас же авось потери не будет» (РГБ. Ф. 258. К. 1. № 10. Л. 6—7).

28

3 (15) августа 1857 г. Любек

Любек.

$\frac{3}{15}$ августа.

Голубушка Мари!

Видишь сама, можно ли писать этим пером; но тем не менее я пишу к тебе, сидя в гостинице, в которой должен ночевать, потому что паровоз опоздал к железной дороге.¹ Завтра я буду в Гамбурге и к вечеру в Ганновере, а послезавтра, т. е. 5-го, в Висбадене и постараюсь ночевать в Дармштадте, где нужно отдать деньги сестре.² 6-го вечером я в Париже и остановлюсь в Hôtel du Louvre, а 8-го я у тебя в Диеппе.³ Итак, мой нежный и единственный друг, напиши мне à Monsieur Fette, Hôtel du Louvre, à Paris^a и скажи мне в письме: писала ли ты мне Paris poste restante.⁶ Я буду хлопотать целый день и незачем даром ездить на почту.⁴ Все будет готово, и 8-го с первым поездом я у тебя в Диеппе. Ты знаешь, что мое состояние, жизнь и честь в твоих руках. Если меня ждет горе, то хотя в последний раз скажу тебе письменно, что люблю тебя всей душой, моя дорогая Маша. Еще 5 дней и я увижу тебя! Боже, что меня ожидает?? Люблю тебя, мое сокровище,

твой верный

Фет.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 34—34 об.
Публикуется впервые.

^a Господину Фету, Hôtel du Louvre, в Париже (франц.).

⁶ Париж, до востребования (франц.).

¹ Фет прибыл в Любек на борту парохода «Нева», отбывшего из Кронштадта 31 июля 1857 г. (подробнее об этом см. вступит. статью к наст. публикации).

² Речь идет о Л. Аф. Шеншиной, с которой, однако, Фет встретился не в Дармштадте, а в Висбадене (см. письмо 29).

³ См. примеч. 3 к письму 29.

⁴ Видимо, М. П. Боткина не успела получить данное письмо вовремя, поскольку по приезде в Париж Фет нашел ее письма не в отеле, как ожидал, а на почте. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 197—198.

29

5 (17) августа 1857 г. Висбаден

Милый голубчик Мари!

Я сижу у брата и сестер в настоящую минуту в Висбадене¹ и потому не могу быть 8-го, а буду 9-го, т. е. 21-го нового стиля.² Во всяком случае накануне ты получишь от меня известие о часе моего прибытия в Дьепре. Я все-таки остановлюсь Hôtel du Louvre.³ Извини, что пишу дурно, тороплюсь. Завтра утром еду в Дармштадт,⁴ а послезавтра вечером я в Париже. Целую твою руку и прошу передать сестре⁵ мой усердный поклон.

Голубчик! Скоро, скоро я у тебя

твой А. Фет.

На конверте:

Dieppe (France).
Rue de Haut Pas, № 38.
Maison de Broutelles.
Mademoiselle
Mlle <Мари>^a Botkine.⁶

Почтовый штемпель: Wies<baden>, 17 Aug<ust> 1857.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 22. Л. 35; конверт — л. VI. Датируется по почтовому штемпелю.

Публикуется впервые.

¹ В мемуарах Фета есть упоминание об этой встрече с родственниками: «...и я, заехав на минутку в Висбаден, чтобы свезти брату Василию с женою и сестре Любиньке деньги, покинул их с первым отходящим поездом и через Страсбург полетел в Париж» (*МВ*. Ч. 1. С. 197).

---

^a Часть конверта оторвана.

⁶ Дьепш (Франция). / Улица Haut Pas, № 38. / Дом Брутель. / Мадемуазель / М-ль <Мари> Боткиной (франц.).

² На самом деле Фет приехал в Дьепп днем раньше первоначально намеченного срока, 7 (19) августа 1857 г., а 10 (22) августа вместе с невестой уже отбыл в Париж (Письмо В. П. Боткина к Д. П. Боткину от 7 (19), 8 (20) и 12 (24) августа 1857 г. (Машинописная копия): *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 2. № 107. Л. 9–11). См. также: *МВ*. Ч. 1. С. 197–200.

³ Имеется в виду гостиница, в которой Фет собирался остановиться в Париже.

⁴ Видимо, поездку в Дармштадт Фет отменил.

⁵ Имеется в виду Е. П. Щукина.